

Российская Академия Наук
Институт философии

**МОДЕРНИЗАЦИЯ И ГЛОБАЛИЗАЦИЯ:
ОБРАЗЫ РОССИИ В XXI ВЕКЕ**

Москва
2002

УДК 308
ББК 60.55
М 54

Ответственный редактор

доктор филос. наук *В.Г. Федотова*

Авторы коллективной монографии

к.ф.н. *В.Б. Власова* (IV, 7), *Ч. Даргын-оол* (IV, 8), *Н.Н. Кобелев* (IV, 9), д.ф.н.

Л.И. Новикова (III, 6 - Русь, куда-ж несешься ты? Дай ответ ...), д.ф.н.

И.Н. Сиземская (1, 2), д.ф.н.

В.Г. Федотова (I, 1; II, 3, 4; III, 5, 6;), к.с.н.

Н.Н. Федотова (I, 1 - Глобализация и идентичность, проблема России)

Редактор *Н.Н. Лебедева*

Ученый секретарь *Н.Н. Петренко*

Рецензенты

доктор филос. наук *Л.А. Беляева*

доктор филос. наук *А.А. Кара-Мурза*

доктор филос. наук *Т.Ф. Кузнецова*

М 54

Модернизация и глобализация: образы России в XXI веке. — М., 2002. — 208 с.

В работе показаны изменения, которые вносит глобализация в модернизационную теорию, проанализировано появление множества «модернизмов» и отсутствие сегодня универсальной модели развития. Рассматривая модерн как «незавершенный проект» (Ю. Хабермас, Э. Гидденс и др.), авторы анализируют переход Запада в новую современность на примере «третьего пути», предложенного Гидденсом и практически-политически реализуемого Т. Блэр, Г. Шредером и др. в своих странах. Задачи России трактуются как двухсторонние: выход в глобальную экономику и решение внутренних проблем путем модернизации нового типа, не имеющей догоняющего характера. Анализируется перспектива российского развития, образы России и сценарии ее будущего.

ISBN 5-201-02097-6

© ИФРАН, 2002

Введение

Социальная наука сегодня испытывает большие сложности в осмыслении российских реформ, прежде всего, потому, что процессы слома коммунизма и посткоммунистического развития в России, начавшиеся спонтанно, непреднамеренно и неожиданно для всех, оказались, вместе с тем, частью происходящих в мире перемен. «Невидимая рука» глобального рынка толкала к открытию страны для товаров, капиталов и информации, однако, этот рынок не мог состояться без падения коммунистического режима. Многие идеологические штампы, идеи и образы, например, демонизация коммунизма, а затем и демонизация России, несмотря на ее собственную демократическую инициативу, потери, жертвы и травмы на этом пути, оказались далекими от понимания подлинного трагизма любых радикальных перемен. Опасное переосмысление прошлого в направлении его отрицания коснулось не только истории, политики, общества, ценностей, но и социальной теории, с готовностью владающей сегодня в постэволюционизм и постпрогрессизм, неисторически относящейся к теории модернизации, прогрессу, не замечающей того, что перемены вызваны новыми процессами. Авторы труда попытались сохранить историзм и проследить причины перемен во взглядах на модернизацию, оценить российскую перспективу.

В первом разделе анализируется связь процессов глобализации и модернизации, изменения в статусе модернизации.

Второй раздел посвящен изменению модернизационных теорий и их замещению новыми, в том числе концепцией национальных модернизаций, для которой «модерн — незавершенный проект», как об этом сказал Ю.Хабермас и как считают также Э.Гидденс, С.Лэш, У.Бек. Здесь рассмотрен вариант трактовки новой современности Э.Гидденсом и политическое применение его взглядов в политике Т.Блэра, Г.Шредера и др. Разбираются невыученные Россией уроки третьего пути.

В третьем разделе анализируются образы и сценарии российского развития, перспективы российского третьего пути по модели Гидденса как один из вариантов российской модернизации.

Последний раздел посвящен роли традиций при сложном переплетении тенденций глобализации и модернизации на уровне как страны в целом, так и отдельного региона (Туву), а так же рассматриваются перспективы персональной модернизации.

РАЗДЕЛ I. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ

Термин «глобализация» появился совсем недавно для характеристики нового процесса социальной трансформации, который будет описан ниже. Появление глобализации в реальности есть завершение того процесса образования всемирных связей, свободной торговли и становления всемирной истории, которые составили суть пятисотлетней истории Запада и мира в целом, устремленных к прогрессу, осуществляющих модернизацию. Сегодня эти процессы вытеснены на периферию, на уровень локального развития, где выбор модернизационных моделей становится более многообразным и направленным не только на решение внутренних задач, но и на нахождение своего места в глобальном мире и в глобальной экономике. Оглядываясь назад, недостатки классической модернизационной теории кажутся все более очевидными, ее применение все более утопическим. Но, вместе с тем, вряд ли с нашим сегодняшним опытом можно подходить к прошлому, у которого был свой опыт, своя логика развития.

Глава 1. Россия в глобальном и внутреннем мире

Название данной главы пытается представить ее проблемы: с одной стороны, реакцию России на процесс глобализации, с другой стороны, анализ ряда внутренних задач, которые стоят перед обществом. Мы попытаемся ответить на вопрос, как связаны эти задачи, насколько они расходятся, выразить свое отношение к прошлому, настоящему и будущему России.

Глобализация

Термин «глобализация» во многом вытеснил упомянутые выше теории прогресса и модернизации. Как показал В.Л.Иноземцев, он уменьшил частоту употребления терминов «устойчивое развитие» и «постмодернизм». Количество книг, в заглавии которых используется слово «глобализация» стало лавинообразно увеличиваться в Библиотеке Конгресса с начала 90-х годов¹. Связано ли появление и этой концепции с российским контекстом, мы ответим позже.

Термин «глобализация» возник для характеристики транснационального функционирования экономики и информации, которые, резко нарастая в последнее десятилетие XX века, сделали прозрачными для финансово-информационных систем национально-государственные границы и обеспечили преимущество тем, кто вступил в технологически-информационную революцию. Так, по определению одного из специалистов, «глобализация — процесс лавинообразного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий»². Другая характеристика этого процесса: «Глобализация — это слияние национальных экономик в единую общемировую систему. Она основывается на возникшей в последнее десятилетие XX века легкости перемещения капитала, на новой информационной открытости мира, технологической революции, приверженности развитых индустриальных стран либерализации движения товаров и капитала»³. Глобализация, таким образом, это — не то, желательность или нежелательность чего сегодня подлежит обсуждению. Она есть. Ее перспективы и угрозы, безусловно, важно исследовать. Но, прежде всего, необходимо сказать о ее сущности: глобализация означает победу капитала и информационной свободы над национальными интересами, в особенности западных стран, создание транснациональных систем. Вестфальская система национальных государств, составлявшая основу мирового порядка в течение 350 лет, дала трещину. Филадельфийская система как более позднее «уточнение» Вестфальской системы после Филадельфийского конгресса в США, на котором были приняты основополагающие документы Америки, делавшие демократию не только американским, но и мировым институтом, также претерпевает изменения.

Проиллюстрируем ключевые факторы глобализации — информационный, экономический и технологический. Их можно назвать так же информационно-экономическим и информационно-технологическим.

Прежде всего, с изобретением компьютера и Интернета и введением их в экономику все операции невероятно ускорились и изменились качественно, а не только количественно. Возникла открытость технической информации. В Интернете можно найти технические и технологические инновации, ноу-хау. В перспективе патентные службы могут оказаться лишними, и технический шанс появляется у всех, кто способен им воспользоваться.

Кроме информационных аспектов, конечно, важнейшей характеристикой глобализации, того, что называют глобализацией — давайте так скажем, являются чрезвычайно низкие таможенные барьеры. (Примерно 60% до Второй мировой войны и 5 — 6% сейчас). Столь низкие тарифы облегчили перемещение товаров и капиталов. Но, кроме этого, произошла как бы потеря деньгами своего «патриотизма». Если всего несколько лет назад британской компании для того, чтобы начать разрабатывать нефть в Иране, надо было спрашивать разрешения своего правительства, то сегодня ей этого не надо делать. В начале 90-х турецкие бизнесмены нуждались в разрешении своего правительства на получения большого заказа из-за рубежа (например, произвести 3000 микропекарен по заказу российских бизнесменов для производства белого хлеба) или крупного бизнеса в другой стране. Теперь турки вытеснили нашу текстильную промышленность безо всякого участия как своего, так и российского правительств по причине более успешной конкурентности с нашей разоренной текстильной отраслью. Никто уже не сомневается в том, что если сталь в Череповце будет плавиться плохо, туда придут турецкие или китайские предприниматели. Транснациональный рынок существует, и его можно закрыть для какой-либо страны только авторитарным путем. Мы открылись, обнажились, показали свои слабости, но в то же время мы получили и шанс: нас открывал М.С.Горбачев, когда ликвидировал СЭВ, нас открывал Е.Т.Гайдар. Оказалось, однако, что мы совершенно слабы для того, чтобы войти в этот открытый мир. Но, тем не менее, у нас появился стимул в него войти.

Экономические изменения глобального масштаба характеризуются доминированием финансового рынка над товарным. Деньги стали делать деньги на законных основаниях, предос-

тавляемых финансово-правовыми установлениями. Но еще более важное значение, чем деньги, имеют технологии, которые, будучи сращенными с информацией, могут обеспечить производство новых товаров и услуг с меньшей, чем прежде, стоимостью и создать новые уникальные продукты мирового рынка. *Уникальность и дешевизна — два важнейших фактора вхождения в глобальную экономику: «Рыночная сила производителя, а, следовательно, — и конкурентная эффективность используемых им технологий возрастают по мере движения от однородных «биржевых» через сложные товары — к уникальным товарам, к которым относится не только уникальное производственное оборудование, но и сложные потребительские товары, поддерживаемые технологиями воздействия на массовое сознание»⁴. Это последнее — технологии воздействия на массовое сознание, т.е. информационные технологии, реклама, PR виртуально обеспечивает победу товарам, конкурентные свойства, которых не выше, чем у других его нередко равноценных соперников. К объективным качествам товара присоединяются символы его признания, которые некоторые авторы описывают как «французский хлеб, итальянская мода, испанское вино», и пр. И тот, кто не только произвел нечто уникальное или особенное или это особенное в наиболее дешевом варианте, но и получил престижно-смысловое признание, становится победителем глобального рынка.*

Поскольку экономический прогресс определяется инновациями, богатеют богатые страны. Те страны, в которых доход на душу населения 20 тыс. дол. в год и выше, являются участниками глобальной экономики и не столько из-за денег, а потому, что подобный уровень жизни сопряжен с высоким технологическим развитием.

Глобализация сузила национальные возможности влиять на экономику. Этот вызов поставил под вопрос возможности построения социального государства в развивающихся странах. Поэтому проблема вхождения в глобальный мир — это новый вариант вопроса о прогрессе, хотя у него есть качественное отличие, которое будет показано на примере России. Глобализация создает клуб стран-чемпионов. Это — клуб избранных стран. Кто из незападных стран вошел в мир глобальной экономики? Приведем данные, которые имеются в литературе: десять стран — Бразилия, Индия, ЮАР, Турция, Польша, Южная Корея, Китай, Аргентина, Мексика, Индонезия (до 1998). России тут нет. Тут нет, скажем, и Саудовской Аравии с ее нефтью, потому

что здесь предъявляются несырьевые требования. Считается, что сырье, вооружение, товары первичной индустриальной переработки не могут характеризовать страну как участницу глобальной экономики, что подобное участие формируется высокотехнологичными и информационно емкими продуктами или продуктами, занимающими преобладающий объем на рынке или монопольно представленными на нем. Объем российской международной торговли невелик, и в ней преобладает сырье. Если Россия перестанет добывать нефть, в мировой экономике не многое изменится. Больше нефти произведут страны ОПЕК или Венесуэла. Япония не может войти в глобальный мир, т.к. она не может предоставить гражданство никому, кроме японцев. Ее культура слишком локальна. Ее национальный продукт не растет с 90-х годов. Но, вместе с тем, Япония входит в глобальную экономику. Россия, покончив с коммунизмом, вошла в глобальный мир, но не вошла в глобальную экономику. Как десять западных стран сумели войти в глобальную экономику? Они смогли это сделать, т.к. стали производить тот или иной продукт, который оказался или самым лучшим, или самым дешевым из этого класса товаров для мирового рынка, а также был информационно представлен людям в качестве такового. Политическая критика Китая не помешала американцам открыть для него свой рынок: обувь, одежда, куртки на рынке США успешно конкурируют с американскими товарами и занимают там большой объем. Туристы удивляются, что купленная американская вещь при более пристальном рассмотрении оказывается китайской. Китайцы активно пользуются Интернетом и причисляются к одним из самых многочисленных его пользователей (хотя отмечается, что среди потребляемой информации большое место занимают порнофильмы, с которых делаются для продажи пиратские копии). Сто тысяч китайцев обучаются в США. Сегодня в Америке трудно найти американца-яппи — человека, героя 60-х, пребывающего в безудержной трудовой и карьерной гонке, но китайцы-яппи встречаются очень часто. Программисты Индии, текстильщики Турции сумели добиться признания на глобальном рынке. В Польше цена рабочей силы в 5–6 раз ниже, чем в Германии. Дешевая рабочая сила Польши, включенная в немецкие компании, производящие Фольксваген в Познани, глобализировала польскую экономику.

Если упомянутые выше западные страны «прорвались» в глобальную экономику на уровне отдельных достижений, то постиндустриальные общества заняли в ней преобладающее ме-

сто. Хотя такие понятия, как постиндустриальное или информационное общество сегодня вытесняются термином глобализация, это происходит как раз потому, что глобализация имеет дело именно с ними. Еще в 1982 году Дж. Несбит определил десять новых мегатрендов, т.е. глобальных тенденций: переход от индустриального общества к информационному, от развитой техники к высоким технологиям, от национальной экономики к мировой, от краткосрочных задач к долгосрочным, от централизации к децентрализации, от институциональной помощи к самопомощи, от представительной демократии к непосредственной, от иерархии к сетям, от Севера к Югу, от альтернативного выбора «или/или» к многообразию выбора. Это описание предугадало глобализацию, а вместе с этим присущие ей деинституционализацию, возможность анархии (самопомощь — ведущий принцип анархии по П.Н. Крпоткину), переход к сетевым структурам⁵. Последнюю тему развил М. Кастельс, раскрывший значимость не только информационно-экономической, но информационно-технологической революции и сетевого принципа⁶.

А как живут те, кто не вошел в глобальную экономико-информационную, финансово-правовую и информационно-технологическую систему? Именно три этих составляющих глобализации и их совместное действие обеспечили ее лавинообразное развертывание. Посмотрим, что несет глобализация периферии мира, близко к которой находится и Россия. Как показано в докладе ООН за 1999 год «Глобализация с человеческим лицом», контраст между развитыми и развивающимися странами усиливается, рост «четвертого мира» становится чрезвычайным, разрыв доходов между пятью богатейшими и пятью беднейшими странами был 30:1 в 60-м году, 60:1 — в 90-м году, 74:1 — в 97-м году. 19% мирового населения имеют 71% глобальной торговли товаров и услуг. Из 82% мирового экспорта доля 5 беднейших стран составляет 1%. Из 74% мировых телефонных сетей эти страны имеют долю в 1,5 % и т.д.⁷.

Почему такой разрыв приписывается следствиям глобализации. Из того же доклада видно, что нарастание разрыва происходило и до начала 90-х, с которых начинается отсчет глобализации в указанном выше смысле. Во-первых, цифры свидетельствуют об ускорении разрыва богатых и бедных стран с началом глобализации. Во-вторых, у информационно, экономически и технологически развитых стран в ходе глобализации возникают

необычайные преимущества исходя из ее сущности, которую мы изложили выше. Глобализация часто сравнивается со спортом. Войти в глобальный мир — это похоже на то, чтобы войти в спортивный зал и попытаться стать чемпионом. Те, кто не может этого, кто слаб, кому противопоказан спорт, должны просто сойти с дороги, чтобы не быть сшибленными бегущими спортсменами.

Глобализация и модернизация

Нельзя согласиться с теми, кто считает, что глобализация — это продолжение модернизации. Дело обстоит как раз наоборот. Глобальная экономика — это клуб уже модернизированных. Прежде господствовала идея прогресса (эвфемизм развития по западному пути). В одном из своих конкретных воплощений она представляла как модернизация. Становление современного Запада создало, прежде всего, политические и культурные условия, которые закрепляли трудовую мотивацию, формировали автономного индивида с его ответственной свободой и государство, находящееся под контролем гражданского общества. Согласно наиболее распространенной в течение долгого времени концепции, незападные страны следуют догоняющей (Запад) модели, стремятся воспроизвести институциональные системы Запада. Теперь оказалось, что не все могут осуществить этот процесс, и Россия в 90-е не смогла завершить то, что начал Петр I. Увеличивается число стран четвертого мира. Осознав это, клуб избранных как бы решил зафиксировать статус-кво на приемлемых для себя условиях, оставив идею подталкивать к развитию менее удачливых, ощутив нехватку сил для подтягивания каждого общества к глобальному развитию в этом огромном мире. Этот клуб избранных уверен, что глобализация пойдет на его основаниях.

Сущность процесса догоняющей модернизации везде одна и та же; независимо от политического и социального строя: это организация масс для индустриализации. По словам Б.П.Вышеславцева, «такова мировая тенденция индустриальной цивилизации. Она одинаково проявляется в Европе, в Америке, в Азии, в демократиях и тоталитарных государствах, везде, где существуют массы, включенные в индустриальный аппарат»⁸. В какой форме осуществляется этот процесс — в форме политической демократии, свободы или в форме тоталитарной — зависит от уровня развития страны, начального старта, степени

осознания массами стоящих перед ними экономических задач, их готовности к усилиям в условиях гедонистической альтернативы в развитых странах или в условиях отсутствия таковой в бедных.

Многим кажется ныне, что самое активное применение модели догоняющей модернизации происходило в период деколонизации 60–70-х годов. В действительности же эта модель — наиболее распространенная, а в России, Восточной Европе, Мексике и Турции даже единственная. Не только между 1940 и 1965, как описывается в литературе, но также и теперь эта модель активно внедряется этими странами и регионами. Но догоняющая модель имеет пределы. Обозначим их.

Частым результатом догоняющей модернизации является потеря традиционной культуры без обретения новой, современной. Такие неудачи модернизационной стратегии особенно в 60–70-е годы в ходе активных усилий преобразовать страны, освобождающиеся от колониальной зависимости, вообще вывели термин «модернизация» из употребления, скомпрометировали его. Вместо него стали употреблять понятие «развитие». Однако в 90-е годы, явно декларируемые цели не просто развития, а модернизации России и Восточной Европы после крушения коммунизма, успешная модернизационная направленность турецкого опыта вновь вернули этот термин на страницы научной литературы, не устранив отмеченной опасности, особенно для посткоммунистических стран.

«Догоняющая модель» модернизации создает острова, анклавов современной жизни в отсталых странах. Это — Сан-Пауло и Рио-де-Жанейро в Бразилии, большие города Мексики, Бомбей и несколько островов «зеленой» революции в Индии, Стамбул и ряд больших городов Турции, Москва и Санкт-Петербург в России, отличающиеся и образом жизни, и состоянием сознания от российской провинции. Эти анклавов, несомненно, облегчают задачи модернизации, но, вместе с тем, они усиливают социальную несправедливость, делают неустойчивым социальный баланс. Модернизация догоняющего типа создает явное неравенство, обещая при этом равный шанс (чего не делало традиционное общество), и поскольку это шанс далеко не для многих, производит социальное недовольство, ситуацию неустойчивости, в течение долгого времени способствующую возможности России повернуть к коммунизму, Турции — к фундаментализму, в Мексике и повсюду в подобных странах к традиционализму — восстаниям крестьян, сопротивлению националистов. Вместе с

тем, анклавная догоняющая модернизация, ломая традицию, ставит общество перед отсутствием духовной перспективы. Мелкий бизнес становится обязательной нормой жизни общества, вовлекая в него огромные людские массы. Общество развивается, не имея духовной перспективы. Опасность коммунизма, подъем ислама во многом есть реакция на эту ситуацию, ситуацию отсутствия больших идей, национальных очертаний современной культуры.

«Догоняющая» стратегия предполагает, что Северная Америка и Западная Европа остаются неизменными, так сказать, дожидаясь отставших соседей. Однако сейчас мир радикально трансформируется. Многие развитые капиталистические страны ныне находятся в переходном процессе.

Глобализация как новый тип социальной трансформации как в плане институциональном, так и в ценностном отношении не позволяет модернизирующимся странам, в частности России, только перенимать и имитировать существующие структуры западного общества, которые сами начинают подвергаться изменению.

Развитие общества сопряжено с большими трудностями и жертвами. Поэтому данный процесс требует, как уже отмечалось, обоснования, легитимации. В XVII—XIX вв. источником легитимации модернизации были протестантская этика и научная рациональность. В классический период реальность представлялась подчиненной универсальным ценностям и нормам, составляющим основу европейской цивилизации. В настоящее время универсальные формы легитимации модернизации отсутствуют. Рационально-научная легитимация развития состояла в том, чтобы воспринять некоторые образцы развития в качестве норм, моделей развития. «Догнать» можно было только в том случае, если модель развития, его образец были известны. Опыт Японии и Юго-Восточной Азии в целом и провозглашенный в 90-е годы российский неомодернизм опровергают этот источник легитимации, признанный основным в модернизационных теориях. В Юго-Восточной Азии нет модели, развитие осуществляется всеми возможными способами, не разрушающими идентичность.

Что мы делали все последнее десятилетие? Мы догоняли Запад, хотя бы на словах. Все задавали вопрос: какую стацию Запада мы догоняем? Одни говорили: у нас стадия первоначального капиталистического накопления, и идет она прямо так.

как ее описывал французский историк Ф.Бродель, а значит — мы на правильном пути к капитализму. Другие утверждали: у нас начался процесс образование наций, мы идем той же, (а значит верной) дорогой, по какой шел Запад XIX века. Однако попытка имитировать, тем более предшествующие фазы развития Запада, не способна ввести страну в глобальную экономику. Если мы будем производить компьютеры, которые уже есть, только немного получше или немножко похуже, — мало что изменится. Мы оказываемся изолированными и замкнутыми, как если бы нас замкнули авторитарным режимом. Другое дело, если мы выступаем с чем-то, чего нет на мировом рынке, например, с компьютером на живой молекуле. Не будучи профессионально уверенными в правильности конкретных предложений прорыва в глобальную экономику, мы позволили себе лишь пофантазировать для раскрытия иной, чем догоняющая модель модернизации, логики вхождения в нее. наших ученых, особенно биофизиков, охотно приглашают в Америку. Они занимаются там, например, производством генетически измененных растений: лечат орехи от плесени, которая смертельна для человека, участвовали в выведении «золотого риса» — генетически измененного риса, способного расти в несвойственном ему климате и не подверженному болезням. Очевидно, можно сделать и какую-то морозостойкую пшеницу. Европейцы спорят, они говорят, что это вредно, что такая практика чревата непредвиденными экологическими последствиями. Но Россия могла бы хотя бы исследовать эти последствия при наших научных возможностях, когда ученые работают за копейки, но работают хорошо. Может быть, мы могли бы стать лидером производства генетически измененного продукта, может быть, наоборот, страной, гарантирующей, что у нас такого продукта нет и не будет. Конечно, мы немного опоздали. В России наука потерпела поражение. Достаточно привести пример, что начальник отдела особо опасных инфекций в биологическом центре в г. Пушкино был вынужден переквалифицироваться в страхового агента, как будто у нас нет особо опасных инфекций. По мнению Президента Академии наук академика Ю. Осипова, Германия явилась образцом того, что разрушение науки имеет долговременные следствия: после фашизма эта страна поднялась во всем, кроме науки, потому что это требует слишком большой преемственности. Слабо верится, что даже в наукоемких областях мы сегодня можем чего-то добиться быстро. Глобализация оказалась проти-

воположной модернизации, ибо догонять и имитировать — значит обрекать себя на прогрессирующее отставание. Быть похожим на других сегодня не годится. Сегодня надо быть лучшим или уникальным.

Поэтому в настоящее время чрезвычайно обострена критика модернизации и, в особенности, догоняющей модернизации, уже давно обнаружившей свою ограниченность.

Проблема идентичности в условиях глобализации

Глобализация приводит к плюрализации идентичности. Под идентичностью понимают некоторую устойчивость индивидуальных, социокультурных, национальных или цивилизационных параметров, их самоидентичность. Идентичность выступает как интегральный параметр и не сводится к социальным ролям. Соответственно, это позволяет говорить о глубоком внутреннем значении некоторых исходных уровней идентичности, связанных с традиционной культурой, национальной культурой, и, одновременно, об открытости к обретению новых свойств идентичности.

Глобализация является сильнейшим испытанием для национальной и культурной идентичности, основным средством преодоления которого выступают диалог и преемственность культур. Однако сегодня такой общий ответ перестает быть исчерпывающим, ибо сами диалог и преемственность культур затруднены в случае кризиса идентичности или ее быстрых изменений, а также усиливающегося фактора плюрального восприятия своей идентичности. Это относится как к индивиду, так и к конкретным обществам. Россия имеет большой опыт плюрализма идентичности, т.к. она всегда рассматривалась как мост между Востоком и Западом, страна, соединяющая в себе европейские и азиатские начала, сочетающая славянское единство с формированием суперэтнуса славянских, тюркских, угрофинских и других народов. Способность России к плюралистическому определению своей идентичности часто была предметом критики, считающей подобный плюрализм следствием отсутствия идентичности. Даже Запад, признающий внутренний плюрализм и культивирующий его в качестве одного из элементов прав человека, в сравнении с Россией мог определить свою идентичность с большим монизмом, а потому, казалось, с большей определенностью. В России имеется сегодня

кризис идентичности, и не в том смысле, что утрачено монистическое восприятие своей самотождественности и возобладал плюрализм, а из-за того, что нет плюрализма как совместимых позиций, а преобладают осколки самопонимания, не связанные между собой.

Начавшаяся глобализация повлияла на ситуацию. Идентичность в глобализирующемся мире становится основным дискурсом как науки, так и повседневной жизни. Во-первых, потому, что многие общества, народы и индивиды испытывают кризис идентичности, во-вторых, потому, что идентичность в ходе глобализации меняется. Проблема идентичности в процессе глобализации включает обозначение своего места в транснациональном экономическом пространстве, культурную идентичность, персональную идентичность, необходимую для подавления тревоги и фрустрации. Социальный теоретик анализирует идентичность как персональную самотождественность, если речь идет об индивиде, и как социальную интегрированность, способную вызвать ощущение самотождественности у народа, а также возможность для индивида и общества быть представленными в теории в интегрированном виде.

Людей и общества, находящиеся в кризисе идентичности, уподобляют человеку без адреса: «Где я и куда я иду?» или «Где я нахожусь?» — их главный вопрос. Желание понять себя, найти себя, на что-то опереться вызывает у них то, что Х.Арендт назвала тоталитарным соблазном. Ученый может помочь исследованием ситуации, определением условий нахождения идентичности людьми и обществами. Изменение роли национального государства, появление транснациональных пространств не лишают людей национальной принадлежности и сантиментов по поводу их национальной и локальной культуры, которую мы предполагаем назвать *сакрализацией локального при обретении новых уровней идентичности*. Это создает при глобализации даже увеличивающийся интерес к локальным явлениям. У тех обществ и людей, которые не ощущают себя входящими в глобальный мир, можно заметить как раз ослабление их локальной идентичности, потерю самоуважения, рост их разочарования в местных особенностях, потерю внутренней значимости их прежней локальной идентичности.

Проблема идентичности подробно исследована на уровне вхождения обществ в сообщества, менее масштабные, чем глобальное, например, в Европейское сообщество. При этом воз-

никает плюралистическая идентичность, подтверждающая нашу гипотезу о том, что идентичность, скорее, складывается как многоуровневая, чем идею о механическом, квазиролевом совмещении идентичности, похожим, как говорит один из исследователей проблемы, на смену костюмов. Если европейская интеграция осуществляется между странами, имеющими общеевропейское сходство, то на глобальном уровне можно найти некоторые культурные универсалии или унифицированные культурные явления, такие как мода, туризм, образование и т.д., совмещающиеся, вместе с тем, с огромным культурным, этническим, национальным многообразием, разными уровнями развития и пр. Как и в случае Европейской интеграции, в условиях глобализации сохраняются территориальные и культурные границы стран, историческая память отдельных обществ, но появляется возможность работать за пределами своей страны, возрастает общность культурных стандартов, возможность стать членом объединенной системы, растет взаимозависимость. Вместе с тем, возникает расхождение между ощущением своей национальной принадлежности и гражданства, тогда как прежде речь шла о национально-государственной принадлежности. Глобализация культур осуществляется в меньшей мере, чем глобализация экономических отношений, информации. Поэтому культурная специфика сохраняется при всех взаимодействиях как путем сохранения локальных культур своих отечеств, «малой родины», так и путем сохранения культурных предпочтений на глобальном уровне.

Проблема идентичности и проблема глобализации сегодня наиболее обсуждаемы, но их совместное обсуждение, изучение идентичности в контексте глобализационного процесса — достаточно ново и поэтому мало освещено в литературе. Его суть описывает З.Бауман в своей новой книге «Индивидуализированное общество»: «Наши зависимости сегодня полностью глобальны, а наши действия, однако, как прежде, локальны»⁹. Идентичность наилучшим образом определена Э.Эриксоном как субъективное ощущение своей самодостаточности, которое является источником энергии и преемственности¹⁰. Основная проблема, которая занимает этого известного ученого — это как раз то, что принципиально при рассмотрении идентичности в условиях глобализации — анализ идентичности как целостности или совокупности, представляет ли она из себя некий неструктурированный «Gestalt» или структурированное единство.

Э.Эриксон пишет: «Психическое здоровье людей, оторванных от своих домов, работы, страны и вынужденных эмигрировать, неоднократно становилась предметом специального интереса исследователей. Будучи сам иммигрантом... я могу начать с признания в своего рода каждодневной патологии»¹¹. Глобализация создает сходную проблему даже для тех, кто никогда не покидал своих домов, ибо в их жизнь вторгается большой новый мир, а действовать они могут только в пределах своего мира. Эриксон показывает разную способность к мобильности, и можно предположить, что ей соответствует разная склонность к изменениям идентичности и укорененности: он приводит данные опроса турецких крестьян об их готовности эмигрировать, на что последние отвечают, что это было бы «хуже смерти», и, вместе с тем, самочувствие американца, который осваивал континент: «Если ты видишь дым, поднимающийся из трубы твоего соседа, значит, пора двигаться»¹². Эриксон ставит очень важные проблемы и делает очень серьезные методологические заходы, но его решения связаны с психиатрической практикой. Имеется большой потенциал адаптации его подходов к социальным реальностям сегодняшнего дня, к постановке вопроса не только о персональной идентичности, но и о национально-культурной идентичности обществ, становящихся единицами глобализационного сближения.

Идентичность и конфликт рассмотрены в труде центра Карнеги¹³. Рост этнической идентичности рассматривается в ряде статей этой книги как следствие распада прежней идентичности, а межнациональные конфликты как становление разных типов идентичности. Добавим, что острота конфликта определялась нехваткой опыта культурного плюрализма. Специальных работ по соотношению идентичности и глобализации пока еще недостаточно. Среди них можно отметить книгу П.Престона, который исследовал идентичность наций и граждан в эпоху глобализации¹⁴. Эта книга посвящена в большей мере, чем это нас интересует, аспектам политической идентификации.

Среди книг, оказавших влияние на обсуждение проблемы идентичности, отметим работу Дж.Фридмана «Лексус и оливковое дерево. Культурная идентичность и глобальный процесс»¹⁵. В частности, важным является рассмотрение культурной логики глобальной системы, которая состоит в том, что общества разного этапа развития по-разному приспособляются к глобализации. Если глобальный мир не способствует прорыву в него,

происходит замыкание на своих задачах. Если кто-то не может производить «Лексус» (японский автомобиль), он может продолжать выращивать оливковые деревья. Но и производитель «Лексуса», создаваемого роботами, не может забыть своих камней (оливковых деревьев или берез).

М. Вотерс в книге «Глобализация»¹⁶ показывает, что мир стал иным, что при этом сближение народов не ведет к всемирному обществу, и проблема идентичности остро встает как перед обществами, так и перед людьми. В России значимость проблемы идентичности больше сегодня, чем экономических проблем. Люди не знают, кто они и куда идут. Они живут в основном локально, а те, кто ездят за рубеж, особенно в массовом порядке — торговцы, туристы, сознают свою инаковость и находятся в резком внутреннем противоречии относительно того, как на нее реагировать — стремиться избавиться или впасть в национализм. И чаще они делают второе. Мультиидентичность и мультикультурализм плохо ложатся на травматический опыт посткоммунистической России.

Распад коммунизма, глобализация и модернизация

Одним из факторов глобализации, наряду с уже отмеченными, стал распад коммунизма. Он явился важным шагом глобализации, ликвидировавшим закрытые для капитала и информации зоны. Станным образом на значимость посткоммунизма в этом процессе мало кто указывает¹⁷.

Демонизация коммунизма неолиберальной мыслью оказала плохую службу российским реформам и практически, и теоретически. Практически это сказалось в том, что полученные вследствие «избирательных технологий», а попросту, манипуляции общественным мнением представления о том, что в российском обществе имеется биполярная ситуация противостояния коммунистов (антиреформаторов) и демократов (реформаторов) была распространена на общество и после президентских выборов 1996 г. Вследствие этого неолибералы выбили оружие критики у всех, кто знал, что никаких реформ нет, а есть передел собственности в пользу олигархов и подавление демократического движения масс. Теперь это самоочевидно для всех, а не только для граждан России, давно осознавших это. Так Б. Глинский и П. Рэддавей сформулировали основное социальное противоречие России 90-х как противостояние демократии и олигархии, а

не как противостояние демократии и коммунизма¹⁸. Никто сегодня не может ответить на вопрос, каким образом так называемой реформе помешали «антиреформаторы».

Лучшее описание сущности коммунизма дал австрийский писатель Артур Кестлер в романе «Слепящая тьма». Его герой Рубашев пришел к выводу, что диктатура — это попытка поднять массы, не сознающие своих экономических интересов, вверх силой, как в системе шлюзов. Таким образом, было дано рациональное объяснение коммунизму, который противники клеймили в качестве заговора, преступления как насильственной модернизации. Как показал немец Фон Лауэ в своей знаменитой работе «Мировая революция — вестернизация. Двадцатый век в глобальной перспективе»¹⁹, становление Запада было главной мировой революцией, и всевозможные «измы» — коммунизм, фашизм, маоизм и др. — это реакция на данную революцию, попытка отстающих стран, идя своим путем, преодолеть отсталость.

Особый интерес представляет восприятие коммунизма не только как оппонента капиталистической системы, но и как ее двойника в незападном мире. Этой теме посвящено исследование Б.П.Вышеславцева о кризисе индустриальной культуры. Между капитализмом и социализмом существует политическое различие, но их суть — индустриализм и создание индустриальной культуры, обеспечивающей условия для повышения уровня жизни людей и их благосостояния²⁰. Перемены были произведены посредством передовой науки и высокой техники, которые и создали все производственные и социальные технологии индустриальной эпохи. Вступление в индустриализм не было эволюционным и плавным, а происходило революционным путем. Индустриальная революция началась с изобретения паровой машины Уаттом в 1769 г., затем ее вехами было использование угля, а вслед за этим и электричества в промышленности, изобретение двигателя внутреннего сгорания, производство автомобилей и развитие авиации. Эта эпоха характеризовалась формированием масс как особой неструктурированной и неоднородной общности. Производство масс было составной частью индустриального производства. Индустриальная система порождает и бюрократию, которая вполне «конкурентоспособна» с государством в подавлении свободы. Триумфом индустриальной эпохи было вступление Запада в гедонистскую фазу, превращение его в общество потребления.

Индустриальное общество серьезно подорвало либеральную доктрину, ибо масса вступила в историю вместо автономного индивида. Это создало в промышленно развитых капиталистических странах угрозу бюрократизации и технократии, а в модернизирующихся обществах — опасность авторитарных и тоталитарных режимов. Все эти формы насилия следовали из задач индустриализации.

Взаимодополнительность капитализма и коммунизма, рассмотрение коммунизма как индустриализма, который исчерпал себя вместе с всемирным кризисом индустриальной системы, начавшимся в конце 60-х годов как под влиянием научно-технической революции, так и в связи с социальными движениями этого периода — студенческими волнениями на Западе, Пражской весной — это принятая научная точка зрения политически неангажированной части ученых Запада. Все более и более способности коммунизма к модернизации могли быть охарактеризованы как попытка догнать предшествующий век.

Ряд исследователей пришли к интересным выводам относительно взаимодополнительности капитализма и социализма в мировой системе. В некоторой степени эти выводы явились результатом подъема СССР и образования биполярного мира. Но и сам этот подъем — свидетельство успешной модернизации, в которой скомбинирован метод догоняющей модернизации и модернизации на собственной основе. Несовпадение модернизационных и социалистических теорий и даже их определенное противостояние не может заслонить трех фундаментальных результатов социалистического развития: 1) осуществления индустриализации и достижения других черт современности — массового образования, развития науки, увеличение доли городского населения и пр.; 2) сохранения собственной основы и не только историческая изолированность от Запада, но и собственные основы развития — коллективизм, антирыночный подход, коммунистическая идеология, которую Н.И.Бердяев называл секуляризированным православием, 3) идеал всесторонне-развитого, гармонического человека, несомненно, утопический, но все же инициировавший развитие образования, науки, культуры. Не решив задачи развития трудовых мотиваций в нетворческих профессиях, с точки зрения практической коммунизм явился системой ценностной мобилизации людей к внутреннему развитию, чтению, обучению.

Социализм как мировая система, втянувшая в этот путь развития многие народы, вместе с тем являлся локальной системой. Но именно так «устроен» и капитализм. Как показал А.И.Фурсов, капитализм так же сочетает функции мировой системы с исторически конкретной локальностью своего западноевропейского и североамериканского существования и имеет в качестве центрального противоречие между субстанцией и функцией капитала²¹. То, что социализм образовывал всемирный центр, отличает его от опыта индустриализма на основе собственной идентичности Юго-Восточной Азии, который является более локальным. Вместе с тем, необходимо осознать, что возврат к прежней социалистической системе сегодня не мог бы дать ответ на новый вызов истории — переход Запада в постэкономическую, постиндустриальную, информационную, постсовременную стадию. Столь тяжело достигнутая индустриализация теперь была бы признаком отсталости, мобилизационная идеология показала бы свою исчерпанность — люди устали, а потенциал инновационного развития было бы трудно развернуть из-за отсутствия средств.

Распад коммунизма был связан с исчерпанием задач индустриализации. Но на его обломках был построен антивеберовский нецивилизованный капитализм, совершенно непохожий на западный. Как показал М.Вебер, западный капитализм отличается от незападного, где капитал может приобретаться на основе грабежа, войны, обмана и пр. тем, что он имеет трудовую основу и этику предпринимательства. Отделение западного капитализма, основанного на труде и морали, от незападного составляет суть модернизационных идей М.Вебера. Он отмечает: «Повсеместное господство *абсолютной* беззастенчивости и своекорыстия в деле добывания денег было специфической характерной чертой именно тех стран, которые по своему буржуазно-капиталистическому развитию являются «отсталыми» по западноевропейским масштабам»²². Капиталистическая модернизация создает отложенный спрос, производство не только ради насущных потребностей, но и ради самого производства. Экономический мотив при капитализме становится самоцелью, приходя в противоречие с традиционным стилем мышления. М.Вебер пишет: «...человек «по своей природе» не склонен зарабатывать деньги, все больше и больше денег, он хочет просто жить, жить так, как он привык, и зарабатывать столько, сколько необходимо для такой жизни. Повсюду, где современный капитализм

пытался повысить «производительность» труда путем увеличения его интенсивности, он наталкивался на этот лейтмотив докапиталистического отношения к труду, за которым скрывалось необычайно упорное сопротивление, на это сопротивление капитализм продолжает наталкиваться по сей день, и тем сильнее, чем более отсталыми (с капиталистической точки зрения) являются рабочие, с которыми ему приходится иметь дело»²³.

По мнению А.Фурсова, мировая система капитализма оказалась наиболее устойчивой в сравнении с социалистической, т.к. она не требует с обязательностью адекватной субстанции для реализации функций капитала²⁴. Иными словами, западный капитализм сформировал свое твердое ядро и обрел готовность приспособить и структуры, в которых нет основ капитализма, приспособить любые общества для подключения к капиталистической экономике. Именно поэтому, на наш взгляд, *догоняющая модель развития нигде не производит капитализмов западного образца, который с научной точки зрения представляет собой нормативную утопию. Капитализм как мировая система озабочен всемирным функционированием капитала, а не осуществлением задач догоняющей модернизации.* Поэтому, когда в посткоммунистический период многие в России удивлялись, что при номинальном провозглашении этой модели, идут противоположно направленные процессы, что Запад присоединяется к упрощению нашей реальности до противостояния коммунистов и демократов, мы не понимали, что Запад интересуется только функцией капитала, но вовсе не тем, чтобы выращивать в России его субстанцию. Остатки Филадельфийской системы — прозелитического экспорта демократии работали только на словах. Охватив целый посткоммунистический регион, капитализм в нем, тем не менее, оказался основан целиком на локальных традициях и создал множество «диких», «криминальных» и квазикапиталистических форм «субстанции». Поэтому удовлетворенные функцией капитала, т.е. нажившиеся в сегодняшней России, не могут понять тех, кто испытывает несогласие с разложившейся тканью российской социальной «субстанции». Никто не озаботился на Западе всерьез перспективами российской демократии, а всячески критикуемый недемократический Китай оказался в самом выгодном экономическом положении из-за стабильности, создающей гарантии функциям капитала. В этом — не «заговор» Запада, а условия его собственного существования, которые в дальней перспективе могут стать опасными для него

самого. *В условиях глобализации ослабла цивилизующая миссия капитала, его ответственность за создание цивилизованной социальной субстанции капиталистических обществ всего мира.* Но Россия могла построить у себя демократическое общество, если бы смотрела на это как на собственную задачу, требующую адекватного решения. Положившись словесно на западную (неолиберальную модель), мы построили автохтонный (местный) капитализм, в котором демодернизация прежних этапов развития реанимировала наиболее архаичные пласты сознания из-за неадекватности избранной модели культуре народа и усилий немедленной рекультивации. Мы могли ставить и другие задачи, например, рыночный социализм, как Китай, либо что-то, приближающее нас к Юго-Восточной Азии. У нас был для этого потенциал освоения высоких технологий, но отсутствовала вторая предпосылка, повлиявшая на этот опыт — открытые западные рынки. При этих условиях ничто не препятствует и националистическому проекту, и просто разложению и исчезновению с лица Земли. Возникновение «дикого» капитализма в России 90-х приводит к мысли, что при коммунизме Россия в большей степени следовала догоняющей модели модернизации, чем в посткоммунистический период, но сегодня такая перспектива исчерпана. Оглядываясь на коммунизм, заметим, что нельзя оторвать собственную основу «реального социализма» от усилий войти с его помощью в развитый мир, нельзя отождествлять ее с местной идентичностью, не распознав в ней инструмент модернизации и вхождения в мировую систему.

Противоречия между функционированием капитала и порожденной им социальной субстанцией при разных формах развития различны. Там, где капитал функционирует, не затрагивая социальных субстанций, происходила колонизация. При *вестернизации* функция капитала сохранялась, и происходило вмешательство в поверхностную сферу культуры или операциональный опыт, остальные сферы практически остаются неизменными. *Догоняющая модернизация* стремилась обеспечить капиталу адекватность во всех субстанциях, т.е. достичь институционального сходства с западными капиталистическими обществами, вырваться из незападного капитализма, изменить культуру. *Развитие на основе собственной идентичности*, наблюдаемое в Юго-Восточной Азии, сохраняет культуру, вносит изменения в другие сферы для обеспечения активности капитала, но сохраняет неадекватную (немодернизированную) социальную субстанцию.

И, наконец, глобализация капитала делает его безразличным ко всем социальным субстанциям незападных обществ, останавливает Запад в попытках определения их судьбы и предоставляет это им самим. В результате макроэкономические процессы глобализации порождают восприятие задач развития как локальных. Функции капитала в России неизбежны, как и во всем мире. Но что произойдет с ее субстанциями и с ней самой, это — наш выбор, сегодня очень ограниченный.

В этом — основной кризис догоняющей модели и появление среди прочих той модели модернизации в условиях глобализации, которую бы мы назвали прорывной, разрывающей вековые цепи отсталости в отдельных звеньях. Нельзя сказать, что прорвавшие преграды страны станут частью постиндустриального мира, но они могут войти на условиях конкурентоспособности хотя бы по одному необычному инновационному продукту в мировую экономику. Этот шанс стать чемпионом по одному виду спорта есть у многих. Во многих книгах по глобализации приводится аналогии с всемирно известным чемпионом и теми тысячами спортсменов, которые сделали все для победы, но чемпионами не стали. Разумеется, мы далеки сегодня от победы на всемирных экономических «олимпиадах», и мы не сумеем их совершить без нахождения социальной идентичности и появления у нас государства развития. Общей теоретической констатацией сегодняшнего дня является указание на то, что коммунизм погиб из-за неспособности ответить на вызов постиндустриальной эпохи по причине политической и информационной закрытости, контроля государства за информацией и отсутствия рынка. Однако снятие этих препон в посткоммунистический период не позволяет России ответить на вызов постиндустриального мира из-за экономической слабости и нанесенного удара по науке.

Если вызов индустриальной эпохи имел ответом собственную индустриализацию в полном соответствии с догоняющей моделью, то вызов постиндустриальной эпохи трактуется по-разному: в более оптимистических вариантах как способность «догнать» постиндустриальные страны посредством поддержки инноваций, в менее оптимистическом — как переход к позднему индустриализму, т.е. как использование догоняющей модели, направленной на достижение предшествующей фазы западного развития. Догоняющая модель, выброшенная в дверь, возвращается в окно, чтобы не сказать, что сегодня перспектив для стран, не успевших стать постиндустриальными, нет.

Идея прорыва в глобальную экономику сочетается с задачами собственного развития в условиях, когда нет общепризнанной модели. В отношении вхождения России глобальную экономику есть разные точки зрения: от сверхоптимистических шапкозакладательских идей (статья А.Игнатов в «Независимой газете» в 2000 г. — человека, который подписался официальным титулом главы Информационного центра Управления делами президента). Он утверждает, что мы будем лидерами глобализации, что для этого надо принять некоторые внутренние меры, которые скорее выглядят как авторитарные: ограничение числа религий, установление Министерства пропаганды и идеологии и т.д.). Абсолютно пессимистические позиции также обозначены: «...Для глобальной экономики наши капиталисты послужили «коровой». Так называли урки какого-нибудь молодого парня, которого уговаривали бежать с собой из лагеря. Выбирали помясистей, потому что нужен был не партнер, а запас продовольствия. По пути съедали»²⁵. Имеются также пожелания не спешить с вхождением; утверждения, что глобализация не может пойти таким путем, как сегодня, а произойдет ценностная конвергенция, принятие ценностей, приемлемых для человечества, что изменит ход глобализации, сделает его приемлемым для России (В.С.Степин). Все эти соображения важны для обсуждения перспективы.

Распад коммунизма уже привел нас в глобальный мир, на его глубокую периферию. Но в мировую экономику мы не попали. И сегодня с этим надо спешить, *используя как стратегию прорыва, так и решая задачи собственного адекватного развития и назревшие проблемы. На каком пути? Универсального ответа сегодня нет.*

Появляются, помимо названных, все новые модели локального развития, среди которых латиноамериканский депенденцизм (модель зависимого развития) — род добровольного согласия на неокOLONIALИЗМ, государство развития как самостоятельная модель, поиски особенных путей²⁶, отказ от развития (при обсуждении проблемы развития в студенческой группе один студент из Африки постоянно улыбался. На вопрос, чему он улыбается, студент ответил: «А мы решили не развиваться»)²⁷.

В «Меморандуме о глобализации Социал-демократической партии Германии 97-го года» предлагались следующие локальные ответы на существование глобализации: «глобальное демократическое формирование политики; интернационализация со-

циальной политики и политики защиты окружающей среды; регулирование международных финансовых рынков; повышение национальной конкурентоспособности; гарантии сохранения сфер жизни, не зависящих от мирового рынка; просвещение и побуждение к действиям».

Остановимся только на двух пунктах: регулирование международных финансовых рынков и повышение национальной конкурентоспособности. Регулирование мы всегда представляем себе как создание некоего регулирующего органа. В этом документе предложена совершенно другая форма регулирования — так называемый налог Тобина, который требует облагать всякий экспорт капитала из страны некоторым налогом. Тем самым предполагается, что преодолевается спекулятивный характер рынка, глобальный рынок капитала должен постепенно вытесняться глобальным рынком товаров, чего сейчас нет.

И второе, что при этом показывается: хотя глобализация — это торжество капитала над национальными интересами, все-таки лишить национальное правительство всякой роли в глобализационном процессе и в национальной экономике невозможно. Ставится вопрос о конкурентной способности национальной экономики. Как видим, даже развитые экономики мира предполагают некоторые особенные меры в локальной сфере для смягчения глобальной гонки. «Куриная война», проблемы с продажей стали в США подтвердили то, что в случае с Россией и без того абсолютно ясно: если Германия нуждается в торговом протекционизме, то Россия тем более, хотя значимость такой помощи с разворачиванием процесса глобализации будет терять свою эффективность.

Среди ответов западного мира на процесс глобализации может быть понимание того, что без идеи прогресса и развития и в условиях глобализации они обойтись не могут. Существуют юридические документы, в которых утверждается право на развитие. Они были подготовлены Ф.Д.Рузвельтом и потом введены в международную юридическую практику Элеонорой Рузвельт. Предпринимаемые попытки рассуждать не в терминах прогресса, а в терминах статус-кво рассматриваются в теории. Говорят: прогресс принудителен, линеен, всех тащит вверх, а мы будем смотреть на мир как на некий ковер, где вытканы всем человечеством самые разнообразные узоры. Однако если мы посмотрим на этот ковер, то окажется, что эти узоры по своему размеру и красоте совершенно разные. И проблема не снимается, не

становится менее напряженной от утверждений, что все мы живем в одном мире, поскольку одни будут жить как страны-чемпионы, а другие будут жить, как живут, коль скоро они не могут жить лучше.

Глобализация — это навсегда?

Согласно мнению специалиста в области теории модернизации Э.Гидденса, мы живем в период высшей или поздней современности. Он, однако, полагает, что можно говорить и о постсовременности не только как о культуре, но как о новом институциональном порядке, который может быть реализован в будущем. Иными словами, речь идет о том, а что будет существовать после капитализма? Социализм не представляется альтернативой из-за его экономической неэффективности и авторитарного управления индустриализацией. По мнению Гидденса, посткапиталистические (постсовременные) общества будут скоординированы на глобальном уровне. Постсовременное общество будет отличаться многоукладным демократическим участием, демилитаризацией, гуманизацией технологий и системой, преодолевающей нужду. Последняя может быть построена при координации глобального порядка, преодолении войны, системе планетарной защиты и социализированной экономической организации²⁸. Легко видеть, что постсовременность у Гидденса — это теоретический конструкт, сформированный в ответ на обнаруженные недостатки капитализма (современности), а также в ответ на неспособность большинства западных стран достичь современности, осуществить догоняющее развитие. Позже Гидденс перейдет на позиции незавершенности проекта современности и даст характеристику новой современности для Запада (см. II, 4).

Приходится сразу признать, что чрезвычайный отрыв постиндустриальных стран от остального мира, с одной стороны, характеризует их преимущества, но, с другой, не позволяет им быть спокойными в отношении терроризма и криминализации, наркотиков, ВИЧ-инфекции, экологических проблем в мире, люмпенизации части своего населения и растущего притока иммигрантов, выгнанных с привычных мест неразвитостью экономики, эпидемиями и войнами, социального неравенства в мире и в своих странах, коренной перестройки собственных обществ, исламского радикализма и неудач в реформировании постком-

мунистических стран. Отрыв постиндустриальных стран от других и будущая «расколотость» их собственных обществ, где значимость высокоинтеллектуального труда выдающихся инноваторов и теоретиков делает «избыточным» для производства (правда, не для потребления) остальное население, создает для них немалые опасности. Среди них — анархия и хаос. Кроме того, высокая развитость Запада не явилась препятствием бомбардировке Косово, сегодня признанной на Западе ошибочной, специфической реакции на 11 сентября, прочих ошибок, связанных с «высокомерием силы» и попытками принуждения к счастью, цивилизованности, международному порядку или миру. Растет сопротивление глобализации со стороны тех, чей культурный код не позволяет принять индивидуализм и противопоставляет глобализации на западных и, прежде всего, американских условиях свои формы солидарности.

В сущности, появление неких универсальных исторических единиц имело место всегда, а не только в связи с процессами, которые сегодня стали называть глобализацией. И капитализм, и Вестфальская система, которая сделала национальное государство мировым институтом, и Филадельфийская система, которая сделала демократию мировым институтом, — это все шаги на пути глобализации, установления общности человечества. Но ключевые точки — рост свободной торговли, революции в технике, информатизация, чрезвычайное снижение таможенных барьеров, «интернационализация денег», победа капитала над национальными интересами. Сам процесс глобализации более стар, чем термин, которому 10–12 лет, и характеризуется усилением единства человечества. И в первом (как единство человечества, всемирность истории), и во втором смысле (как информационно-экономическое единство) глобализация — это некий реально существующий процесс, причем ее новейшие тенденции являются продолжением более старых — прогресса, модернизации, становления всемирной цивилизации и пр. В «Манифесте Коммунистической партии» и в «Немецкой идеологии» имеются слова, характеризующие глобализацию XIX века. Она вызвала системное сопротивление со стороны национализма, коммунизма, фашизма. Сегодня силы сопротивления завершающему витку глобализации более пестры и менее системны. В этом плане нет тех мощных социальных сил, которые остановили процесс глобализации в XIX веке. Только ислам представляет собой системное сопротивление, альтернативный вариант

глобализации. Ислам не признает национальных границ. Его объединяет деревенская культура, концепция мировой деревни. Он вполне имеет шанс, по крайней мере, шанс сломать проект западной глобализации.

Современный мир находится в ситуации, которую можно уподобить состоянию средневековой Европы при ее переходе в современность. Сходство состоит в том, что люди и там, и здесь оказались в радикально меняющемся мире. С позиций сегодняшнего дня можно указать определенную направленность изменений Европы позднего Средневековья и признать их неизбежными. Но средневековый человек был растерян перед безвозвратно уходящим прошлым, разрушаемым настоящим и неясным будущим. Люди, действительно, похожи сейчас — и не только в нашей стране, как поначалу казалось, но и в мире, — на человека Средневековья, который попал в обстоятельства коренной социальной трансформации. Он еще не знал ее направленности, ибо переход к чему-то определенному мог не произойти. Он оказался в разрушенном обществе и мог думать, что ему так всегда придется жить. Он мог мечтать о том, чтобы вернуться назад, и он мог предполагать, что «так жить нельзя» и что общество придет в новое приемлемое или даже лучшее состояние. Попытка вжиться в мир средневекового человека в период перехода к Новому времени, произведенная многими исследователями, приводила их к трагическому сопереживанию разрушений, которые, прежде всего, видел этот человек. При ретроспективном анализе выясняется так же, что судьба современного Запада вовсе не была гарантирована Европе. Источники того времени показывают, что, хотя переход из одного состояния в другое не был мгновенным, он был слишком радикальным, переворачивал мышление, ценности, убеждения, менял картину мира — девитализировал ее, делал ее механической, а людей атомарными. Это был великий переход, он сформировал Запад в его современном виде и открыл новый путь для человечества. Но повсюду этот путь сопровождался жертвами. На дороге к этой судьбе средневековых людей подстерегало множество опасностей и соблазнов. В блестящем исследовании начал западной модернизации Л.М.Косырева писала: «Известно, что в любую переходную эпоху рядом с конструктивным началом всегда существует разрушительное нигилистическое. Таковыми мировоззрениями в XVI—XVII вв. (даже на столь позднем этапе. — *Отв. ред.*) являлись, например, скептицизм и аристипповский

гедонизм (с его «все дозволено», «лови миг наслаждения»). Последний был помехой на пути конструирования нового типа субъективности, ибо формировал «плывущее» фрагментарное сознание, безответственность, был принципиально чужд идеалу последовательности и твердости, выдвигавшемуся реформационными учениями. Аристипповский гедонизм XVI—XVII вв. дал мало конструктивного, отвергая «старую» (средневековую) деятельность «по привычке», жизнь в привычном русле, он также санкционировал жизнь «по течению». — но уже подчиненную не диктату внешних социальных требований и «приличий», а прихотям собственных эгоистических желаний человека»²⁹. Таким образом, эволюция Запада в направлении к современности была результатом стечения обстоятельств, последовательного воздействия Ренессанса, Реформации и Просвещения, победы их принципов, которая могла и не состояться. Этот опыт учит нас ни о чем не говорить как о неизбежном и относиться к будущему как содержащему множество вариантов развития.

В плане будущего предпочтительнее быть ни гиперглобалистами или скептиками, а трансформационалистами, если следовать типологии Д.Хелла и его соавторов³⁰, т.е. признать переходный характер эпохи. Желательно заранее признать возможную нелинейность социальных процессов, не исключаящую внезапный слом тенденций в точках бифуркации, настроиться на сценарный лад. Сошлемся на позднего И.Уоллерстайна, который выражает опасение относительно устойчивости любого тренда в переходную эпоху³¹. Переходность не означает того, что люди просто пока не понимают ситуацию, а характеризует, прежде всего то, что ситуация может измениться, что она нелинейная, всегда чревата какими-то новыми возможностями. И это надо иметь в виду в дискуссиях о глобализации и о перспективах следующей из нее универсализации.

Глава 2. Российская модернизация по типу социальной утопии

Российская модернизация 90-х, как мы видели из предыдущей главы, совпала по времени и невольно инициировала новый доминирующий тип социальной трансформации — глобализацию. Несмотря на указанное значение российских процессов для перехода к новому мегатренду, в самой России его

значимость не была оценена и «из всех вариантов развития была избрана уже забытая после неудач постколониального развития по этой модели классическая модернизация по типу догоняющего развития, получившая в литературе название «неомодернизм»³².

О характере модернизационных процессов, происходящих сегодня в России, в последнее время говорят много, нередко приходя к выводу, что те изменения, которые имеют место в политической и экономической сферах общественной жизни, укладываются в уже привычное для научного обихода понятие *догоняющей модернизации*. В самом деле, модель, по которой идет российская реформация, соответствует общим параметрам этой формулы: это и практика преобразований «по образцу», и попытки «перепрыгивания» при жизни одного поколения через этапы исторического развития, проходимые другими народами долгие десятки лет, и укоренение новых общественных структур, соответствующих целям реформы (в нашем случае развитие рыночной экономики), и трансформация форм государственной власти в направлении демократизации общественной жизни. Очевидность преобразований в этом направлении, тем не менее, не снимает вопроса: а исчерпываются ли, вернее сказать, соответствуют ли в полной мере происходящие изменения процессам догоняющей модернизации? Несмотря на видимые подтверждения этого, однозначно утвердительного ответа на этот вопрос дать нельзя.

Во-первых, на путь догоняющей модернизации, т.е. развития по западному образцу, Россия вступила без малого триста лет назад. *Все это время, ставя задачу догнать Европу, кстати сказать, далеко не всегда в такой прямолинейной форме, страна шла каким-то своим путем, направленность и масштабы которого очевидно не укладываются в общую формулу европейского движения по пути прогресса. И сегодня мы сталкиваемся не столько с нерешенностью проблем первого этапа модернизации, сколько с особенностями ее решения в российской истории*³³. Трудно согласиться, что мы оказались менее других народов способными усвоить принципы жизни цивилизованного мира и потому продолжаем свой бег вдгонку за Западом, оказываясь не в состоянии его догнать. В данном историческом беге были этапы, не связанные с достижением только этой цели или, во всяком случае, указанная цель принимала свою национальную окраску, определявшуюся необходимостью решения собственных проблем,

скажем, ликвидации крепостного права, смягчения режима царского самодержавия, построения социализма. Иными словами, задачи цивилизованного развития выходили за рамки проблем, связанных с требованиями собственно догоняющего развития.

Во-вторых, никто не станет отрицать, что страна знала и лучшие времена, сравнительно с сегодняшней ситуацией, — например, индустриализацию 30-х годов и послевоенное развитие науки в направлении использования атомной энергии и освоения космоса, превративших Россия в «сверхдержаву», развивающуюся уже не по принципу подражания, а по своим масштабам и меркам. Правда, экономика скоро вступила в фазу «топтания на месте», и стало очевидно, что, опередив Европу по уровню военно-промышленного комплекса, мы отстали по многим параметрам от высших достижений человеческой цивилизации. Но этот факт вряд ли позволяет перечеркнуть достигнутые в свое время успехи.

Таким образом, решая проблемы догоняющей модернизации в качестве страны «второго эшелона», мы шли во многом собственным путем, а всемирная история на нашем опыте, видимо, творила свою, по словам А.И.Герцена, «импровизацию». Ведь у нее нет единого масштаба и одной мерки для всех народов, и уже в силу этого она «готова идти всюду, куда укажут». «При отсутствии плана и срока, аршина и часов развитие в природе, в истории не то что не может отклониться, но должно беспрестанно отклоняться, следуя всякому влиянию и в силу своей бесконечной страдательности, происходящей от отсутствия определенных целей», — писал Герцен³⁴. Исторический опыт свидетельствует, что история постоянно «бросается во все стороны», творя «бесчисленные вариации на одну и ту же тему». Вот почему в одной стране она не могла идти путем, отличным от европейского, и почему осуществленный Россией переход от традиционного общества к индустриальному (чем, по сути, и является классическая модернизация) не мог не иметь своей собственной реализации этой общей «формулы», среди составляющих которой был «свой случай», который и определил специфику прогресса в этом регионе.

Сегодня мы снова ищем пути реформ, пытаюсь повернуть страну в «накатанное русло» европейского развития, снова ищем формы общественного устройства, соответствующие достигнутому человечеством уровню цивилизованности. И снова, как бывало не раз, связанные с этими поисками реформационные

изменения не укладываются без остатка в общую формулу. За ее рамками остается много вопросов, на часть которых, например, на вопрос о причинах неудач осуществляемой уже более десяти лет политики, уже есть ответы. А срок, скажем, немалый, особенно если для сравнения использовать опыт других стран, например, послевоенной Японии. Неужели мы топчемся на месте потому, что менее способны, «дольше запрягаем», больше отягощены порочными обычаями, склонны к воровству, коррупции, взяточничеству? Не более порочны и не менее способны, чем другие.

Причина кроется в том, что всякий раз, когда бы это ни происходило — во времена Петра I, в эпоху великих реформ Александра II, на этапе сталинской индустриализации и бериевских «шарашек», модернизационные процессы осуществлялись по типу «*социальной утопии*», что и определило характер и направленность преобразований, а еще более их социальный контекст. Так, в сталинскую эпоху на них лежала явная печать утопической модели построения социализма в одной стране, в период хрущевской оттепели — идеи, что рыночная экономика не вписывается в систему государственного контроля над собственностью. Немаловажное значение (влияние) имел и другой, тоже связанный с нашей ментальностью факт, а именно тот, что все реформы осуществлялись под знаком проблемы «Россия — Европа», которую страна вот уже почти триста лет тщетно пытается решить, увязая время от времени в поисках компромисса между крайним национализмом с его желанием сохранить российскую самобытность и неразумным подражанием Западу, «европейничанием», по выражению К.Н.Леонтьева.

Понятие «социальная утопия» употребляется не в том его одностороннем смысле, которому соответствует отсутствие четких представлений о способах достижения идеального общества. Оно употребляется как характеристика типа мышления, определяющего видение, восприятие мира в тесной связи с выработанным социальным идеалом, достижение которого невозможно в существующих условиях. И потому его обоснование сопровождается критикой последних и попытками их интеллектуального преодоления. *Утопия — это моделирование социального устройства, осуществляющееся на основе критического отталкивания от существующего положения вещей и, прежде всего, от существующих институтов собственности и власти.*

Ткань утопии ткется из «нитей действительности» в том смысле, что фиксируемые ею социальные и духовные ценности определяются, в конечном счете, реальными потребностями

людей, хотя и по принципу «компенсации», а в основании утопии лежит «нечто», что выражает чьи-то актуальные интересы и устремления. Заимствуя свой материал из действительности, утопия лишь придает ему иные формы, и потому структура утопических идеалов отражает структуру формирующихся в обществе приоритетов и ценностей. Поэтому всякая утопия, трансцендентная исторически-конкретному, оказывает на него свое воздействие и даже вступает в контакты с различными общественными слоями и группами, общественными движениями и партиями. Вера в возможность осуществления идеального общества, о котором трактует конкретная утопия, способна охватить массы людей, направляя и стимулируя их социальную активность. Поэтому почти любая социальная утопия как выражение общественного идеала, если она близка осознанным интересам общества (его различным социальным группам), может приобрести значение реальной силы, оказывающей преобразующее воздействие на бытие людей. Поэтому же утопия является своеобразным показателем состояния общественной мысли, с точки зрения достигнутого ею уровня критического осознания существующего положения вещей и способности противопоставить ему идеал, призванный, говоря современным языком, «разбудить массы» для гражданского неповиновения. Можно сказать, что утопии являются, «с одной стороны, симптомами кризиса данной общественной организации, а с другой — признаками того, что в ней самой имеются силы, способные выйти за ее рамки, хотя они еще не осознают, как это можно сделать»³⁵. В этом смысле утопическое моделирование вполне правомерно охарактеризовано как *эпифеномен реформаторства*, в чем я вижу позитивный смысл и интеллектуальный потенциал всякой утопии. Приведу в этой связи примечательные слова Э.М. Сьорана о том, что обществу, неспособному создавать утопии, угрожает склероз и разрушение.

В поддержку своей точки зрения напомним, что еще А.Свентоховский определял утопию как «мать всех реформ», А.Фойгот соотносил утопическое моделирование со свойственной человеческой природе потребностью «постоянно строить планы», а В.Г.Флоровский считал, что в утопию уводит человеческую мысль не только необузданная фантазия, но и уверенность в предельной действенности добра как силы, побеждающей зло. К.Мангейм, разработавший одну из самых популярных сегодня концепций утопии, наделяет правом называться таковой лишь тот

тип сознания, который может привести к действию и тем самым «частично или полностью взрывает существующий в данный момент порядок вещей»³⁶. А. Валицкий, исследуя проблему, приходит к выводу, что в утопию уводит не только необузданная фантазия, но и «какая-то роковая последовательность самой трезвой мысли»³⁷. Она связана со свойственной человеческому мироощущению историософским видением действительности, со стремлением увязать «концы и начала» исторического бытия, увидеть в потоке исторических событий скрытые от глаз цель и смысл, связать их со своим представлением об идеальном обществе.

Вот почему во всех реформаторских движениях неизбежно присутствует утопический элемент — в одних больше, в других меньше: поскольку человеческому сознанию свойственно стремление раскрыть в потоке исторических событий невидимый смысл, и поскольку любой проект в качестве идеальной модели содержит элемент желаемого, осуществление которого может и не обеспечить предлагаемая реформа, и поскольку моделирование социальной реальности сопряжено с идеализацией, т.е. с той или иной степенью погружения в утопию. Заметим, что в этом всегдашнем несоответствии планируемых изменений результатам реформаторской деятельности есть своя логика: утопический элемент реформ быстрее мобилизует массы, обвораживая их иллюзией близости планируемого, иногда провоцируя необузданные, стихийные действия. «Во всех реформаторских движениях, — подчеркивал Фойгот, — имеется утопический элемент: кажется, что без этого элемента они не могли бы иметь успеха. Если где-нибудь соединяется большое количество людей для совместного политического действия, то сейчас же является необходимость развить пред ними знамя, которое бы указывало им какую-нибудь утопию, скрытую за их ближайшими задачами. Везде, где не играют роли исключительно практические, эгоистические мотивы, силу инерции преодолевает не то, что возможно, но то, чего невозможно достичь. Такова особенность человеческой натуры»³⁸.

Но утопия — именно эпифеномен реформаторства, ибо утопическое сознание следует логике фантазии, а не разума, а сконструированный в соответствии с ней мир живет не столько по рациональным, сколько по иррациональным законам — или вообще без них. «Утопия как бы удваивает мир, надстраивая над реальным миром ирреальный мир мечты»³⁹. Но погружение в

утопию, пусть и отгораживающее человека от действительности барьером из грез, одновременно делает последнюю предметом умственных *манипуляций*, объектом *позитивного конструирования*.

И еще один важный момент. Утопист — максималист, его несогласие с действительностью носит тотальный характер. Как верно замечает Е. Шацкий, в эпоху господства свечей он думает о всеобщей электрификации, тогда как другие изобретают керосиновую лампу. Поэтому утопическому моделированию сопутствует коренная ломка существующих структур — даже если новые структуры еще не сложились. Его несогласие с действительностью требует принципиальной общественной перестройки и пересмотра укоренившихся в массовом сознании ценностей, при этом он не терпит постепенности и медлительности на этом пути. Как писал Герцен, им овладевает стремление «перескочить от нетерпенья». Его конструирование осуществляется «по свободе воображения», по логике интеллектуального произвола, продиктованной стремлением как можно скорее устранить все недостатки, «разрушить до основания — а затем...». Принцип, понятный своей максималистской простотой, а главное, не раз опробованный человечеством в его богатой революционной практике. И в этом смысле фигура утописта ближе фигуре революционера. Утопист — это реформатор как бы с обратным знаком. Наш сегодняшний опыт дает немало этому подтверждающих примеров.

Конечно, всякая страна, вставшая на путь модернизации позже других, развивается в стремлении «перепрыгнуть» какие-то фазы исторического развития. И это понятно — в противном случае никогда не достигнуть желаемого финиша и, подобно Ахиллесу, придется вечно догонять не стоящую на месте черепаху. Но дело в том, что для России эта проблема всегда принимала какие-то особенно острые и болезненные формы. В желании догнать и «проскочить» исторические фазы развития она обязательно сходила с реалистических рельсов на утопические, при этом откровенно утопические проекты с готовностью воспринимались общественным мнением за вполне реальные. Вспомним хотя бы уверения известного реформатора периода оттепели о возможности построения коммунизма в стране к началу 80-х годов. А можно вспомнить и совсем недавние примеры — планы первых постперестроечных лет о преобразовании экономической системы в направлении рыночной экономики за 500... дней. Ведь это абсурд с точки зрения здравого смысла.

Но почему-то именно этого здравого смысла и не хватало как самим реформаторам (если они не лукавили), так и большей части населения страны. Эти планы были приняты на веру, вызвав массовую эйфорию. Мобилизационный тип развития, а в 90-е негативная мобилизация масс («делайте, что хотите, но голосуйте «за») нуждался в утопии в качестве идеологии больше, чем в скучных реалистических планах⁴⁰.

Причина легкой веры в предлагавшиеся откровенные фантазии имеет исторические корни. Вера в возможность быстро перескочить фазы долгого для других народов исторического пути подпитывалась национальным архетипом массового сознания, а именно — укоренившейся еще в XVI веке идеей о преимуществах «отставших народов». Архетипическая вера в собственную исключительность, определившая надолго русскую ментальность, оправдывала практику коренной ломки исторически сложившихся общественных структур до того, как «проросли» новые — практику, которая почти *всякий раз* сопровождала российские реформы от времен Петра Первого до времен Ельцина. Сегодня издержками такого реформаторства стало повсеместное, на всех структурных уровнях сращивание государственных служб с криминалом. Ибо там, где разрушение старого предшествует созданию нового, всегда есть место произволу, преступности, коррупции и беззаконию. Вот почему новая организация не должна насаждаться, утверждаться силой авторитета ее непосредственных инициаторов — она должна *складываться*, даже если на этот процесс история и отпускает слишком короткие сроки. В таком сознании всегда есть место вере в авторитет, вернее, в таком сознании авторитет выступает высшей и потому наиболее эффективной конструирующей силой.

Но что еще существенней, в практике низвержения старых общественных форм кроются ниши для различных форм тоталитаризма. Нам очень хотелось быстрее, «отряхнув прах со своих ног», создать новую государственность, — и создали *корпоративно-олигархическое государство*. Чем оно лучше прежнего в смысле приближения к правовому государству? Да ничем. При этом «момент истины» состоит в том, что иного и нельзя было создать, поскольку двигались в направлении последнего по пути утопии — с верой в свои возможности быстро ломать и строить на пустом месте, с всегдашней склонностью к безрассудным, анархическим по сути действиям, с подменой целей модернизации средствами «перескочить от нетерпенья», забывая, что ста-

рый мир всегда тем и силен, что он складывался исторически, долго прорастал в реальность, а его ценности формировались в качестве ценностей массового сознания на жизни многих поколений людей. Поэтому, даже взорванный, мир ценностей прошлого может взять реванш. Как показывает В.Г.Федотова в работе «Анархия и порядок», радикальное устремление элит к разрыву с прошлым, попытка ускоренной рекультуризации населения привели к демодернизации вместо модернизации, к вызыванию из небытия архаических начал, в которые уходило население, не понимающее новых задач (см. так же предшествующую главу). Именно и прежде всего по этой причине всякая реформа предполагает длительную подготовительную работу, и эта работа есть та обязательная фаза исторического развития общества, вставшего на путь ускоренного исторического движения, которую *никто не может перескочить*, во всяком случае, безнаказанно для себя.

Подводя итог, еще раз отметим, что осуществляющиеся сегодня в стране процессы не укладываются «без остатка» в классическую формулу «догоняющей модернизации» — и потому, что ее задачи исторически уже многократно решались, и потому, что на них лежит печать собственной долгой истории перехода от традиционного общества к индустриальному. Это своеобразие, продолжающее и сегодня влиять на формы и направленность модернизационных процессов, во многом связано с традиционными для отечественных реформ проявлениями утопизма, итогом чего стал тот факт, что *стратегические цели модернизации захлебнулись в тактике утопизма*. Все, что сегодня происходит в стране, можно условно назвать *наполовину модернизацией, наполовину утопией*, при этом, к сожалению, каждая из половин не является лучшей.

РАЗДЕЛ II. НЕКЛАССИЧЕСКИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ

Глобализация сильно изменила статус и место модернизационных процессов, а также показала, что время классической модернизационной теории ушло. Она разрушила представления о единственности модернизационной теории, вывела на обочину дискуссии о постмодернизме, оставив в качестве коренного вопрос о том, является ли современность завершенным или незавершенным проектом. Эмблемой этого спора стала работа Ю.Хабермаса «Модерн — незавершенный проект», к чему (по другим основаниям) присоединяются Э.Гидденс, С.Лэш, У.Бек и др., хотя, по мнению этих авторов, западный мир вступает в *новую современность*. Другие авторы, драматизируя завершение поздней современности, считают современность завершившейся в целом. З.Бауман, представляя свою книгу «Индивидуализированное общество» в Институте социологии РАН в мае 2002 г., сказал о том, что он выступает в этой работе как новый Оруэлл, задавшись вопросом о том, чего надо бояться сегодня и о чем предупредить новое поколение. Суть предупреждения: проект современности завершен, идет расщепление социальной ткани, общество становится квазиприродной реальностью, не управляемой людьми, которые делаются все более обособленными, и в этом смысле индивидуализированными без производства индивидов и личностей. Третьи, полагая сегодняшнее время переходным, предлагают новые варианты модернизационной теории или ее субституты, которые могли бы прояснить суть сегодняшних трансформаций, охвативших мир в целом, а также альтернативы модернизационным теориям.

Глава 3. Эволюция модернизационной теории и альтернативы ей

Не имея тут возможности изложить подробно эволюцию модернизационной теории, выделим ее основные модификации.

Классическая модернизационная теория характеризует модернизацию как переход из традиционного общества в современное.

Традиционные общества являются исторически первыми. Это — общества, воспроизводящие себя на основе традиции и имеющие источником легитимации активности прошлое, традиционный опыт. Традиционные общества отличаются от современных рядом особенностей. Среди них: зависимость в организации социальной жизни от религиозных или мифологических представлений; авторитаризм; цикличность развития; коллективистский характер общества и отсутствие выделенной персональности; преимущественная ориентация на метафизические, а не на инструментальные ценности; авторитарный характер власти; отсутствие отложенного спроса, т.е. способности производить в материальной сфере не ради насущных потребностей, а ради будущего; предэкономический, преиндустриальный характер; отсутствие массового образования; предзаданный статус; преобладание особого психического склада — недейственной личности (называемой в психологии человеком типа Б); ориентация на мировоззренческое знание, а не на науку; обладание локального над универсальным и др.

В ходе модернизации происходит переход к *современному обществу* (modern society). Оно включает в себя, прежде всего, коренное отличие от традиционного — ориентацию на инновации и другие черты: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; формирование демократии; выделенную персональность, преимущественную ориентацию на инструментальные ценности; демократическую систему власти; наличие отложенного спроса, т.е. способности производить не ради насущных потребностей, а ради будущего; индустриальный характер; массовое образование; приобретенный статус; активный деятельный психологический склад (личность типа А); предпочтение мировоззренческому знанию точных наук и технологий (техногенная цивилизация); преобладание универсального над локальным и др.

Первая модернизация была осуществлена Западом при его переходе от Средневековья к Новому времени. Сформировался уникальный *тип органически-инновационного развития*, при котором источник развития был внутренним, изменения осуществлялись органически, на основе собственных потребностей, исторической судьбы (Ренессанс, Реформация и Просвещение как стечение благоприятных обстоятельств определили эту судьбу). Механизмом развития стала инновация. Характер развития Запада был самостоятельный, поступательный, с локальной циклическостью. Темпы роста быстрые. Духовные, ментальные, культурные предпосылки состояли в том, что возникла целерациональность, протестантская и в целом трудовая этика, стали развиваться науки и технологии, возобладала идея прогресса. Образ будущего не был задан априори, складывался в результате саморазвития.

Видя неожиданный подъем Запада, многие незападные страны также вступили на путь модернизации, взяв Запад за образец и стремясь догнать его. Среди них была и Россия. Догоняющая модернизация отличалась от западной. Это был *неорганически-мобилизационный тип развития*, вовлекавший страны доиндустриального развития. У него был внешний источник — успешный пример Запада, воспринимавшийся как основание для решения внутренних задач преодоления отсталости и ускорения развития. Характер развития — догоняющий, неравномерный, имеющий циклический характер — возвраты назад и возвращение к модернизации. Механизм развития — мобилизация. Темпы развития медленные. К культурным, духовным предпосылкам относится вера прозападных элит в прогресс, рассмотрение своих стран как отсталых. Образ будущего — вхождение в семью западных народов или приближение к Западу. На пути такой модернизации достигнуты существенные успехи, но, вместе с тем, процесс явился незавершенным.

Третью попытку модернизации осуществили страны Юго-Восточной Азии. Их *тип развития комбинированный — органически-неорганический, мобилизационно-инновационный, осуществляемый без радикального изменения идентичности*. Источники развития также смешанные: внешний — вызов Запада, внутренний — поражение в войне, экономические проблемы. Произошла деархаизация, появились признаки некоторой органичности развития. Механизм развития — мобилизационно-инновационный. Темпы развития быстрые, но в течение короткого периода. Затем наступает стагнация. Духовные, культурные основания раз-

вития — традиции, семейные, коллективистские, религиозные ценности, желание лучшей жизни. Образ будущего — развитие на основе собственной идентичности.

Попытку модернизации (как по капиталистическому, так и по социалистическому образцу) предприняли страны третьего мира в период деколонизации. Источники их развития были неорганическими — вызов Запада и других более развитых стран. Механизм развития — этатизм, деятельность прозападных элит. Характер изменений — деархаизация. Темпы развития крайне медленные. Результатом попыток модернизации часто становилось разрушенное традиционное общество. Духовные. Культурные предпосылки отсутствуют. Образ будущего — улучшение жизни. Эта модернизация характеризуется как *постколониальный тип развития*, который не удался настолько, что положил конец в 60-е годы XX века интересу к модернизационным теориям, пока он не был реанимирован в 90-е применением теории модернизации к посткоммунистическим странам (тоже неуспешно), и эта теория не получили название *неомодернизма*.

Остается, наконец, группа стран четвертого мира, где модернизационных попыток не было, где развитие не заметно нескольким поколениям и осуществляется крайне медленно по типу естественной эволюции или *архаическому типу*, где имеются органические препятствия развитию, структуры сознания примитивных обществ, не способствующие развитию. Образ будущего — сохранение существующего.

Итак, классическая теория модернизации адекватно описала модернизационный опыт Запада и способствовала модернизации ряда незападных стран, которая осталась незавершенной. Она оказалась плохо применимой к Юго-Восточной Азии, к развитию новых индустриальных стран в этом регионе, не сумела обеспечить модернизацию стран третьего мира и оставила вне зоны интереса страны четвертого мира. Попытка ее применения к посткоммунистическим странам осталась риторической, показав в очередной раз, что время классической модернизации и присущей ей стратегии догоняющего развития как универсальной тенденции пришел конец.

Классическая теория модернизации подвергается сегодня серьезной критике по ряду параметров. Прежде всего, эта теория воспринимается как симптом признания линейности и одновариантности развития, постоянной устремленности к развитию, которую называют девелопментализмом. Она обвиняется в

излишне жесткой связи факторов, которые подлежат трансформации при переходе от традиционного общества к современному. Подчеркивается такая негативная ее сторона как излишний детерминизм, телеологичность, резкое противопоставление традиции и современности, отсутствие анализа рисков подобной трансформации и интереса к положению нижних слоев общества, которые могут оказаться ее жертвой. К списку недостатков классической модернизационной теории добавляется признание за историей непреложной логики и закономерности развития, лишаящее общество возможностей выбора, отказ от плюрализма рациональностей и ориентация на рациональность Запада, требование рекультуризации, которое предъявляется незападным народам в процессе модернизации. В ходе западной модернизации произошло формирование наций. Поэтому сегодняшнее применение классической теории модернизации рассматривается как реанимация этноцентризма и источник этноконфликтов. Особой критике подвергается догоняющая модель развития, используемая незападными странами и их попытка приблизиться к уровню развития западных стран.

Ныне указанные черты развития вызывают сомнение и неудовлетворенность как в теоретическом, так и практически-политическом смысле. На модернизационную теорию возлагается ответственность за неудачи модернизаций в ряде стран, а также за то, что ни одна из осуществленных или осуществляемых модернизаций не удовлетворяет требованиям классической модернизационной теории, на которую они были ориентированы.

Особое неудовлетворение вызывает тезис о линейности хода истории и жестких требованиях девелопментализма, ориентирующего любое общество на позитивные изменения в соответствии с западной моделью развития. Нелинейность развития является сегодня признанным фактом, создающим возможности для изменения траектории развития как человечеством в целом, так и каждого отдельного общества. Синергетика описала процессы, которые меняют направленность своего развития в точках бифуркации, изучены механизмы накопления предпосылок для подобных перемен, и вместе с тем вероятностный, непредзаданный характер их осуществления (В.С.Степин). Появились новые модели развития, которые учитывают фактор нелинейности и рассматривают неравномерность развития не как преходящий и преодолимый феномен, а как своего рода судьбу. Так, И.Уоллерстайн⁴¹ отмечает наличие центральной,

полупериферийной и периферийной зон, различие которых не может быть преодолено посредством гарантированного развития периферии. У.Бек находит достаточно стабильным и не относящимся к переходному процессу разделение стран, производящих знание (Запад), новых индустриальных стран (Азия) и сырьевых стран⁴², к которым относится и Россия. При этом он констатирует постоянное ухудшение положения сырьевых стран даже и в том случае, если в них осуществляется модернизация по классической модели. Дж. Несбит прогнозировал в 1984 году в уже упоминавшейся работе «Мегатренд. Десять новых направлений развития будущего» перемену отношений между Югом и Севером в пользу преобладания Юга. Если этот прогноз и сбьлся, то в форме весьма опасной решимости Юга противостоять развитым странам любыми способами, включая терроризм. Эту тенденцию более решительно выразил С.Хантингтон, предположив в качестве основного конфликта будущего столкновение цивилизаций⁴³. Не сбьлись предположения Ф.Фукуямы о конце истории как торжестве западной модели развития. У классической теории модернизации появились оппоненты и конкурирующие подходы, вложившие в критику своей предшественницы подлинное негодование.

Признавая, что классическая модернизационная теория, как и всякая другая классическая теория, со временем начинает встречаться с обстоятельствами, которые она не в состоянии объяснить и предвидеть, а значит превратить в факты в своих теоретических рамках, отметим, тем не менее, несогласие с приведенной критикой, которая отличается, с нашей точки зрения, тремя недостатками — *онтологизацией теоретических конструктов, антиисторизмом и презентизмом как разновидностью последнего*.

Дело в том, что классическая теория модернизации является именно *теорией*, а не идеологией, не парадигмой или исследовательской программой, тесно связанной с внеучным знанием. Она непонятна неспециалистам, построена с использованием *идеальных типов* (М.Вебер) или теоретических конструктов, как называют эти типы многие современные методологи. *С повседневной точки зрения, исходя из обыденных представлений, не существует никакого противопоставления между традицией и инновацией*: в любом обществе существуют как традиции, так и инновации. Поэтому нет качественного различия, исходя из этой установки, между традиционным и современным обществами. Если различие может быть установлено, то только количествен-

ное: в одних обществах больше традиций, в других — больше инноваций. Радикальность различий традиционного и современного общества на уровне повседневного сознания не прослеживается. Классическая модернизационная теория использует термины обыденного языка, но придает им понятийное значение. Традиционное и современное общество предстают в ней как *идеальные типы*. При работе с такими конструктами, представляющими наиболее существенные характеристики рассматриваемых обществ, *невозможно онтологизировать идеальные типы, принимать их за реальность. Они выступают как методологические регулятивы, направленные на понимание различающихся по сущностным параметрам обществ, касающиеся логики перехода, драматизм которой очевиден* именно из-за противоположности черт традиционных и современных обществ, а не из этических соображений. Мы имеем в виду упрек Б.Г.Капустина теориям модернизации в том, что они неспособны подняться до этического сочувствия и размышления о тех слоях, которые станут жертвой модернизации⁴⁴. Теория модернизации ясно указывает на коренной характер слома старых структур в случае модернизации и на следующую отсюда неизбежность жертв. Но не теория, а элиты, решившиеся на модернизацию, должны осмыслить ее цену и взять на себя этическую и политическую ответственность за тех, кто пострадает в ходе модернизации.

Антиисторизм критики состоит в том, что пятисотлетняя история Запада была историей прогресса и модернизации как самого Запада, так и последовавших за ним незападных стран. Несовпадение целей и результатов модернизации было замечено и вскрыто при классической модели. Его причины и в описанном выше утопизме модернизационной мобилизации, и в невозможности онтологизировать теорию. Но регулятивные функции этой теории осуществлялись успешно там, где были предпосылки для модернизации или где была проявлена способность реформаторов к модернизации даже в неподходящих для этого условиях. Так, журнал «Тайм» четыре года назад признал человеком века К.Ататюрка, осуществившего модернизацию в казалось бы совершенно неподходящем для этого месте — в Турции.

Презентизм отношения к классической модернизации состоит в том, что сегодня ее готовы критиковать все, тогда как в 90-е на нее сделали ставку элиты всех посткоммунистических стран, и своевременная критика с негодованием отвергалась как

«враждебная реформам». Ведь революционаристская формула «иного не дано» овладела политическим классом и на первых порах и массой.

Появившиеся сегодня постэволюционистские и постпрогрессистские теории реагируют на опыт неудачного применения классической модернизационной теории в случае постколониального и посткоммунистического развития, на теоретические изменения в видении развития — признании его нелинейности и негарантированности, в связи с появлением нового мегатренда — глобализации, которая перевела модернизацию на локальный уровень и лишила ее единого образца. Поэтому мы можем констатировать, что изменившиеся обстоятельства привели классическую модернизационную теорию к кризису. Ее коренное противоречие всегда состояло не в тех недостатках, которые ей сегодня в изобилии приписываются, а в невозможности совпадения идеального типа с результатом применения теории. Строго говоря, М.Вебером было доказано, что капитализма западного типа построить нельзя без его духовных предпосылок. На его уникальность указывал С.Хантингтон и другие исследователи. Модернизационная теория не утверждала обратное, она указывала на жесткие условия приближения, считая последнее в той или иной мере возможным. Вина за неудачи применения этой теории лежит на радикальных либералах, которые были уверены в обратном: теорию можно в чистом виде воплотить в реальность, причем не считаясь с ценой.

Ясно, что классическое понимание модернизации является предельно жестким. Оно требует взаимной увязки всех параметров, меняющихся при переходе от традиционного общества к современному. Неосуществимость этих требований при модернизации на основе модели догоняющей модернизации привела к образованию *постмодернизационной теории развития*. Постмодернизацией называют переход традиционного или современного обществ в постсовременное. Постсовременное общество строится путем объединения черт двух первых: традиции и инновации, светского характера социальной жизни и признание религиозности в культуре, цикличности и поступательности в развитии, авторитаризма и демократии, коллективизма и индивидуализма, индустриализации и ограничения пределов роста, предзаданного и приобретенного статуса, ценностной и целевой рациональности, локальности и универсальности (глобальности) и т.д. Примером подобного общества обычно называли

Японию. Данная теория имеет и другое название: модернизация на основе собственной идентичности, модернизация без вестернизации (С.Хантингтон). Сегодня она не популярна, вытеснена новыми теориями модернизации, связанными с появлением нового процесса социальной трансформации — глобализацией.

Транзитология

Ответом на глобализацию был ряд новых модернизационных теорий. Среди них: *транзитология*, считающая излишне сложной задачу классической модернизации и слишком туманной задачу постмодернизации. Транзитология требует достижения только двух параметров модернизации: демократизации и маркетизации. На состоявшейся в мае 2002 г. в Институте философии РАН российско-южнокорейской конференции по проблемам модернизации проф. Ин Сук Ча на примере Кореи и мы на примере России показали, что задача демократизации не является простой и легко достижимой. Ее выполнение также зависит от культурных предпосылок, как и осуществление классической модернизации. То же относится и к рынку.

Доклад проф. Ин Сук Ча «Корея и реформированный либерализм» чрезвычайно важен для понимания не только корейской ситуации. Он проливает свет и на некоторые особенности российских реформ. Россия, как и Корея — незападные страны, шедшие по пути догоняющей модернизации. Некоторые трудности, которые они испытали в ходе данного процесса, оказались сходными.

Но особенно важен представленный доклад для анализа эволюции модернизационной теории и характеристики ее нынешнего состояния.

Сравнительный анализ некоторых тенденций российского и корейского развития показывает, что модернизация и контрмодернизация в обеих странах осуществляются одновременно в результате противоречия между рационализацией производительных сил и традиционными национальными ценностями. Одобрение транзита не в состоянии преодолеть ни южнокорейские, ни российские традиционные ценности. Традиционализм как форма контрмодернизационной идеологии действует в обеих странах. В Южной Корее персоналистская интерпретация конфуцианства помогает индустриализации и экономическому развитию, но создает процветание только небольшой элитарной группе. Сходные процессы происходят в России.

Радикальному либерализму здесь противостоят две группы традиционалистских ценностей — российские и советские. Последние во многом являются модификацией первых и включают в себя такие ценности, как коллективизм, справедливость, патриотизм и др. Высказанный проф. Ин Сук Ча тезис о связи традиций и контрмодернизационных тенденций может быть усилен и конкретизирован на примере традиционного понимания в России свободы как своеволия, свободной воли. 90-е не были десятилетием демократии в России, а были десятилетием свободы. Если быть более точным, десятилетием свободной воли, негативной свободы (свободы «от», как определял И. Берлин, т.е. от внешних ограничителей и внутренних «тормозов»), а не позитивной свободы («свободы для» чего-то, по его же определению). Утвердившийся тип свободы был социально неорганизованным и ничем не ограниченным. Некоторые аналитики (И. Клямкин, Л. Шевцова) называли сложившийся социальный порядок «бессистемной системой». Это была неплохая метафора, но все же лишь метафора. Многие ученые говорили о российском хаосе. Но это — слишком строгое определение: хаос не может быть типом порядка и основой стабильности. По нашему мнению, в России 90-х сложился анархический порядок, анархия как тип порядка. Есть пять признаков такого порядка: слабость центральной власти; нехватка демократических институтов; отсутствие коллективных представлений как институтов; самопомощь и кооперация (анархия, согласно представлениям русского анархиста П. Кропоткина); люмпенизация масс, аномия (разрушение ценностей или их рассогласование) в масштабах общества (анархия этого типа ассоциируется с именем другого классика анархизма — М. Бакунина, который полагал, что подлинная цель свободы — бунт простых людей против чуждой им интеллигентской культуры).

Первые три черты анархии присутствуют в международной системе, две другие являются российским продуктом в теоретическом плане, получившим и наиболее яркое практическое воплощение. Анархия была результатом негативной мобилизации масс в ельцинском социальном контракте, реконструируемом как «делайте, что хотите, но голосуйте «за». Не политическая манипуляция, а тождество архетипов народа и правящей элиты 90-х привели к этому соглашению. Количество людей, вовлеченных в неформальную экономику составило 30–40 миллионов человек, поддержавших Ельцина на выборах 1996 года только за

то, что в они имели возможность не иметь дела с государством. Анархически настроенные люди не согласны на легитимацию любого авторитета или власти, включая демократическое государство. Анархизм есть негативная форма индивидуализма, отрицающая не только власть, авторитет, но и интересы другого. Это — идеология жизни на уровне базового выживания, которая до определенной степени допускает прямую демократию (коллективные решения, но не демократическое государство), мелкую собственность и прямые действия. Эти люди стали жертвами в 1998 г. анархической игры верхов, приведшей к дефолту. Дефолт имел и некоторое позитивное значение: он показал ошибочность позиций радикальных реформаторов; люди из секторов серого и черного рынка были вынуждены вернуться в сферы реального производства. Из ста «челноков» (торговцев товарами, закупаемыми ими в Турции, Китае, Венгрии и пр. и продаваемых в России) в 1998 сохранило свой бизнес только восемь.

Это подтверждает вышеупомянутый тезис об одновременном действии модернизационных и контрмодернизационных тенденций в незападных странах.

В России радикальный вариант модернизации привел к демодернизации, стремление немедленно рекультивировать массы к оживлению глубоко лежащих архаических начал, демократизация к анархическому порядку, рыночные тенденции — к неформальной экономике, которая не является ни рыночной, ни государственно регулируемой⁴⁵.

Транзитологическая упрощенная версия модернизации разделяет демократический процесс на ряд ступеней: появление демократических идей, лидеров и движений, раскол элит и общества по вопросу о необходимости демократии, либерализация, пакт (соглашение) между противоборствующими силами, консолидированная демократия. Не касаясь пока возможности объективно и четко выделить эти этапы, отметим, что освоение демократических идей и институтов незападными странами не обязательно ведет к демократии. Эта констатация предстает как опытный факт, с которым нельзя не согласиться. Даже успешная демократическая институционализация часто приводит к созданию специфических квазидемократий.

Наблюдается расширение спектра стран, называющих себя демократическими. Как отмечает один из исследователей, в отношении демократии складывается «радикально новая картина, происходит экспоненциальный рост демократий: 1790: две или

три так называемые демократические системы, относительно которых могло быть много вопросов; 1920: десяток несовершенных, некачественных, часто хрупких демократий; 1950: примерно двадцать стран могли бы претендовать на то, что они — демократии, при условии, что качество этих демократий не слишком точно обозначено; 1990: «этикетка» демократии стала настолько доминирующей, что только несколько стран отрицают форму и установления западной модели. Все произошло так, как если бы больше не было другой альтернативы»⁴⁶. Таким образом, по мере расширения демократий происходили серьезные отступления от западного образца, упрощающие смысл демократии иногда просто до «отсутствия диктатуры» или «наличие избирательного процесса».

Вернемся теперь к выше поставленному вопросу о возможности четко выделить фазы демократического развития, что является ключевым пунктом для транзитологии.

Широко известна концепция нескольких волн демократии С.Хантингтона и других авторов. Первая волна демократии началась в США в начале XIX в. и продолжалась до окончания Первой мировой войны. Идея лиги наций В.Вильсона консолидировала западные демократии. Вторая волна поднялась после поражения фашизма, способствовала появлению демократий в Европе (в Германии, Италии и пр.), а также в ряде деколонизированных стран. Третья волна связана с посткоммунистической модернизацией.

Анализ демократического процесса выявил некоторые закономерности. Среди них: необходимость особых фаз демократизации, консолидации демократии, зависимости ее успехов от экономического роста и т.д.

В истории Южной Кореи, которая тут рассматривается как предмет сравнения с российскими процессами, рядом авторов отмечается наличие этих фаз. Вторая волна демократизации коснулась Южной Кореи. Но она оборвалась в середине 60-х годов с появлением авторитарного режима как реакции на демократическую перспективу.

Согласно описаниям западных авторов, в Южной Корее переход к демократизации занял определенное время.

Июнь 1983 г. характеризуется как начало демократического процесса. Это случилось после студенческих волнений и гибели одного из студентов от рук полиции. Общественное недовольство инициировало начало демократизации.

Период между 1987 (после президентских выборов) — 1992 (следующие президентские выборы) обозначается как период демократического транзита. Выступления профессиональных рабочих и «белых воротничков» после выборов 1987 стимулировало создание демократических союзов и организаций. Начался подъем новых социальных движений, и либеральные идеи стали более популярными и значимыми.

Период с 1993 до наших дней оценивается как становление консолидированной демократии в Южной Корее. После перехода власти к президенту Кинг Юнг Сэму, избранному в конце 1992, были проведены серьезные реформы (была отстранена и наказана прежняя военная элита, расследована прежняя политическая коррупция, произведены изменения в финансовой системе). Позже президент возвратил многих наказанных им политиков и военных даже из тюрем и снова привлек их в правительство. Такое маятниковое движение его политики в конечном итоге способствовало внутреннему единству⁴⁷. Несмотря на совершенно недемократический способ преодоления раскола в стране — путем наказания, прощения и возвращения во власть членов предшествующего кабинета (метод, который был бы слишком изощренным даже для России, весьма азиатский метод), западные транзитологи трактуют этот период как часть транзита к демократии, обозначаемую как пакт.

Солидный источник, по которому мы даем периодизацию южно-корейской демократизации, не выделяет достаточно очевидных критериев отличия одного периода от другого. Ощущается подгонка под теоретическую схему, распространенную в политологической литературе. Согласно этой схеме, повторим и уточним, демократический транзит включает вначале раскол элит на консерваторов и реформаторов, появление лидера-реформатора, либерализацию, систему соглашений между разными политическими силами (пакт), демократизацию, развитие электро-ального процесса, консолидацию демократии⁴⁸. Не приходится ожидать, чтобы какая-нибудь теоретическая схема воплотилась в реальность. Но данная максимально далека от нее. Ни в Южной Корее, ни в России не реализовались ее основные этапы.

Гораздо более убедительным выглядит мнение профессора Ин Сук Ча в упомянутом докладе: «При жестком милитаристском режиме, который характеризует политическое развитие Южной Кореи вплоть до 90-х был слишком маленький шанс влияния демократических практик на модернизационный про-

цесс в южнокорейском обществе. Принимая это во внимание, можно сказать, что корейский экономический дефолт 1997 г. произошел из-за неудачи начать развитие с демократических преобразований... первая реально демократическая смена правительства произошла в конце 1997 года, когда разразился печально известный азиатский кризис». Что касается России, то ее демократический процесс оборвался на стадии либерализации. И даже формально существующая электоральная демократия не реализует своих возможностей из-за процесса манипуляции массами путем грязных PR.

Российские реформы 90-х не были успешны ни теоретически, ни политически. Были достигнуты некоторые свободы в политической и экономической областях (гласность, свобода прессы, невмешательство государства в частную жизнь, возможности частных инициатив). Однако в целом результат характеризуется как квазидемократический и квазирыночный. Демократическая риторика часто была прикрытием грязной практики, которая противоречила самим принципам демократии: разгром Парламента, воровская приватизация, грязные PR технологии во время избирательных кампаний, использование демократических лозунгов для персонального обогащения, коррупция, криминал и т. д. Авторы далеки от мысли, что критика отдельных групп демократов означает критику демократии.

При распространении в России и других посткоммунистических странах демократии и рынка, они перестают быть похожими на западные образцы. В результате их определения предельно упрощаются. А.Пшеворский следующим образом переопределяет демократию: «Мы определяем демократию как режим, в котором правительственные учреждения являются продолжением соревновательной избирательной кампании, при условии, если только оппозиции позволено соревноваться, выигрывать и предполагать, что правительственные учреждения являются демократическими. До той степени, до которой это связано с выборами, это — очевидно минималистская дефиниция»⁴⁹. Но и эта минималистская трактовка является необходимой, но недостаточной для сравнения демократий.

Здесь мы не касаемся проблемы маркетизации, повсеместного внедрения рынка, но с этой частью транзитологических ожиданий дело обстоит сходным образом. Поэтому все более влиятельным становится мнение о конце транзитологии⁵⁰.

Отсутствие единой модели для локального развития привело к попыткам обозначить те приемлемые черты обществ, которые могут стать образцом для других. Тема «хорошего общества» возникает как эмпирическая и нормативная попытка «сконструировать» социум на основе конвергенции лучших черт, присущих разным обществам. Она возникает в связи с исчерпанием доверия к радикальным проектам, будь они неолиберальными, коммунистическими или какими-либо еще. Конкуренция разных социальных систем — капитализма и социализма и подвидов в каждом из них, борьба неолиберализма с социал-демократией, критика коммунизма постепенно утомили людей притязаниями на универсальность и единственную верность своих построений идеального общества. Последней теоретической альтернативой такого рода попыткам явилась концепция Ролза, где он противопоставляет модель государства всеобщего благоденствия (на Западе), допускающую классовое неравенство, и не совсем ясную модель демократического владения собственностью, это неравенство преодолевающего. Чрезвычайно напряженные дискуссии по проблемам социальной справедливости выделили концепции двух либералов — Дж.Ролза (автора концепции справедливости как честности, согласия на максимизацию минимума) и Р.Дворкина (давшего модель преодоления несправедливых социальных и природных неравенств посредством страхования и налогообложения)⁵¹. Однако их теоретические конструкции столь сходны, что не оставляют место ясной дефиниции того общества, которое они описывают, если бы это общество удалось воплотить в реальность. Конечно, всем понятно, что речь идет о западном обществе, что в концепциях Ролза и Дворкина сильна тенденция к эгалитаризму, утверждения, что без государства как арбитра в человеческих делах можно получить только либерализм без справедливости. Но многие критики и комментаторы сомневаются в том, что трансформации общества в указанном ими направлении сохраняют его капиталистический характер. Как отмечает У.Кимлика, концепции этих исследователей «нельзя согласовать с традиционными либеральными институтами. Вполне может быть, — пишет он, ссылаясь на других исследователей, — что полная реализация ролзовской или дворкинской идеи справедливости приблизила бы нас к рыночному социализму, а некапиталистическому государству всеобщего благоденствия»⁵².

Кто сегодня либерал? Мы знаем неолибералов, монетаристов, чья концепция свободного рынка вмещает в себя все представления о свободе и демократии. Мы знаем либерализм без справедливости, и тем более, без равенства. Но посмотрим, всегда ли это было так. Возьмем свидетельство известного либерала Р.Дворкина: «Перед вьетнамской войной политики, называвшие себя либералами, придерживались определенных позиций, которые можно объединить в одну группу. Либералы отстаивали большее экономическое равенство, интернационализм, свободу слова и были против цензуры, защищали равенство между расами и осуждали сегрегацию, выступали за решительное отделение церкви от государства, за большую процессуальную защиту тех, кого обвиняют в преступлении, за декриминализацию нарушений нравственных норм... за энергичное использование центральной правительственной власти в решении всех этих задач»⁵³.

Люди большинства стран мира просто хотят хорошо жить, хотя еще есть места героических надежд, жертвенности и борьбы (исламский мир, национально-освободительные движения курдов и пр.). Теоретики уже не могут предложить идеальноточистой модели, в которой эти желания могли бы игнорироваться. Глубокое разочарование в монистических моделях и привело к появлению в западной литературе темы «хорошего общества» ("Good Society")⁵⁴.

Реальный источник термина «хорошее общество», построенный во многом в пику теоретическим представлениям, — эмпирический. Здесь фиксируется все то позитивное, что есть в разных обществах: права человека, включая экономические, соединение свободы со справедливостью и благом, высокий уровень благосостояния, приемлемый социальный порядок и пр. Однако здесь явно присутствует и нормативный элемент, ибо слово «хорошее» предполагает знание некой нормы, позволяющей назвать общество так. Соотношение эмпирического, теоретического и нормативного (оценочного) — сложная методологическая проблема. Занимаясь ею применительно к этике и праву, П.Сорокин выделяет два подхода: 1) когда воля, предписание и оценка формируют нормы и нормативные науки (В.Вундт); 2) когда нормативное суждение опирается на оценку, которая уже не принадлежит нормативному суждению, а есть следствие теоретического суждения, описывающего мир, как он есть. Поэтому нормативная наука, нормативное суждение, согласно П.Сорокину, строится на основе наук, изучающих сущее, независимо от желаемого и должного⁵⁵.

Недоверие к нормативному аспекту, связанное с многообразным пониманием «хорошего» или «блага», не может исключить этот аспект, т.к. он имплицитно присутствует во всех человеческих деяниях. Практическая этика не опирается на кантовский императив, но даже при этом оценки могут носить утилитарный характер, опираться на то, в каком обществе люди хотели бы жить, ориентироваться на эмпирические рейтинги «хороших обществ», где первое место по всем параметрам занимает Норвегия, второе — Канада, а третье — США.

Оба отмеченные П.Сорокиным способа образования нормативных суждений действуют в концепции хорошего общества. Недовольство существующими теориями и в особенности их применениями, недостижимость теоретически ожидаемых результатов, радикализм в использовании теорий, отсутствие теорий, которые решали бы все проблемы, ведет к эмпирической нормативной конструкции. Но, очевидно, используемый термин «хорошее общество» станет ясным тогда, когда он будет теоретически проработан.

В посткоммунистический период трудности испытывает не только Россия и другие страны, вышедшие из прежней социалистической системы. Российский посткоммунистический опыт насаждения специфического либерализма (без социальных программ, исключительно монетаристского) вытеснил прежние формы коллективизма и коммунитаризма — все квоты и представительства для разных социальных, возрастных, половых и национальных групп. В то же время на Западе наблюдается натиск коммунитаризма, занижение роли прав индивида в пользу прав тех групп (с добавлением расовых), которые в советское время имели гарантированное представительство в социальных и политических структурах. Когда две системы, ошестинившись, стояли друг против друга, они знали, куда им идти и что защищать. В 90-е эта ясность исчезла. Базовые основы обоих типов общества стали размываться вплоть до перехода в свою противоположность, на один пример которого мы только что указали.

Ответом на этот новый опыт становится ослабление попыток дать концептуальную основу социальным переменам, вскрыть противоречивость применяемых принципов. Более важным стало казаться (на Западе) обеспечить, чтобы общество было максимально хорошим или хотя бы приемлемым для жизни, не пытаясь конструировать его теоретически идеальный образ. Мы в России оказались максимально далеки от этих утилитарных

целей и продолжали войну принципов без улучшения жизни масс населения. Кажется, сегодня и в России проходит это время: становится ясным — идеального общества нет, а есть серые будни, труд, которые могут сделать общество хорошим — безопасным, сытым, относительно справедливым, обществом, где бы люди имели права. Следовательно, тема хорошего общества становится сегодня интересной для всех, и она инициирована рядом процессов. Повторим, это: распад биполярного мира и серьезные изменения в мире; трудности или даже неспособность социальных наук объяснить текущую ситуацию; попытки построить «хорошее общество» не на основе системы принципов, а на основе своего рода «сборки» желаемых свойств.

Нелинейность социальной жизни, резкая смена характера проблем, стоящих перед людьми, их собственные неожиданно новые идеи, возрастание эклектицизма в их принципах, создающее непредсказуемость поведения, стали тем новым вызовом, на который социальные науки не смогли ответить. Обнаруживается их неспособность описать и объяснить трудности современного периода, нехватка понятийного аппарата и теоретических моделей для осуществления этой задачи. Универсалистские идеи сегодня находятся в постоянной конкуренции с контекстуалистскими. Универсальное разбивается, локализуется контекстами культур. Отсюда появляются такие оппозиции, как: коммунитаризм против либерализма, местная культура против общечеловеческой, локальное развитие вместо глобального, блага взамен свободы.

Концепция «хорошего общества» могла бы, на наш взгляд, усилить свою теоретическую обоснованность, обратившись к оппозиции блага свободе. Во всех политологических концепциях до Н.Макиавелли центральным выступало понятие блага. Разногласия состояли в том, что признать наивысшим благом. Начиная с Макиавелли, концепция блага вытесняется понятием свободы³⁶. Принципиальным становится то положение, что люди могут использовать свободу как предпосылку всех и всяческих благ, что свобода дает людям возможность достичь разнообразия благ и вопрос о благе не может быть исходным, т.к. разные люди ценят разные блага. Однако опыт либерализации во многих странах привел к тому, что плодами свободы, опытом обмена свободы на блага, овладели немногие. Даже в цитадели Запада — США многие люди оказались за пределами общественного

договора — афроамериканцы, часть женщин, низшие слои населения, каждый, чья культурная идентичность не соответствует западным стандартам.

Все попытки внушить им мысль о том, что они должны стать достойными свободы, не привели к успеху. Среди бедных, маргинальных слоев населения, в обширных кварталах, где проживают в США афроамериканцы и латиноамериканцы, воцарилась скорее другая мысль: пусть мы недостойны свободы и не можем обменять ее на благо, мы хотим свою долю благ, мы хотим блага сегодня. Это — одна из причин коммунитаристского поворота в политическом и правовом сознании Запада, которая в методологическом плане может быть охарактеризована как постсовременный дискурс политологии и юридической науки. Коммунитаризм по отношению к этим слоям является ответом на требования совести, поиском справедливости, попыткой сделать свободу более существенной, поставить вопрос не только о свободе, но и благе для этих групп. Они выражают новые постсовременные тенденции и преобладание постмодернистского дискурса в исследовании социальных процессов.

Стоит поразмышлять также об опыте российских реформ, о том, что и мы оказались недостойны свободы, но нуждаемся в своей доле благ. Существует аналогия между жизнью не вошедших в социальный контракт (общественный договор) слоев западных обществ и судьбой стран, которые экономически и социально не преуспели в мировом сообществе. Аналогия состоит в том, что подобно некоторым группам на Западе, не способным использовать свободу для получения благ, есть страны, которые тоже не стяжали благ на основе свободы. Так же, как маргинальные слои на Западе, часть населения этих стран воспринимает свободу как отсутствие всякой зависимости и всяких обязательств — как негативную свободу. Как уже было показано выше, Россия в их числе.

Основой постсовременного дискурса являются два подхода: 1) понятие свободы должно быть заменено понятием блага; 2) понятие прав индивида должно быть вытеснено понятием групповых прав.

Первый аспект вытекает из того, что те, кто не может превратить свободу в благо, готов признать, что недостойн свободы, тем не менее, желает иметь блага и настаивает на этом. Второй тезис связан с тем, что те, кто требуют блага, является, как правило, определенными группами — этническими, нацио-

нальными, религиозными, языковыми, сильно отличающимися по своим коллективным представлениям и культуре от среднего класса, вошедшего в социальный контракт, достигшего сходного понимания по вопросам морали и образа жизни и составляющего в этих странах большинство населения (в США — 80%, в Нью-Йорке приблизительно 60%).

В этой связи даже либералы все более обсуждают проблему благ. Дж. Ролз, в частности, использует понятие первичных благ. Отрицая возможность установления справедливости на основе конкретного понятия блага и выбирая в качестве фундаментальных принципа свободу (как источник всех мыслимых благ) и прав индивида, Ролз делает уступку концепции блага, называя в качестве первичных социальных благ «классы вещей, необходимых для реализации любого рационального жизненного плана»⁵⁷. К их числу относятся как основные права и свободы, так и доход, благосостояние, возможность реализовать себя, социальные предпосылки самоуважения людей. Все эти блага распределяются социальными институтами. Р. Дворкин дополняет данный список набором первичных природных благ — здоровье, умственные способности, энергия, способность воображения и др. Социальные институты не распределяют этих благ, хотя их наличие может зависеть от общества. Но от социальных институтов, в частности, института страхования, зависят компенсации, выравнивающие исходное несправедливое неравенство.

Второй аспект связан с защитой прав социально ущемленных групп.

Однако либералы, как уже было отмечено, базовым принципом продолжают считать свободу, отказываются обсуждать конкретные блага и полагаются на рациональную и моральную способность индивидов самим определять, какие блага им нужны. Они сохраняли верность современному научному дискурсу, в то время как коммунитаристы (сторонники групповых прав) делают шаг к постсовременному дискурсу, *третьей* заметной чертой которого становится преобладание контекстуального над универсальным. Среди коммунитаристских идей есть также такие, где утверждается возможность выдвинуть благо вместо свободы в качестве универсального принципа. То есть вопрос может быть поставлен как возможность достижения универсального на базе блага, а не свободы, хотя этика блага являлась этикой традиционных обществ, где универсальное было понято как благо для всех.

Есть три трактовки контекстуального (группового, локального) опыта как универсального: 1) Обнаружение в нем некоторой модели, которая может быть применена повсюду. 2) Показ того, что высшие достижения некоторой культуры или группы символически или фактически предстают как достижения человечества. 3) Когда утверждается, что в опыте с одним контекстом можно увидеть нечто для понимания другого опыта. Как писал американский социолог П. Бергер, «...дисциплина, пытающаяся понять современность по существу, должна быть неизбежно компаративистской ...нужно смотреть на Японию, чтобы понять Запад, на социализм, чтобы понять капитализм, на Индию, чтобы понять Бразилию и т.д.»⁵⁸. Однако на базе пост-современного дискурса достичь универсальности, тем не менее, очень трудно, т.к. группы разнообразны.

В то же время эти новые тенденции коммунитаризма не усиливают равенства групп, напротив, ведут к их изоляции и ничего не добавляют к общественному договору Запада, поскольку они разрушают сам этот общественный договор.

Все противники перевода проблем с индивидуальных прав на права группы показывают, что групповое равенство — это скорее субстанциональные социальные условия, чем индивидуальное право.

Оба типа дискурса имеют свои преимущества и недостатки. Современный (либеральный) дискурс притягателен тем, что в нем даны принципы, обеспечивающие прогресс Запада, его расцвет, служившие основанием для политической модернизации незападных стран. В масштабе Запада этот дискурс имел универсальный характер. К его недостаткам относится: распространение присущего ему восприятия прав и свобод на особые группы Запада, не способные сегодня из-за социальной и культурной специфики к их восприятию в полной мере, а также на страны с отличной от Запада историей и культурой. Либеральный подход не принимает во внимание уникальность западного опыта, сложившегося под влиянием Ренессанса, Реформации и Просвещения, которые не пройдены незападными странами. Другим недостатком является отсутствие должного внимания к сложностям и проблемам, которые проистекают из групповой — расовой, половой, языковой, социальной — принадлежности людей.

Постсовременный дискурс очень чувствителен к двум последним проблемам, но зато упускает из вида права каждого индивида, разрушает это коренное завоевание Запада.

Как совместить универсальность, следующую из признания прав индивида с защитой интересов групп?

Одно из существенных решений было предложено хорошо известным немецким исследователем К.-О.Апелем. Он писал: «...уважение факта принадлежности индивида к определенной культурной традиции может рассматриваться как уважение индивидуальных прав человека»⁵⁹. В то же время главная мысль Апеля такова: «Отношения дополнительности между этикой справедливости (для всех) и этноэтикой блага (для нас) (для локальных групп, локальных сообществ. — *Авт.*), и, тем не менее, нормативный приоритет первой по отношению к последней»⁶⁰. Этот принцип устраняет из группового все, что может быть опасно для других. Как свобода в классическом понимании ограничена «кончиком чужого носа» (невозможностью кому-то повредить), так и групповая принадлежность имеет сходное ограничение. (В качестве негативных локальных тенденций Апель приводит возрождение архаических родовых конфликтов в Африке, эксцессы возрождающегося национализма, противоречащее интересам женщин чрезмерное настаивание на их групповой (локальной) идентичности). Групповые тенденции должны быть проверены на невозможность повредить другим и человечеству в целом.

Этот вариант — не переходить к правам групп, теряя права индивида, а использовать последние для решения групповых прав, представляется перспективным, равно как соединение свободы и блага. Именно эти идеи могут быть теоретически положены в основу «хорошего общества» для тех из незападных стран, кто готов работать с ориентацией на это новое понимание.

В 1800 году Фихте опубликовал работу «Замкнутое торговое государство», в которой он показал, что замкнутое торговое государство имеет порядок при всех своих прочих недостатках, а разомкнутое, свободное торговое государство становится анархическим при всех своих прочих достоинствах. Поэтому происходит постоянный переход от порядка к анархии и обратно, от замкнутого торгового государства к открытому и обратно. Как же остановить этот маятник? Фихте говорит: «Для этого надо помыслить общество иначе». Глобализация помогает сделать это, меняет старые концептуальные рамки, вводит новые, усложняет процесс и его анализ. Глобализация не делается на улицах и площадях, а творится творческой силой людей. И изучать ее пора не пропагандистам и агитаторам, не людям толпы, а ученым — задача уж очень сложна.

Концепция устойчивого развития

Идеи устойчивого развития были заложены в концепции Римского клуба и в последующих за его деятельностью дискуссиях 70-х годов и получили развитие в 80-е и 90-е годы при постепенном переходе от ресурсных и экологических проблем к социальным. История становления этой концепции и ее сущность прекрасно показана в работе А.Б.Вебера «Устойчивое развитие как социальная проблема»⁶¹. На «Всемирной конференции ООН по окружающей среде и развитию» в Рио-де-Жанейро в 1992 г. концепции устойчивого развития был придан официальный статус. Не отрицая развития, были указаны опасности его форсирования, невозможность для окружающей среды выдерживать биотические нагрузки, деформации природы, связанные с активной деятельностью человека.

Соединение понятий «устойчивости» и «развития» воспринималось как необычное и потому сомнительное. По своей сути это был призыв к наиболее развитым странам Запада понять, какое напряжение испытывает природа и общество при заданных ими темпах развития. Однако дело повернулось так, что именно отстающим странам предлагалось не вступать в непосильную гонку, предпочесть устойчивость развитию. Эта концепция призывала страны мира перед лицом возможных экологических и социальных катастроф стать скромнее в отношении требований развития, ощутить единство перед грядущей опасностью. По существу это оказалось призывом к статус кво, который удовлетворяет Запад, но не удовлетворяет незападные страны. Право на развитие оказалось в числе неотъемлемых прав⁶². Соблюдения этих прав все более требуют народы, имеющие волю к развитию. Например, Вьетнам официально ставит задачу индустриального развития, и никто не может убедить его, что это теперь не нужно.

То, что США не ратифицировали Киотский протокол, направленный на ограничение человеческого вмешательства в природу, лишний раз свидетельствует, что сегодня концепция устойчивого развития, имеющая позитивные задачи, работает только на ограничение роста менее развитых стран, не затрагивая «золотой миллиард». Только при серьезном отношении Запада к этой модели развития данная концепция может иметь серьезную перспективу.

Теория макдональдизации

Долгое время структурно-функциональная парадигма Т. Парсонса с ее схемой AGIL (Adaptation, Goal achievement, Integration, Latency) — адаптация, постановка целей, социальная интеграция, сохранение культурного образца — была идеальным объяснением особенностей западного общества и образцом устройства для модернизирующихся стран. Экономическая адаптация, политический уровень постановки целей, социальная интеграция и сохранение культурного образца описывали структуру и схему функционирования индустриальных стран Запада. Однако модернизация незападных стран не обеспечила такой рекультуризации и институциональных изменений. Все больше и больше становилось ясным, что модернизационная задача непомерно трудна и для многих обществ просто непосильна. Как показал Н.Е. Покровский, процесс глобализации, при всей его очевидной неравномерности, сегодня вовлекает мир в целом на основе более упрощенной модели рациональности и более простых структурно-функциональных моделей, чем это было при модернизации. Такую модель описывает известный американский социолог Дж. Ритцер, выводя ее из макдональдизации и ее глобального распространения. Она называется ЕСРС (Efficiency, Calculability, Predictability, Control through Nonhuman Technologies)⁶³. Имеется ввиду экономическая эффективность, калькулируемость процесса и результата, предсказуемость последствий определенных действий и технологически оснащенный контроль за поведением. Такие простые требования легче достижимы большинством незападных стран, чем суровые требования модернизации. Н.Е. Покровский пишет: «Мир XXI века рисовался многим социологам и журналистам таинственным и неизведанным, дарующим перспективы, которых был лишен век уходящий. По сути, новое столетие, эпоха посткапитализма предстает обыденной и даже вульгарной, но внутренне целостной, что и показывает Ритцер. И в этой исторической целостности заключается ее неизбежность. Постмодернистский хаос фрагментарных осколков смыслов и логических схем обретает несколько примитивную упорядоченность, навязывающую себя под именем глобализации всем современным сообществам. Попытаться избежать ее так же бесполезно, как в свое время было бесполезно пытаться избежать капитализма...»⁶⁴. Соглашаясь с характеристикой упрощенной и более приемлемой для всех моделью рационализации Ритцера, соответствующей периоду глобализации, хотелось бы уточнить

два обстоятельства: 1) в целом эта модель предназначена отсталым обществам и массам, далеким от квалификации, требуемой технотронным веком, в том числе и массам самого Запада. Вместе с тем, основой и опорой глобализации являются не они, а постиндустриальные информационные общества с высоким доходом на душу населения, не отвергающим даже тех, кто не нужен производству, ибо они нужны потреблению; 2) сегодня невозможно говорить о чем-то как абсолютно неизбежном. Это — новое явление, и в западной литературе это замечено.

Многообразие моделей развития

Приведем мнение С.Хантингтона, который указывает на возможность нескольких путей развития⁶⁵.

Один путь — *вестернизация без модернизации*. Многим подобная возможность представляется сомнительной, т.к. вестернизация и модернизация тесно взаимосвязаны. Трудно представить себе вестернизацию без модернизации, равно как модернизацию без вестернизации. Между тем, эмпирически известно наличие подобного опыта. Вестернизация без модернизации характеризует внешнее, иногда операциональное усвоение западного опыта при отсутствии восприятия принципов и культурных особенностей западной жизни. Она связана с разрушением собственных культурных традиций общества без их хотя бы частичного заполнения заимствованными образцами. Такое общество называется разрушенным традиционным обществом, не перешедшим на следующую ступень развития. По такому пути пошли Египет, Филиппины. Казалось бы, на Филиппинах было американское присутствие, способствующее заимствованию американского опыта и образа жизни, но там не родилось отношений, похожих на западный капитализм. Напротив, сформировались самые непродуктивные общества. Египет и Филиппины находятся в бедственном положении.

Второй путь — это *модернизация без вестернизации*. Поскольку классические модернизации всегда сопровождаются вестернизацией, этот способ развития стал принципиально новым. Иногда его называют постмодернизацией. По этому пути пошли новые индустриальные страны Юго-Восточной Азии. Они модернизировались, не меняя своей идентичности. Американский оккупационный режим в Японии после Второй мировой войны потребовал распада коллективных структур как проводников милитаристского сознания, и либерализация началась, но она привела

просто к разрушению традиционного общества. В 50-е годы японские социологи выдвинули другую программу: не ломать традиционных структур японского общества, а изменять цели государство, поскольку общинные структуры очень хорошо проводят государственное воздействие. Они имеют иерархическую пирамидальную структуру, и управляющее воздействие, поступая на вершину пирамиды, легко спускается вниз. Иногда Японией управляло всего десять чиновников. Японцы провели реформу, отказавшись от либерализации, поддержали имеющуюся коллективную продуктивность (термин А. Кара-Мурзы). Японское общество изменилось из-за того, что государство сменило свои цели. Здесь не культура адаптировалась к задачам модернизации, а руководящие элиты, желающие осуществить модернизацию, адаптировались к культуре. Они поступили, как древнегреческий законодатель Солон. Когда его спрашивали, мудрые ли законы он придумал, он отвечал, что его законы мудры, потому что народ по ним может жить. А если вводятся законы, по которым народ не привык и не может жить, основанные на предположении, что народ надо изменить, рекультивируют, чтобы он мог следовать новым законам, то мало что может получиться.

Японцы модернизировались на собственной культурной основе, то есть они, не меняясь культурно, производили современные вещи, провели технологическую революцию. Многие, однако, говорят, что стагнация Японии 90-х годов — следствие недостаточной вестернизации. Японцы производят то, что им самим в жизни не очень нужно, большинство населения живет в прежнем мире. Этот опыт относительно успешен, но, как представляется, ограничен в своих возможностях.

Третья форма развития, показывает Хантингтон, — *догоняющее развитие*, при котором пропорции модернизации и вестернизации примерно одинаковы. По этой модели развивались Россия, Турция, Мексика и др. страны. Но и эта модель, обеспечив ряд достижений, в конечном итоге заводит в тупик. Он возникает, во-первых, из-за уже упомянутой особенности ускоренной трансформации Запада сегодня, не позволяющей установить, какую фазу развития Запада догоняет Россия. И второе: если рекультуризация, то есть элемент вестернизации, отрицания собственной культуры осуществляется очень быстро или является чрезвычайно оскорбительной по своей манере, то неизбежны откаты назад. Неудачи российских реформ в 90-е на-

глядно иллюстрируют данный тезис, показывая опасности если не возврата к прежним формам правления, то к новым формам социальной деструкции и маргинализации.

Наиболее адекватной формой развития обществ Хантингтону представляется национальная модель модернизации, возникающая на некотором уровне уже достигнутой вестернизации. Россия имеет достаточно высокий уровень вестернизации, но еще нуждается в повышении этого уровня при заимствовании инфраструктуры, демократических институтов, рыночных отношений Запада. Вестернизация в сегодняшней России — это перенятие экономических механизмов и некоторых форм политической жизни западных стран. На Западе есть много книг, в которых говорится, что демократия будет трансформироваться, потому что она не является вечным спутником западного капитализма. Вестфальская мировая система после тридцатилетней войны дала миру систему национальных государств, о демократии речь не шла. А потом в Америке после Филадельфийского конгресса возникла Филадельфийская система, в которой уже демократия выступила на передний план. И сейчас происходит не только трансформация Вестфальской системы, но и трансформация Филадельфийской системы в связи с глобализацией. Скажем, такой очень известный автор, как Т.Иногучи написал и статьи, и книги о том, что демократия на самом Западе тоже трансформируется, что фетиш демократии сегодня не может стать основанием для преобразований⁶⁶. Но все-таки, если мы хотим жить в демократическом обществе, а мы можем этого хотеть, то можем перенимать пока еще существующие западные институциональные структуры: демократические, управленческие, экономические, образовательные — все, что нам представляется ценным, мы можем брать, никто и ничто этого не запрещает, но мы не можем сказать, что мы догоняем Запад или развиваемся по западной модели, потому что Запад сам трансформируется.

Итак, по мнению Хантингтона, надо пройти какой-то уровень вестернизации, а далее перейти к *национальной модели модернизации* или иначе, к тому типу развития, который диктуется национальными нуждами, т.е. нуждами данного общества. Национальный в данном контексте понимается не как этно-центристский, а как соответствующий интересам основной геополитической единицы современности — национальному государству. Получается, что необходимый и достаточный уровень усвоения западного опыта ведет сегодня к национальной моде-

ли развития, а значит к многообразию типов модернизации, возникающих на этапе сегодняшнего развития. Эта мысль Хантингтона, воспринимаемая как самая сомнительная часть его концепции возможного столкновения цивилизаций, вызвавшей серьезное сопротивление, вскоре была подтверждена как новым характером социальных изменений, так и новыми концепциями. Среди них, концепция одного из самых крупных специалистов по теории модернизации Ш.Айзенштадта, который доказал, что в условиях глобализации находящийся в трансформации Запад не может быть по-прежнему универсальным образцом развития. Каждое общество само решает, в каком типе модернизации оно нуждается. Появляется множество «модернизмов», складывающихся на локальном уровне⁶⁷.

К этой мысли можно было прийти и раньше. Мало кому удалось «догнать» Запад. Даже Германия заплатила такую цену, как Первая и Вторая мировые войны, чтобы, находясь в середине Европы, стать лишь в конце XX века Западом по сути своей культуры. Причем, и сегодня наблюдаются существенные различия между восточной (бывшей ГДР) и западной частями единого немецкого государства, лишь частично обусловленные коммунистическим прошлым ГДР и во многом связанные с культурным отличием прусских земель от остальной части Германии. Португалия, Италия, Испания становились западными очень болезненно и долго. Никто из других регионов мира не превратился в Запад и не может превратиться. Утверждение о единственности западного пути означает, что развитие на основе догоняющей модели и вестернизация должны быть продолжены. Может быть, такой выбор возможен до определенных пор, пока мы не осознаем, что у страны есть свои, отличные от Запада задачи, что некоторые наши особенности не позволяют нам превратиться в Запад, как бы мы того ни хотели. Такая перспектива, по крайней мере, не единственная. Вьетнам, например, не собирается стать Западом, и японцы, которые с революции Мейдзи вестернизировались, не считают, что они должны имитировать Запад до такой степени, чтобы отказаться от своей культуры. Поэтому оба утверждения: «развитие должно осуществляться по западной модели» и «развитие должно быть самобытным» представляются неправильными. Западный вектор развития сегодня — это лишь усвоение отдельных нужных нам элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.д. За века послепетровской модернизации Россия в значительной

мере продвинулись в этом направлении, но еще нуждается в освоении ряда западных достижений, хотя все равно не станет Западом. Чтобы понять, что нужно России, имеет смысл затронуть некоторые идеи тех, кого мы привыкли считать почвенниками и славянофилами.

В чем же отличие сегодняшнего утверждения о многообразии модернизмов и переходе к национальным моделям модернизации от прежнего несовпадения требований классической модернизационной теории и результатов ее применения, имевших национальную специфику? Отличие в том, что классическая модернизационная теория рассматривала Запад как единственный образец для модернизации стран, а эмпирические несовпадения модернизирующихся стран со своим образцом трактовала как незавершенную или неуспешную модернизацию, создающую по-разному модернизированные страны. Новая концепция множества модернизмов и национальных модернизаций считает различия в модернизациях разных стран закономерными, отрицает единый образец. Сегодня предложен вариант новой западной модернизации в политической сфере (концепция третьего пути Э.Гидденса), но вопрос о том, в какой мере сегодняшнее технологическое и политическое развитие Запада вновь способно стать образцом для отдельных стран и глобального мира, является дискуссионным.

Глава 4. Третий путь Англии, Германии, Франции как национальная модель западной модернизации

В значительной мере трудности российского реформирования определены серьезными социальными трансформациями мира в целом, которые затрудняют выбор модели развития, делают неприемлемыми ни классические схемы модернизации, ни традиционное следование политике правого или левого флангов политического спектра.

В этих условиях России полезен мировой опыт. Сегодня многие западные страны выбирают «третий путь» развития. Канцлер ФРГ К.Шредер называет его срединным. В этом выборе предлагается новая трактовка модернизации и попытка преодолеть противостояние левых и правых сил.

На какие вызовы Западу отвечает концепция и политика третьего пути?

Третий путь реализуется в ряде случаев на основе теоретического проекта. Примером этого может служить теоретическая деятельность Э.Гидденса, известного британского социолога, директора Лондонской школы экономики и политики. Он подготовил своими исследованиями переход Т.Блера к новому лейборизму и третьему пути.

Концепция третьего пути явилась ответом Запада на глобализацию, формирование мирового свободного рынка, информационной открытости и функционирование этого рынка в электронной форме. Глобализация стерла границы между государствами для капитала, товара и информации и поставила перед государствами совершенно новые проблемы.

Дискуссии по проблемам глобализации оказались определяющими для формирования концепции третьего пути. Оценивая их, Э.Гидденс выделяет среди их участников *скептиков* и *радикалов*⁶⁸. Первые не согласны с тем, что глобализация представляет собой нечто принципиально новое, считают, что термин «глобализация» мистифицирует имевшиеся и прежде тенденции роста мировой экономики. Радикалы констатируют наличие совершенно нового процесса, глобализацию свободного рынка, несводимую глобализации к экономике и превращение ее в новый мегатренд — главенствующую тенденцию развития всего мира, воздействующую на общество, государство, жизнь людей. Важно то, что скептики и радикалы представляют взгляды, выражающие позиции левых и правых. Скептики всегда слева. Радикалы являются правыми. Э.Гидденс называет себя радикалом, отмечая тем самым точку в правой части политического спектра, которую он занимает благодаря своему выбору. Одновременно он обозначает и свои позиции слева. Однако решительное заявление относительно радикализма делает концепцию третьего пути уязвимым для критики, и такая критика, действительно, существует. Это — критика, обвиняющая сторонников третьего пути в предательстве левой идеи и в переходе на правые позиции⁶⁹.

Место Гидденса на правом фланге определяется тем, что он считает невозможным игнорировать свершившийся факт глобализации и вызовов, которые она бросает самому Западу. Именно о полезности третьего пути *для Запада, а особенно для англ-*

лосаксонского мира, идет речь. Перспективность этой модели для континентальной Европы, для других стран мира также впоследствии стала предметом дискуссии. Реакция на вызовы глобализации Западу и привела к появлению новых лейбористов и других сторонников третьего пути. Новое в их левой позиции состоит в том, что они, полагая *невозможным отказаться от новой модернизации — перехода к обществу с всемирным открытым и электронным рынком, предлагают совокупность принципов и политических мер, которые могут скорректировать и гуманизировать этот процесс как в его воздействии на отдельные западные общества, Запад в целом, так и, в конечном итоге, на мир в целом.*

При оценке отношения Гидденса к глобализации представляется полезным выделить еще одну линию реакции на глобализацию. В литературе, как уже было отмечено в разделе I, она называется трансформационалистской⁷⁰. Трансформационалисты — это те, кто считает глобализацию новым типом социальной трансформации, но воспринимают ее как незавершенную и способную изменить свой характер как под влиянием объективных обстоятельств, нелинейности современных социальных процессов, так и вследствие политики, направленной на преодоление ее недостатков. Трансформационалист не может сказать, что глобализации нет, что она насаждается или является чистым инструментом западной гегемонии. Для него она есть, причем как объективное явление, итог пятисотлетнего возвышения Запада и модернизации как ответа остального мира на этот процесс. Но он не может сказать и того, что глобализация всегда будет такой, какой является сейчас. В итоге мы видим, что на деле Гидденс — *трансформационалист*, а не радикал. Он объявляет себя радикалом только для того, чтобы отойти от старых левых, заняв позицию на правом фланге, которая определяет и его место на левом — центристскую позицию. *Центризм не кажется Гидденсу ни пораженчеством, ни оборончеством. Он соответствует, по его мнению, объективной логике сегодняшних социальных процессов, о чем будет идти речь ниже.*

С какими же вызовами глобализации столкнулся Запад, положение которого в глобальном свободном рынке является безусловно лидирующим (по данным академика Д.С. Львова, 15% населения — «золотой миллиард» производит 85% мирового продукта)? По многим другим показателям глобализация лишь улучшила положение Запада, сделала его регионом, выигравшим от глобализации, в особенности успешным в сравнении с теми, кто проиграл.

До 11 сентября Запад не представлял в должной мере, с какими внешними вызовами он столкнется. Вот как писал в 2001 году, но до 11 сентября, один из сторонников третьего пути: «Отсутствие альтернативы западной политической модели устраняет внешние угрозы (для Запада. — *Авт.*), но увеличивает внутренние»⁷¹. Аргументы, на основании которых отрицались внешние угрозы, были весьма убедительны: ценность демократии признана большинством стран мира. К этому тогда (до террористических актов в Нью-Йорке) можно было бы добавить, что антиглобалистские движения являются разрозненными и слабыми, не имеющими единой цели. Альтернатива, предлагаемая единственной системной оппозицией — исламскими радикалами — не является перспективной ни для человечества, ни для самого исламского мира, хотя, как стало очевидным впоследствии, именно она сделала внешние угрозы соизмеримыми с внутренними. Но сторонники третьего пути не задумывались о них и рассуждали только о внутренних угрозах Западу, к которым были отнесены коренные изменения в мире.

Характеристика происходящих сегодня изменений сегодня близка той, которую высказал Дж. Несбит в 1984 г. (см. I, 1):

от рациональной унитарной культуры к креолизации (овосточиванию. — *Авт.*) глобальной культуры;

от политической эмансипации к политике «жизненного стиля»;

от равенства к различиям;

от организации, иерархии к реорганизации, сетям;

от рациональности к рациональностям («мы все теперь туземцы»);

от фиксированной идентичности к ее флуктуации и плюрализации;

от гарантированной репрезентации к проблематизации репрезентаций, миру *ad hoc* (к случаю. — *Авт.*);

от конца идеологий к вариации жизненных стилей и убеждений;

от прагматизма в политике к фундаментализму в политике⁷².

Здесь добавлены новые различия, в то время как прогноз Несбита во многом представляется сегодня уже самоочевидным. Многие из них выглядят парадоксальными. Именно в то время, когда ослабляются все прежние основания, в политике нарастает фундаментализм. Это значит, что при всех изменениях сохраняются базовые принципы поддержания порядка через роль государства и действие социальных норм.

Разрушение иерархии и организации, устремленность капитала туда, где выгодно, без оглядки на позиции государства, изменения в гражданском обществе и демократии, технологические сдвиги, изменение в характере труда и невозможность полной занятости, изменение семьи, многообразие стилей жизни оказались такими факторами настоящего и будущего, которые требовали ответа.

Старая реальность еще не исчезла, а новая едва родилась. Но перемена, действительно, происходит не менее существенная, чем переход от Средневековья к Новому времени, от традиционного общества к современному, по крайней мере, имеет радикальный характер.

Для сторонников третьего пути переход в новое состояние, в целом охватываемый термином «глобализация», предстает как переход *в новую современность*. Классическая модернизация представляла, как мы уже отмечали, собой переход от традиционного общества к современному. Э.Гидденс и другие сторонники третьего пути считают, что современное общество, ядром которого стала индустриализация, распространившаяся во многие незападные страны, *может быть названо сегодня традиционным в сравнении с тем обществом, которое создается глобализацией и которое уже сегодня характеризуется глобальным свободным рынком и описанными выше чертами*. Концепция третьего пути является новым *прогрессизмом*. Так она была названа в основных документах сторонников третьего пути⁷³. В этих документах лидеры США, Англии и Германии ставят перед своими странами цель продолжения прогрессивного развития, которое в условиях глобализации принимает новый вид — освоение глобальной экономики и решение тех внутренних задач, которые вытекают из новой ситуации неподчинения глобального рынка ни государствам, ни системе государств, ни наднациональным органам. Подобно тому, как либеральные реформы в отдельных странах были частью их модернизации, *глобальная либерализация рынка считается необходимой составной частью новой модернизации*. Концепция третьего пути предполагает возможным соединение социальной солидарности с глобальной динамичной экономикой. Отчасти страны, вставшие на этот путь, намерены исправить эксцессы мирового рынка политикой, проводимой в своих странах. Но главная цель последней — обеспечить прогресс своих стран.

Новые прогрессисты провозгласили начало новой фазы модернизации Запада как перехода к глобальному свободному рынку и строящемуся на этой основе новому обществу. *Таким образом, сторонниками третьего пути явились те левые силы на Западе, которые не стали отрицать реальность глобализации как нового вызова, приняли требование участия в глобальном свободном рынке как следствии собственного развития Запада, но попытались совместить это с социальной политикой, адекватной новым условиям.*

В чем состоит концепция и политика третьего пути?

У.Клинтон в конце 90-х характеризовал свой курс как «третий путь». Т.Блэр пришел к власти под лозунгом третьего пути. Варианты такого развития появились и в континентальной Европе, прежде всего в Германии К.Шредера. Использование этого варианта развития западными странами можно представить как *новый этап политической модернизации*. Не существует общезападной модели третьего пути, и даже при согласии на подобное развитие между Т.Блэром, Л.Жоспэном и К.Шредером существовали разногласия и даже противоречия. Легче всего эксплицируется англо-американская модель третьего пути. Попытки ее применения в других странах требуют учета исторических и культурных особенностей, специфики момента и задач той или иной страны. Сегодня можно найти множество «третьих путей», вытекающих из базовой модели или эмпирически найденных различными странами. *Базовая модель третьего пути включает реформу государства, превращение его в социальное государство в особом, новом смысле, рост влияния гражданского общества, новые формы социального контроля, связывающие права с ответственностью, переход к ответственному капитализму, «восстановление в правах» понятий общественного блага и социального равенства, сочетание индивидуализма и коммунитаризма, пересмотр концепции социальной помощи, новое отношение к проблеме занятости, учет нестабильности экосистемы, обеспечение устойчивого экологически безопасного развития, создание условий для раскрытия человеческого потенциала, признание важности социального и человеческого капитала, формирование способности жить в глобальном мире, ощущать ответственность за мир в целом.*

Учет социальных сдвигов последнего времени, новых социальных процессов, таких, как распад коммунизма, глобализация, технологическая революция, увеличение рисков лишает

концепцию третьего пути той абстрактности, которая присуща политическим программам различных партий, декларирующих намерения. Модель третьего пути становится более специфической, конкретно реагирующей на те проблемы, способы, решения которых левыми социал-демократиями и правыми либералами не представляются новым левым адекватными.

Обратимся к базовой разработке третьего пути в трудах Гидденса, ибо английская модель капитализма в целом, как и его сегодняшней фазы, всегда приближена к «классически чистой», свободной от помех. Итак, мы уже видели, что отрицание глобального рынка левыми и его воспевание правыми, по мнению сторонников третьего пути, не соответствует задачам момента: национальные государства не могут регулировать глобальный рынок, а его полная дерегуляция увеличивает риски, непредсказуемые катастрофы. Переходя в духе времени к логике и/и вместо или/или, Гидденс предлагает структурный плюрализм, включающий взаимодействие различных социальных институтов — государства, рынка, гражданского общества, демократии, которые не дают государству обюрократиться, как это произошло при крайне левой коммунистической трактовке, и не дают ему стать статичным, зависимым и неактивным, что часто сопутствует либеральным режимам. (Тут нельзя удержаться от замечания, что наши неолибералы, они же — бывшие коммунисты в нынешней России совместили и первый, и второй недостатки). На государство в концепции третьего пути возлагается серьезная ответственность. Государство имеет огромные задачи по цивилизации общества, по поддержанию публичной сферы. Государству следует приспособиться к уменьшению своей роли в мировой экономике. Государство, с другой стороны, играет возрастающую роль в установлении социальных и цивилизационных рамок, слишком сегодня зависящих от рынка. Оно должно заботиться об уменьшении налогов, экономическом процветании и социальном порядке. Государство должно опираться на публичные институты, которые могут получить приоритеты в решении многих задач. К числу таких институтов, которые приводятся в качестве образца, принадлежит почтовая служба Англии, которая в значительной мере здесь приватизирована. Государство должно самореформироваться для достижения общественного блага, преодолеть апатию избирателей и завоевать их доверие. Государство должно взять на себя функции повышения стандарта образования. Оно должно исходить из того, что

существующей демократии недостаточно и поощрять общественное самоуправление, формировать образы приемлемого политического правления, выступая против коррупции, nepотизма и криминала. Государство должно быть инициатором новой демократизации, необходимость которой вызвана глобализацией. Помимо роста непосредственной демократии в обществе, оно должно быть инициатором демократизации надгосударственных объединений, таких, например, как ЕС. Поощрение институтов гражданского общества государством должно осуществляться путем рассмотрения коммунитаризма как одного из источников поддержания этических ценностей. Здесь Гидденс ссылается на работы Э.Этциони, в последних книгах которого гражданская инициатива и самоуправление тесно связываются с деятельностью сообществ как структурных единиц гражданского общества. «Гражданское общество, — пишет Гидденс, — является фактором одновременного сдерживания рынка и государства. Ни рыночная экономика, ни демократическое государство не могут эффективно функционировать без цивилизующего влияния гражданских ассоциаций»⁷⁴. В США эта позиция начала устанавливаться в 80-е годы. С классической точки зрения под гражданским обществом понималось общество, способное поставить под контроль государство. В отношении бизнеса признанной считалась формула: «Что хорошо для «Дженерал Моторз», хорошо для Америки». Р.Найдер, балотировавшийся в президенты США на последних выборах, изменил ситуацию. Он потребовал общественного контроля над бизнесом, организовал юридическую службу, разбирающую иски граждан против бизнеса, которая успешно работает. Теперь в США люди уверены в том, что «не все, что хорошо для «Дженерал Моторз», хорошо для Америки». Гражданское общество стало трактоваться как общество, способное поставить под контроль государство и бизнес. Это — ключевая формула третьего пути, снимающая традиционное левое и традиционно правое представление о роли государства в экономике, возлагающая на государство арбитражные и цивилизующие функции, а на гражданское общество — контроль за бизнесом и государством. Разумеется, для таких провозглашений надо быть уверенным в зрелости гражданского общества, его ценностей и институтов. Степенью этой зрелости определяются различия в выборе конкретных парадигм третьего пути даже в Европе, что легко можно будет обнаружить в приводимых ниже принципах третьего пути, избираемых четырьмя различными

странами Европы. Размышления о соотношении рынка, государства и гражданского общества в странах третьего пути не могут не привести к обсуждению отношений государства и глобальной экономики, государства и новых технологий, производящих множество перемен и инициировавших поиск третьего пути.

Глобальная экономика имеет ряд принципиально новых черт. Среди них Гидденс выделяет огромную роль в производстве науки и информационных технологий, а также символического содержания человеческой деятельности, рекламы, умения «продвинуть» произведенный продукт. Действительно, превращение продуктов в символы, такие, например, как «русская водка», «итальянская мода» работают на глобальном рынке как значимые факторы бизнеса, закрепляющие определенный успех и дающие немного шансов для новой символической победы, т.к. на деле русская водка может быть и соизмерима с финской, а итальянская мода с французской. Но грузинскому, например, вину в этом символическом раскладе глобального рынка уже делать нечего. Однако глобальный рынок создается, прежде всего, наукоемким продуктом, новой экономикой, основанной на знании. Именно она создает инновации и прибыль, чрезвычайную скорость развития на глобальном рынке. Индустриальное производство на этом рынке отдано незападным странам, недавно вступившим в эпоху индустриализации, но даже они стремятся к рывкам в новой экономике, минуя стадию индустриализации. Гидденс приводит два примера: аграрный рынок в Чикаго, в районе Великих озер, вытесненный финансовым рынком, и «Кремниевая долина» (по аналогии с Кремниевой долиной в США, где производятся компьютеры) в Бангалоре (Индия). Английские лейбористы придерживаются позиции конкурентного выбора инноваций посредством рынка и отказываются от дирижизма и протекционизма своей промышленности. К этому их побуждает их давняя традиция свободной торговли и наиболее развитого капитализма. Гидденс приводит пример, что, если бы американское правительство протезировало IBM, не появились бы новые замечательные фирмы, такие, как Apple и Makintosh. В других странах третьего пути, например во Франции, государство определяет приоритеты. Немецкое правительство отказывается от промышленной политики, но ее осуществляет Немецкий банк.

Новые технологии развиваются чрезвычайно ускоренно, и для тех, кто желает занять место в глобальной экономике, скорость технологического обновления чрезвычайно высока и обя-

зательна. Это можно сравнить со скоростью, которой вынужден придерживаться автомобилист в скоростном ряду. Приведу пример. Фирма IBM имела лидирующее положение на мировом рынке компьютеров. Но она решила подождать, пока Б.Гейтс создаст новый Windows для ее компьютера новой модели. Паузой немедленно воспользовалась фирма Compaq. Ее вскоре опередила компания Dell, выпустившая модемы для сети Интернет. Другой пример: Россия имеет монополию на глобальном рынке на двигатели на жидком топливе. В военном плане они неудобны — немобильны, топливо высыхает, но они создают феноменальную подъемную тягу и используются для вывода американских спутников на орбиту. За это наша страна получает 1 млрд. долларов в год. Это — один из немногих примеров успешной деятельности России на глобальном рынке. Конкурентная гонка в глобальной экономике означает, что остановиться — значит умереть. В нашумевшем и уже упоминавшемся в данной работе бестселлере американского журналиста, лауреата Пулитцеровской премии Т.Фридмана описывается история о том, как в один и тот же день произошли два события. Журналист наблюдал, как на заводе в Японии, производящем дорогой и престижный автомобиль «Лексус», один робот приклеивал к машине эмблему, а второй робот снимал остающуюся после этой операции каплю клея. Всего в производстве автомобиля здесь используется 300 роботов. В этот же день он прочел в «Интернэшнэл Геральд Трибьюн», что араб и израильтянин подрались, не решив вопроса, кто именно из них владеет оливковым деревом. Книга так и называется «Лексус и оливковое дерево. Понимая глобализацию». Автор пишет: «Оливковое дерево очень важно. Оно представляет все, что является нашими корнями, что держит нас на якоре, идентифицирует и помещает нас в этом мире — будь то принадлежность к семье, к общине, к племени, к нации, к религии или, прежде всего, к месту, называемому домом... В самом деле, это — одна из причин, почему национальные государства никогда не исчезнут, даже если ослабеют, состоит в предельной значимости оливкового дерева — конечного выражения того, к чему мы принадлежим лингвистически, географически и исторически»⁷⁵. Новому миру, созданному глобализацией, всего десять лет. И есть другой мир. Но в новом мире «победитель берет все»⁷⁶. Другим остается только завидовать. Альтернативы они создать не могут. В этих условиях возможен отказ от участия в глобальной экономике, но его ре-

зультатом станет немедленная зависимость от тех, кто участвует. Вхождение в новый мир потому и называют новой модернизацией, что ее законы похожи на те, что были присущи старой: не желавшие отвечать на вызов Запада модернизацией страны, немедленно попадали от него в зависимость, становились отсталыми, несмотря на достоинства, которыми они обладали, а став отсталыми, теряли и эти свои достоинства. Ситуация похожа на ту, которую Гидденс приводит в отношении людей, имевших равенство возможностей, но не воспользовавшихся им в первом поколении. Обеднев, они лишили следующее поколение равенства возможностей⁷⁷. Гидденс пишет: «Социал-демократия старого типа концентрировалась на индустриальной политике и требовала кейнсианских подходов, в то время как либералы сосредотачивались на дерегуляции и либерализации рынка. Политическая экономия третьего пути соотносена с различными приоритетами — образованием, инициативой, предпринимательской культурой, гибкостью, передачей власти и выращиванием социального капитала. Мыслящие в духе третьего пути подчеркивают, что строгая экономика предполагает строгое общество, но не понимают эту связь как идущую от вмешательства старого стиля. Цель макроэкономической политики — поддерживать низкую инфляцию, ограничивать государственные займы и использовать все активные, либеральные способы ускорить рост и высокий уровень занятости⁷⁸».

Проблема занятости становится одной из ключевых общественных и государственных забот в условиях глобализации рынка, технологического обновления и его все возрастающих скоростей, конкурентности и нового уровня компетентности, необходимого новой экономике. Если раньше люди уходили из деревень в городскую индустрию, затем с заводов в сервис, то теперь им некуда будет уходить. Сегодня в США в материальном производстве участвуют всего 7% населения. Остальные значимы для производства в качестве потребителей и работников, обеспечивающих производство и потребление — строящих дороги, создающих инфраструктуру и пр. Такая модель занятости еще долгое время будет сохраняться. Но внедрение новых технологий будет сокращать число работающих из-за несоответствия их числа и квалификации, о чем уже много писали такие западные авторы, как Дж.Рифкин, М.Кастельс, отечественный исследователь В.Л.Иноземцев и др. В одной из западных работ приводится разговор главы компании Хьюлет Паккард с

главой компании Микрософт Сан. Первый спросил второго: «Сколько на самом деле человек должно работать на вашей фирме? — «Шесть — восемь». — «А сколько у вас работает»? — «Шестнадцать тысяч». — «А зачем вы их держите?» — «Они составляют резерв рационализации», — отшутился бизнесмен. То есть немногие индивидуальные творческие личности сегодня определяют перспективу вхождения в глобальную экономику. И в скором времени общество встанет перед тем, что появятся неработающие рабочие. К.Маркс мечтал о свободном времени как времени собственного развития людей. Но безработные не могут направить энергию на собственное развитие, будучи отверженными обществом и деморализованными. Гидденс, сознавая грядущую ситуацию невозможности полной занятости, предлагает заботиться о человеческом капитале. Видимо, придется осознать занятость как ценность. Но это противоречит эффективности экономики, ее неумолимой конкурентности. Он предлагает поддерживать человеческий капитал через образование и возможность переобучения на новые профессии. Но главное состоит в том, что сегодня нельзя, как старые левые, видеть в бизнесе только эгоизм, направленный на получение прибыли, или, как неолибералы, подчеркивать значимость только той рациональности, которая соответствует нуждам рынка. *Социальное и гражданское предпринимательство, т.е. успешная деятельность в социальной сфере не менее значимы, чем работа в рыночном контексте. И рывок творческой энергии, который можно наблюдать в технологии и глобальном рынке, нужен в обществе, в публичном секторе,* — считает Гидденс⁷⁹. Поэтому проблема занятости, налогов, переобучения, пособий детально разрабатывается с точки зрения принципов и целей, которые могут быть достигнуты политикой третьего пути. Но здесь, разумеется, нет никаких разговоров о лишних людях или о том, что некоторые люди могут стать лишними. Напротив, едва ли ни в марксовом смысле обсуждается вопрос о человеческом и социальном капитале как интегральной составляющей новой знаниевой экономики. Речь идет о кооперации, в том числе и в технологических областях для создания успешных инновационных сетей. Главная надежда на обеспечение занятости состоит в том, что «социальные предприниматели могут стать высоко эффективными инноваторами в области гражданского общества, в то же время внося вклад в экономическое развитие»⁸⁰. Таким образом, в отличие от старых левых Гидденс не говорит о регулировании экономики, в отличие от либералов он считает, что *общество сегод-*

ня нуждается в большем, а не меньшем государстве. Но государство должно работать выше и ниже рынка, имея целью получение общественного блага. Ниже рынка — в сфере экологии, выше рынка — в образовании, сфере культуры. Таким образом, разорванная традиция поиска блага и рассмотрение только свободы как источника всех и всяческих благ здесь соединяются вместе.

Одним из главных направлений критики третьего пути было то, что это — англосаксонская модель, неприемлемая даже для континентальной Европы. Северные, скандинавские страны гордились своей системой достижения благосостояния за счет высоких налогов и их справедливого перераспределения, обеспечивающего процветание граждан. Действительно, Норвегия и Финляндия — страны очень высокого жизненного уровня. Но и они, как Швеция уже теперь, не могут не столкнуться с бегством капитала туда, где выгодно, за пределы национально государственных границ, ибо при глобализации эти границы уже не являются границами для капитала. Как отмечает шведский исследователь и политик О.Петерссон, «способность современных государств находить подходящие решения сегодня резко сократилась: во-первых, потому, что большая их часть выходит за рамки национальных границ, во-вторых, наиболее серьезные вопросы требуют значительной координации усилий в международном масштабе и, в-третьих, нынешняя публика не склонна смиренно соглашаться с установками, принимаемыми навер-ху и «спускаемых» вниз для исполнения»⁸¹.

Концепция третьего пути остро реагирует на изменение жизненных стилей, проявляя интерес к проблеме риска, становящегося фактором повседневности, экологии, традиции, значимость которой возрастает, изменениям в семье. Отношение к этим институтам и фактам обыденной жизни происходит в том же русле преодоления конфронтации старых левых взглядов и либеральных подходов. Это — отдельная интересная тема.

Новые английские лейбористы критиковались за то, что они опираются лишь на узкую прослойку среднего класса наиболее развитых регионов Англии. Одна из целей третьего пути — расширение среднего класса, пересмотр проблем социальной помощи и обсуждение проблем неравенства. Имеется детальная разработка принципов перестройки государства благоенствия для стимулирования людей к работе и развитию. Провозглашается равенство возможностей и плюрализм реальных состояний. Предлагается пересмотр идеи равенства на основе сравнительных оценок возможностей самых верхних и самых нижних сло-

ев. Этот двухуровневый подход составляет основу нового подхода к проблеме бедности, обсуждение которой, в том числе и в глобальном масштабе необходимо.

Глобализация третьего пути

Глобализация третьего пути понимается в двух смыслах: как расширение круга стран, выбирающих третий путь, и как применение третьего пути для решения проблем глобального сообщества.

В первом случае отмечается, что все больше стран с надеждой смотрят на перспективу третьего пути, находя в нем одновременно и смену принципов, и конкретные политические механизмы, которые, к тому же, обладают достаточной вариативностью, определяемую особенностями культуры той или иной страны и ее конкретными задачами. Новая ситуация в мире привела к распространению модели третьего пути.

Сегодня в Европе насчитывают четыре страны, использующие ее:

- рыночно ориентированный подход новых либералов (Англия);
- рыночно и консенсусно ориентированный подход (Дания);
- шведская модель реформирования социального государства;
- французский, руководимый государством путь⁸².

Эти характеристики даны исследовательской службой социал-демократической партии Германии. Что же представляет собой германский третий путь и как его можно обозначить? Новые социал-демократы более прагматичны и стоят по ту сторону социализма или либерализма. Шредер модернизировал отношение к бизнес-сообществу, ввел формы партнерства политики и бизнеса, создающие рабочие места. После своей первой победы на общенациональных выборах Шредер стал следовать английскому варианту третьего пути как реакции на глобализацию и новой модернизации. Но немецкие сторонники третьего пути раскололись. Если Шредер занял модернизаторские позиции, то министр финансов Лафонтен — более традиционалистские. Он считал, что нужно макроэкономическое управление, введение международных форм регулирования глобального рынка, укрепление существующей системы социальной помощи и т.д. В этом споре формируется образ немецкого третьего пути как национально ориентированного, но открытого для глобальной экономики. И Лафонтен во многом предвосхитил те трудности, с которыми сегодня столкнулся Шредер в ходе избирательной кампании⁸³.

География третьего пути расширяется. Нидерланды, Португалия, Испания, Греция, Италия, Новая Зеландия, Латинская Америка, Тайвань и др. проявляют к нему значительный интерес⁸⁴.

Бразильский ученый Л.К.Брессер-Перейра пытается показать серьезные отличия старых левых, новых левых и новых правых в развивающихся странах. Старые левые понимают партийный контроль как бюрократию, новые левые как роль нового среднего класса, новые правые как роль бизнес-элит. Автор приводит таблицу различий между восприятием этими силами различных проблем, которую представим в виде словесного описания тех аспектов, по которым ведется спор с разных позиций — старых левых, новых левых и новых правых⁸⁵:

Критерий	Старые левые	Новые левые	Новые правые
Партийный контроль	Бюрократия	Новый средний класс	Бизнес-элиты
Роль государства	Центральная	Дополнительная	Вторичная
Реформа государства	Воспроизводство бюрократии и большого государства	Изменение в сторону менеджерских функций	Минимальная роль
Исполнение как основа социальных служб	Контролируется непосредственно государством	Публичными негосударственными организациями	Частными фирмами, осуществляющими бизнес
Финансирование как основа социальных служб	Осуществляется государством	Осуществляется государством	Осуществляется частным сектором
Социальная безопасность (базисная и дополнительная)	Обеспечивается государством	Государство обеспечивает лишь основания социальной безопасности	Обеспечивается частным сектором
Макроэкономическая политика	Популистская	Неокейнсеанская	Неоклассическая
Глобализация	Угроза	Вызов	Выгода

Как видим, неокейнсианство сохраняется в изложении третьего пути бразильским автором, хотя новые левые в Европе от него отказываются. Это объясняется иной степенью зрелости бразильского капитализма и его меньшей вовлеченностью в глобальный рынок.

И что особенно интересно, описывается *отношение к глобализации у старых левых как к угрозе, у новых левых как к вызову, на который надо отвечать, у новых правых как к выгодному процессу*. Гидденс солидаризируется с этой мыслью в одной из своих работ.

Принимая глобализацию совершенно серьезно и настаивая на том, что именно так ее надо принимать, Гидденс полагает, что концепция третьего пути может работать на глобальную интеграцию, на глобальный мировой порядок, в котором будет достигнут баланс между управлением, экономикой и гражданским обществом. Применение третьего пути мыслится в направлении развития глобального экономического управления для достижения большей позитивной значимости глобализации, решения экологических проблем, регулирования корпоративной власти, предотвращения войн, развития глобальной демократии. Многие сторонники третьего пути ставят вопрос о гуманизации глобализации, о формировании системы перераспределения, институционализации глобальных процессов⁸⁶.

Не отрицая подобной возможности, отметим, однако, что она не предстает столь детально продуманной, как решение внутренних проблем западных стран.

Если *победители глобализации — западные страны посчитали для себя необходимым ускорить прогрессивное развитие и пройти новую, весьма драматичную модернизацию*, что они могут предложить тем, кто не осуществил еще модернизации в классическом понимании этого процесса. Этот коренной вопрос не может быть разрешен паллиативами перераспределения, демократизации, которая часто оборачивается гуманитарной интервенцией, концепцией устойчивого развития, не обеспечивающей прогресса. Даже 11 сентября не заставило Америку задуматься о причинах породивших волну терроризма. Все свелось к злой воле отдельных лиц, к объявлению ряда стран изгоями, и не вызвало интереса к анализу мирового неравенства, бедности целых стран и оскорбительного пренебрежения со стороны Запада культурой целых народов и их образом жизни. Мировой банк издает серию

«Голоса бедных», ООН и ЮНЕСКО заняты их проблемами, но Западные страны в целом удовлетворены статус кво и только начинают думать о внешних вызовах⁸⁷.

На глобальном уровне слабо проработан вопрос об изменении не только Вестфальской системы национальных государств, но и об изменении Филадельфийской системы демократии, что отмечено западными учеными⁸⁸. Но особо драматической выглядит невозможность поставить проблему развития незападных стран в старые рамки вестернизации или догоняющей модели развития. Запад не только оторвался от остальных, но и позаботился об ускорении своего дальнейшего прогрессивного развития. В этих условиях незападные страны ставят вопрос о праве на прогресс, на улучшение своей жизни. Интерес к проблеме прав на развитие растет, хотя развитие незападных стран в глобальном мире сильно затруднено. Западная юридическая литература ставит вопрос о праве на развитие. Актуализированы документы, подготовленные Ф.Д.Рузвельтом, распространенные Элеонорой Рузвельт, включенные в международные правовые акты и документы. В 1986 году Генеральной Ассамблеей ООН была принята Декларация о Праве на Развитие⁸⁹.

Третий путь — это национальная модель модернизации Запада сегодня, которая может быть осуществлена на уровне прежде достигнутых результатов⁹⁰. Для заимствования этой модели модернизации Западом необходим достаточный уровень вестернизации, научно-технологическое развитие и гражданское общество. Россия достаточно вестернизирована, и она может еще заимствовать некоторые западные структуры. Но главное для нее — решить свои внутренние проблемы. Как уже было отмечено в разделе I, существует различие внутренних задач развития и проблем выхода в глобальную экономику для незападных стран.

Уроки третьего пути для России

В России можно часто слышать: «А я не приемлю глобализацию». «Не могу признать глобализацию в этом виде». «Надо сначала изменить направление глобализации». «Надо занять моральные позиции. Это значит — против глобализации». «Незачем России участвовать в этом глобальном соревновании, в несправедливой глобализации». «Надо добиться изменений цен-

ностей в мире, а тогда поговорим». Действительно, мотив привязанности к оливковому дереву, а в данном случае, к березе, т.е. модель сакральной привязанности к своей стране и дому, может возобладать в России. Но как показывает трагический путь других стран, без развития, улучшения жизни этот пласт глубинной самоидентификации нации исчезает и сменяется простой адаптацией. Большим патриотом, скорее всего, окажется тот, кто сочетает эту привязанность, готовность разделить судьбу своей страны с желанием ее процветания и развития. Действительно, глобализация неравномерна и несправедлива. Как показал уже упоминавшийся доклад ООН «Глобализация с человеческим лицом» (1999 г.), глобализация в ее сегодняшнем виде — источник растущей бедности целых стран и континентов, роста «четвертого» (самого бедного) мира. В этом документе приводятся фантастические цифры, например, что три самых богатых человека мира — вдова хозяина магазинов Вулмарт, Билл Гейтс и король Брунея — владеют капиталом, равным совокупному валовому продукту пяти беднейших стран⁹¹. В этом отношении, конечно, глобализация противоположна классической модернизации. Потому что классическая модернизация настраивала на то, чтобы западные страны могли догнать Запад, хотя бы немножко приблизиться к нему. Запад индустриализован — стройте индустрию. Он производит автомобили — производите и вы. На примере Румынии мы сегодня можем видеть, что наличие собственных автомобилей и танков, и даже самолетов совершенно не делает Румынию страной глобальной экономики, потому что никому не нужны ее автомобили, ее танки, ее самолеты. И все попытки догнать путем заимствования, копирования есть попытки, обрекающие на бесконечное отставание. В глобальную экономику могут войти только чемпионы мирового развития, хотя бы в одном виде продукта, особенно уникального высокотехнологического продукта или очень дешевого из имеющихся или природно уникального [См. I, 1].

У экономически, информационно и технологически развитых стран в условиях глобализации возникают необычайные преимущества, и разрыв между богатыми и бедными странами становится не только нарастающим, но и при продолжении развития по этому пути непреодолимым.

Нынешние протесты, объединяющие множество людей, по разным причинам ненавидящим глобализацию, не предлагают альтернативу, а лишь предлагают задуматься о ее несправедливости. Их этический пафос не создает альтернативной экономической модели, а глобализация строится на мировой экономике.

Отношение к глобализации в России сегодня похоже на прежнее отношение к капитализму. С левых позиций отношение к вызовам глобализации должно быть таким, как к вызовам капитализма. Социализм был одним из способов модернизационного ответа на вызов капитализма, классической модернизацией, которая была часто насильственной и осуществлялась в условиях изоляции. Отказ от глобализации в условиях глобализации возможен, но за него надо платить отсталостью, зависимостью.

Глобализация вообще не стала темой размышления правящих кругов России ни в качестве угрозы (как ее воспринимают старые левые), ни в качестве вызова (как к ней должна была бы отнестись правящая элита). Она с радостью воспринята как прибыльная правыми радикальными либералами.

Концептуально не прописано разделение внутренних и внешних задач страны, отличие способов внутренней модернизации по национальной модели и попытка использовать возможности прорыва в глобальную экономику как шанс неклассической модернизации, долговременного прогресса, способного, в конечном итоге, преобразоваться во внутреннее более успешное развитие. Программа Г.Грефа может быть отнесена к догоняющей модернизации, цель которой приблизиться к уровню жизни развитых стран с помощью нового варианта шоковой терапии.

В концепции третьего пути исключительное внимание уделено новым технологиям, новой экономике, информатизации. Выступая в программе «Времена» (23.12.01), Греф мельком упоминает эту задачу и с упоением рассказывает о малом бизнесе, приводя в пример Китай и показывая значимость НЭПа в России как времени наибольшего подъема экономики. Не имея серьезной промышленной политики, страна рассчитывает на инициативу граждан. Такая позиция имеет оправдание не только из-за произвола чиновников, но и по другим, более концептуальным причинам. Стремясь перейти к субсидиарному государству (т.е. государству, субсидирующему лишь самых бедных и возлагающих ответственность за качество жизни на самих граждан), государство сталкивается с отсутствием денег у населения. Государство не может решить эту проблему, т.к. у него у самого нет денег. В этих условиях свобода малого бизнеса кажется источником самопомощи и кооперации в зарабатывании денег населением. Подходит ли нам этот путь, ответим словами вьетнамцев в следующей главе.

РАЗДЕЛ III. ОБРАЗЫ РОССИИ, СЦЕНАРИИ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ И ВЫБОР МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Интерес к образам России, сценариям развития обусловлен прогнозированием в условиях неопределенности и истощенности или нереализованности известных проектов развития. Другой причиной подобного обсуждения будущего является кризис российской идентичности, возникший в 90-е годы и затянувшийся по сей день. Кризис состоит в продолжающейся попытке обсуждать судьбу страны в привычных рамках старой идентичности и конфронтации по поводу имеющегося или кажущегося наличным выбора.

Глава 5. Россия, Восток, Запад

Славянофилы и западники: можно ли думать о России вне этих рамок?

Продолжается старый спор между людьми, называющими себя славянофилами и западниками. К нему присоединился новый оппонент, отсутствовавший в XIX веке — евразийцы. Ожесточенность конфронтации очень велика, поскольку каждая из сторон мыслит себя носителем проекта переустройства России.

Вместе с тем, перенесение этих понятий в сегодняшний день не вполне оправдано. Во-первых, славянофилы были глубоко образованными и не отрицали Запад как таковой, а западники понимали российскую проблематику и не презирали Россию. В этом — глубинные отличия от сегодняшних упрощенных взгля-

дов на природу российского общества и его будущее. А во-вторых, и западники, и славянофилы отрицали государство. Западники отрицали российскую государственную систему во имя самоорганизации, присущей Западу, и демократических структур, которые для Запада начинали быть характерными, а славянофилы отрицали государство во имя общины. Это в литературе, кстати, зафиксировано. Американский исследователь Рязановский обосновал это положение, Струве писал о том же. Отрицание государства идет с обеих сторон, поэтому полагать, что западники предлагают народу самоорганизацию и инициативу, а славянофилы твердо стоят на позициях государственности, было бы не в традиции этих течений.

Есть и другое соображение против применения этих традиционных рамок к сегодняшним реалиям. Западный, славянофильский и евразийский взгляды — это не пути, а ракурсы интерпретации. Глядя из Стамбула или Пекина, мы воспримем российскую «западность», «европейскость». Из Парижа и Лондона в ней обнаружится элемент «восточности», «азиатскости». Строя свои отношения с Западом, Россия консолидирует всю свою способность предстать «русским европейцем», как назвал свою книгу В.Кантор⁹². Но в диалоге с Китаем или Индией она мобилизует свои евразийские или даже азиатские начала. Мы не можем стать Западом и не можем стать Востоком. Мы принадлежим Европе, но Европе «другой», незападной, если иметь в виду не этнический состав или географическое местоположение, а существо нашего развития. Причем «другая» Европа не означает Европы «второй», всего лишь отставшей от западной. Она характеризуется другим культурным кодом, сформировавшимся на ветви православного христианства, влияние которого имплицитно включено в светскую культуру.

В дискуссии между И.Клямкиным и В.Чесноковой, состоявшейся в Интернете на сайте Фонда общественного мнения, резко выявлено разделение позиций на западнические (И.Клямкин) и славянофильские (В.Чеснокова). Не принято во внимание то, что наше стремление обсуждать свою идентичность в терминах «Запад — Восток» не находит отклика в этих регионах. Приведу пример. В Париже, на конференции ЮНЕСКО, делая доклад о российской модернизации, докладчик высказал мысль, что Россия — не Запад, но Европа, «другая Европа». Ему сказали: «Как хорошо, что вы это понимаете. Мы очень боялись, что вы будете считать Россию частью Запада». Через неко-

торое время на конференции в Нью-Дели, проводимой Азиатскими советами по социальным наукам, этот же ученый повторил свою мысль о том, что Россия — это «другая Европа». В ней есть внутренняя Азия — азиатские народы и азиатская территория, но все-таки она не может причислить себя к Востоку, потому что она модернизировала в течение многих веков свое евразийское пространство. Поэтому Россия не считается азиатской страной. Докладчик встретил ту же радостную реакцию по поводу не оправдавшегося опасения, что Россия считает себя азиатской страной. Даже австралийцы и новозеландцы не составили исключения и выразили удовлетворение отсутствием подобных притязаний. Таким образом, мало кто (а может быть никто) из живущих как на Западе, так и на Востоке, и мало кто (или, возможно, никто) из ученых этих регионов, всерьез занимающихся проблемами России, склонен воспринимать Россию как Запад или как Восток. Она, если говорить геополитически, сохраняет статус моста, специфического пространства, которое в достаточной степени модернизировано, где в определенной мере интегрированы славянские, тюркские, угро-финские и другие народы посредством модернизаторской роли русского народа как народа европейского. Этот процесс осуществлялся и в царской России, и в СССР. Пятнадцать лет назад в Институте философии РАН были аспиранты из Туркменистана, Казахстана и других азиатских республик СССР. Они теперь оказались в пространствах, которые частично демодернизируются, частично (анклавно) модернизируются, но в целом испытывают определенные цивилизационные потери после распада СССР.

Славянофилам в России в сегодняшней ситуации труднее, чем евразийцам, выполнить социальный заказ на защиту традиции, самобытничества. Скорее, эту роль играет евразийское почвенничество, но наши отличия от Востока не менее сильны, чем несходство с Западом.

В спорах между теми, кто сегодня претендует быть славянофилом и западником, не учтен один новый фактор, который меняет структуру взаимоотношений между Западом, Россией, западным миром в целом и не позволяет говорить о западном пути, почвенном пути или евразийском пути — фактор глобализации.

Что же можно сказать тем, кто сегодня считают западниками и славянофилами, в свете этой новой тенденции? То, что уже сказано. Если раньше Запад выступал как образец, то теперь Запад сам находится в трансформации, он перестает быть

универсальным образцом для развития. Не принимая во внимание трансформацию самого Запада, люди путаются в определении того, что означает официально декларированное намерение жить, как на Западе. Избранная либеральная модель — это только одна из моделей западного развития. Одновременно Нобелевскую премию имеет и Дж.Тобин, который при Дж.Картере осуществлял политику государственного регулирования, развивая идеи Дж.М.Кейнса, и неолиберал М.Фридман. США имеют баланс социальных программ, обеспечивающих социальную справедливость и экономическую эффективность. Эти программы представлены двумя партиями и концептуально обеспечены. Единственная, хотя и взятая с Запада, модель не обеспечит логики обновления социального преобразования, что и происходило уже в случае применения марксизма. Ориентация правящей элиты 90-х на неолиберальную модель осуществилась с совершенной безоглядностью, как прежде ориентация на марксизм и коммунистическую идеологию.

Что мешает нам стать Западом? Воспринять западный опыт свободы? Индивидуализм? Перейти к цивилизованному рынку? Это вопрос о ценностях. О рациональности. Об отношении к государству. К свободе. И эти отношения не меняются в корне.

Российские трансформации 90-х глазами вьетнамцев

Во Вьетнаме, опыт которого авторам более известен, чем китайский, используется модель, сходная с китайской. К сегодняшнему дню произошли огромные перемены к лучшему. Рестораны, процветание, наши бывшие ученики имеют дома, ученым платят хорошие деньги, они участвуют в государственных программах. Что там произошло? Произошло, видимо, то, на что рассчитывали наши либералы в России. Когда-то Хо Ши Мин записывал в тетрадке (она хранится в его доме) примеры из опыта народа по улучшению своей жизни. Вьетнамцы поняли, что они находятся далеко еще от социализма, что они живут в феодальном деревенском обществе: 80% деревенского населения, но населения, привыкшего работать на земле, в климате, где снимается три урожая риса в год, где растет все, что угодно, где живет и плодится скот, где существуют прочные традиции ремесленничества. Их реформа — это просто НЭП. Во Вьетнаме он идет со ссылкой на В.И.Ленина. Проводимый курс принес им колоссальное повышение уровня жизни. От Хо Лонга на

севере (границы с Китаем) до Хо Ши Мина на юге не увидишь ни одной хибарки, ни одной трушобы, ни одного жуткого жилища, которые прежде были повсюду. Трудятся все день и ночь, субботу и воскресенье. Нация встала на ноги. Их национальный капитал — патриотизм. Они не стремятся уехать, перестать быть вьетнамцами, возмутиться по поводу каких-то черт вьетнамской культуры, они все делают для развития своей страны. Вместе с тем, они говорят, что их экономика впала бы в анархию, если бы ее не сдерживало государство. При общем процветании делаются опасные вещи, диктуемые жадностью. Во фрукты и овощи могут вкалывать формалин для того, чтобы они не гнили. Могут вырубать участки джунглей и выращивать там наркотики, хотя за 100 грамм наркотика приговаривают к смертной казни. Рестораны в городах Вьетнама не лицензированы и медицински не контролируются, масса новых заболеваний, неизлечимых ангин, традиционных сальмонелеза, лямблиоза и пр. Есть хищническое истребление природы. Например, если кокосы невыгодны сегодня на мировом рынке или на рынке Вьетнама, крестьянин вырубает кокосовый лес, сажает кофе. Кофе начинает продавать. Обваливается рынок кофе, вырубают кофейные плантации, которые полезны для защиты земли, и сажают красный перец. Что делает вьетнамское государство? Оно пытается не допустить нецивилизованных форм этих отношений. Например, государство следит, чтобы дети учились, а не эксплуатировались в бизнесе.

Контролирующая функция западного капитализма находится в головах западных предпринимателей и системе законов. Мы не склонны идеализировать, в условиях глобализации они готовы перенять наши формы жадности вместо экономической рациональности. Но у вьетнамских крестьян, которые выбились из нищеты, желание заработать и ощущение, что это может быть временно, исключительно сильно. Уйди сейчас социалистическое правительство Вьетнама, указанные негативные оттенки станут преобладать над позитивными сторонами. Государство усилило и самоконтроль, не дает вырасти березовским. Оно предпочитает форму акционирования, а не приватизации, предпочитает, чтобы акционировали коллективы. Во Вьетнаме преобладает мелкотоварное хозяйство, т.е. совершенно отличная от нашей экономики структура. Их государство борется против коррумпированной бюрократии. Там все на виду. У них, находясь во власти, ты не можешь быть своевольным или коррумпированным без риска для себя, этого просто не допустит их структура.

Можно сказать, что государство на Западе дает правовое ограничение дикому капитализму, заботится о гражданах тем, что они находятся в правовом пространстве и поэтому могут заработать, и заботится о тех, кто не в состоянии прокормить себя сам. Запад имеет систему образования, где каждый, окончивший Колумбийский или другой университет, автоматически становится представителем среднего класса. Вьетнамское социальное государство имеет совершенно другую природу. Оно не акцентирует правовые нормы, хотя там обеспечивается правовая функция государства в контроле за деятельностью бизнеса. Оно контролирует цивилизационный стандарт.

Каких вопросов ожидаешь от вьетнамцев? «Ведь вам в России, так же как и нам, тоже все разрешили делать десять лет назад. А почему же вы не поднялись? Вот мы, вьетнамцы, из феодализма, после войны, самые бедные, мы же были у вас, мы же на вас глядели, а живем лучше вас». Хотелось им объяснить, что у них — три урожая риса в год и вечное лето, а у нас 80 дней для сбора урожая, тогда как в Европе 220, у них — крестьянское население — у нас преобладающее городское, мы прошли индустриализацию, поэтому у нас на заводах большая часть населения была, а не в сельском хозяйстве, у них — ремесленничество, у нас этих традиций не было, нас много раз ломали, мы потеряли свои первичные инициативные возможности. А их это не волнует. И ожидаемого вопроса они не задали. Они мечтают об индустриализации и переходе к информационному обществу, они гордятся, что их ученые научились во время войны отклонять американские бомбы в Ханое с помощью лазера в другую сторону, а мы бросили всю науку, все образование. А они задают совершенно другие вопросы: «Что же вы по нашему пути пошли, по линии самостоятельности, да плюс к тому же изгнания государства? Вы, которые построили социализм, вы, которые завершили индустриальное развитие, вы, которые стали мозговым центром, вы, у которых столько ученых, вы, вместо того, чтобы идти в постиндустриальную эпоху, стали делать то, что и мы». Они считают, что наш товар — образование, наука, культура.

Во Вьетнаме, Китае действует их древняя традиция аграрно-торговых обществ, поощряемая и, одновременно, сдерживаемая государством. Как пояснил А.Фурсов, читающий студентам лекции по истории Юго-Восточной Азии, это — тысячелетняя традиция: стихия, контролируемая государством, бунт стихии и ее зажим государством, и опять все сначала. И капитализма здесь нет, как, впрочем, и у нас.

Грубо говоря, вьетнамцы нам объяснили так, что наша достижительность, если использовать термин Т.Парсонса, — не в мелкой производительности, а в науке, индустрии, культуре, образовании, что мы достигательны в других областях. Если бы мы могли использовать наши исключительные способности научные и культурные, о которых весь мир говорит только уважительно и только положительно, то могли бы произвести действительно нормальную реформу. Мы пренебрегли плодами индустриализации, и вместо того, чтобы выйти в глобальную экономики с наукоемким или уникальным продуктом, пошли по пути мелкотоварного производства и малого бизнеса. Новый виток развития нелицензированного бизнеса, о чем было с гордостью заявлено властью, это — усиление не рынка, а неформальной экономики, уже имевшего места анархического порядка.

Ясно, что мы не имеем зрелых общественных условий, но надежда на мелкий бизнес, решая некоторые местные проблемы, не является стратегической целью. В развитых странах мелкий бизнес ассоциирован с крупным и производит для него продукт, не являющийся конечным (детали машин, операции).

Таким образом, мы можем многое позаимствовать у других стран, но ничего не можем у них взять в готовом виде. И третий путь дает хорошие, но не выученные уроки, равно, как и опыт Китая.

При выдвигании проектов модернизации надо смотреть на то, в состоянии ли народ эти процессы реализовать и какие свойства народа могут быть использованы для модернизации. Меньше всего интересно, является ли государство экономическим игроком, тренером или играющим тренером. Гораздо более интересно, является ли оно единственным европейцем, как говорил о нем А.С.Пушкин, городовым или партнером населения в улучшении его жизни и в обеспечении стране достойного места в мире.

Глава 6. Основные образы и сценарии российского развития

Сценарные прогнозы возникают в условиях объективной неопределенности ситуации и при наличии разных точек зрения, мотивированных разными образами российского будущего.

За исходный пункт мы можем взять то, что, намереваясь стать страной первого мира из-за неудовлетворенности своим статусом страны второго мира, мы оказались в третьем мире

(см. выступление В.С.Степина на клубе «Свободное слово» при обсуждении доклада В.Белоусова). Глобализация не меняет базовых различий между первым, вторым и третьим миром, ибо усугубляет неравенство и даже производит четвертый мир. Поэтому каждый сценарий, сформированный, может быть, вовсе за границами подобных размышлений, необходимо тестировать на предмет его отношения к этим трем перспективам.

Нам представляется, что наша гражданская цель состоит в том, чтобы через возвращение стране статуса второго мира попытаться войти в развитый мир (стать первым миром), великой державой. Используя этот подход, мы отказываемся признать за сценарий интересные идеи Т.Шанина. По отдельности в них содержится много верного: рассуждения о неформальной экономике, об особенностях менталитета и пр. Мы их цитируем и готовы признать и восхвалить. Но вместе они подчинены тому, чтобы убедить Россию смириться с потерей своего исторического статуса и спокойно обустраиваться на манер других стран третьего мира, ибо третьемировская сущность, внутренняя гнилость присуща ей во все времена. В частности, и правильный диагноз о неформальной, а не государственно-регулируемой экономике СССР (в магазинах ничего, на столах все, что угодно) и о неформальной (а не рыночной) экономике последнего десятилетия тут же используется им, чтобы сказать: такая экономика была открыта на примере Ганы, характеризует третий мир, и, следовательно, Россия — страна третьего мира. Остается только выбрать модель, и он выбирает Бразилию, одну из самых далеких нам по культуре и приналежашую к третьему миру страну. По этому поводу вспоминается известная теорема Томаса, которая утверждает, что если мы нечто принимаем за реальность, то оно реально в своих последствиях. Поэтому авторы данной книги не хотят принимать этот образ, хотя он иногда пугающе реален. Именно так стал реальным для Запада и перерос в реальность образ России как страны внутренней деспотии и внешней агрессии. И 27-миллионные жертвы Второй мировой войны, и самораспад страны, и отречение от коммунизма ничего не изменили в этом имидже⁹³. А ведь ни о чем нельзя сказать правду без любви. Образ — это не научное представление, это то, какой кажется страна или какой ее хотят видеть.

Дело не только в том, что авторы труда лично не согласны с исходом в третий мир, равно как со сценарием распада России, предложенном Зб.Бжезинским в его «Великой шахматной дос-

ке». Существуют депendentистские, неоколониалистские сценарии, часто не проговариваемые явно компрадорской буржуазией в Латинской Америке, в России. Они были внутренне присущи ельцинскому режиму. Мы не согласны при всем том, что все эти образы или образы-сценарии, равно как сценарий хаоса, весьма вероятны. И страна стоит скорее перед проблемой спасения, чем перед проблемой развития (да только нельзя спастись, не развиваясь). Не согласен с третьемирскими и алармистскими сценариями народ, генетический код которого имеет другие характеристики российского прошлого и отсюда будущего. Вот — корень победы Путина на выборах и устойчивости его рейтинга, несмотря на ухудшение экономического и морального климата, тревогу и неясность в отношении избранного пути. Патриотизм — не атавистическое или патриархальное чувство, а переживание гражданства, оливкового дерева, березы [см. I, 1], сакрализация своих истоков даже теми, кто производит лексус, хотя большинство-то живет, как это ни парадоксально, в мало изменившемся мире (например, в российской деревне).

Обосновать научно, что Россия — не третий мир, трудно, но попытки предпринимаются. В объективной и чрезвычайно информативной статье С.Ю.Барсуковой «Принадлежит ли Россия к третьему миру?» приведены аргументы сторонников и противников этого образа. Мы согласны с той трактовкой третьего мира, которая проистекала из биполярности, из противостояния двух мировых систем, между которыми располагалась третья. *В модернизационном плане третьемирская сущность определена нами наличием таких препятствий к развитию, которые делают его постколониальным по типу* [II, 1]. Это включает и технологическую отсталость, и культурную замкнутость, и отсутствие возможности быть культурно-историческим типом, внесшим вклад в мировую историю или культуру. Антиэволюционистски, антипрогрессистски настроенные люди будут оскорблены таким видением третьемирской сущности, поскольку справедливо видят ее привлекательность. Наивность, целостность, синкретизм. Но мы — не этнографы, а специалисты по развитию, которые, по определению, в отсутствии развития видят отсталость, а в отсталости — опасность для здоровья, мира, процветания, существования. Неравенство, бедность большинства, необразованность, болезни не могут радовать, а речь идет именно о них как спутниках отсталости. Равным образом в радикальном подталкивании к развитию там, где нет предпосы-

лок, таится меньшая опасность, прежде всего, опасность разрушения традиционного общества без обретения новых качеств. Конечно, третий мир не одинаков. Бразилия, Турция, Вьетнам показывают экономические успехи и успехи модернизации, страны Африки находятся в тяжелом положении. Страны третьего мира пребывают в циклическом развитии, их прогресс, если он имеет место, чередуются откатами, нелинейностью. Однако сегодняшняя трактовка модернизации отказывается от признания одной лишь поступательности и линейности: «Последнее видно на примере модернизационных концепций последней волны, в рамках которых идея однонаправленного эволюционного развития, сближаясь с многовариантной парадигмальностью, трактует сущность модернизации как усиление черт своеобразия отдельных сегментов геополитического пространства, как максимально полную реализацию самобытности национальных культур. Концепция множественности миров, модернизация которых разнопланова и непохожа, являет собой сложный сплав идеи неизбежности прогресса и вариантности его форм»⁹⁴. Ничуть не сомневаясь в правильности этого утверждения для сегодняшнего дня, нельзя считать, что оно разрешает проблему различия трех миров. Н. Бердяев предупреждал, что нельзя за специфику России принимать ее отсталость. Это относится и к другим народам. В какой мере комбинация факторов, упоминаемая в цитируемом фрагменте, может сделать развитие третьего мира более успешным и вернуть Россию во второй? Исключая отнятие права на прогресс под любыми благовидными предложениями: гарантированности статус кво, наивности девелопментализма, нелинейности, предпочтительности устойчивого развития, невозможности догнать Запад и пр., нельзя добиваться прогресса любой ценой, вплоть до умирания населения. Прогресс противоречив. Для его достижения нужны предпосылки. Прогресс и модернизация имеют высокую цену. Мы склонны согласиться, что сегодня Россия — страна третьего мира, но это — естественно-исторический процесс. Это — выпадение из цивилизации, обусловленное радикальностью реформ, которая на деле превратилась в кланово-корпоративный захват собственности. Носителями этого типично третьемировского начала являются как раз те представители верхов, которые пытаются легитимизировать на будущее (сегодня этого еще не надо) свое обогащение под прикрытием демократической и рыночной риторики. От третьего мира даже сегодня Россию отличает образованное на-

селение, завершенная индустриализация, тысячелетняя история цивилизационного развития, великая литература и другие художественные достижения, известные всему миру, хорошая система образования. Россия была одним из полюсов в противостоянии систем, по отношению к которым произошла идентификация третьего мира. Россия в течении трех веков осуществляла модернизацию. В ней прочно европейское начало. Отличия от Запада, инкриминируемые России как третьемировость, имеет Китай. Это и есть девелопментализм худшего сорта, когда место страны в мире определяется только экономическими понятиями. И, наконец, геополитическое положение страны таково, что даже в сегодняшнем состоянии она играет роль большую, чем региональный лидер.

Масштабность неформальной экономики — главный пункт, по которому Россия причисляется к третьему миру, — продукт непонимания реформаторами природы рынка, результат орыночнения всех сфер общества, в котором приняли участие сегодняшние обвинители, не желающие признать, что «в современной России — в отличие от стран третьего мира — значительная часть обедневшего российского населения представляют специалисты с высоким уровнем образования и квалификации. Рыночные условия поставили перед ними дилемму: отказаться от малооплачиваемого профессионализма в пользу более доходных «рыночных» видов деятельности (что зачастую ведет к депрофессионализации под видом переквалификации, когда, например, врач начинает работать продавцом) или сохранить верность профессии, *амортизируя* свое решение участием в неформальной экономике. Таким образом, если в третьем мире низкодоходные группы населения характеризуются недостатком «человеческого капитала», что делает их участие в неформальной экономике *безальтернативной стратегией*, то в России группа *новых бедных* ...включает в себя значительную долю высокообразованных специалистов, *сознательно воздерживающихся* от профессиональной мобильности на легальном рынке труда»⁹⁵ из-за неадекватности и этого «рынка» современным требованиям.

Образы могут быть бесконечно многообразны, представлять собой образы отдельных сфер, например, образ свободы⁹⁶, строиться на социологических опросах населения, чтобы выявить их представление о политиках⁹⁷, о самих себе⁹⁸, о будущем страны⁹⁹.

Во всех этих работах приводятся данные о травматическом опыте народа, о его витальности, способности к выживанию, адаптации, о том, что несмотря на непонятность для большей

части населения идей демократии и их скомпрометированность неудачами реформ, люди с большим интересом и надеждой воспринимают перспективы демократии, если она будет честной. Из образов рождаются образы-сценарии, не детальные стратегии, а подходы к развитию страны. Специалисты, разделяющие левые убеждения, предупреждают об опасности развития по сценарию радикального либерализма, корпоративно-олигархического развития и предлагают развитие на основе принципа солидарности, т.е. по социал-демократическому варианту. Право ориентированные ученые опасаются авторитарного развития, националистического варианта и уже не говорят о коммунизме, считая его окончательно разрушенным. Их привлекает как раз радикально-либеральный вариант, и они толерантны к корпоративно-олигархическому сценарию, который они не называют своим именем.

Образы-сценарии будущего России, по существу образы желательного или должного, которые стоит обсуждать при наших — ни левых, ни правых, скорее центристских представлениях, имеют разную степень абстрактности, применимости и ориентации на разные субъекты, не проработаны в деталях, но намечены в своих принципах.

1. Образ-сценарий В.С.Степина. Является философским. Связан с утверждением о завершении техногенной цивилизации и условиях выживания и развития, которые будут сформированы при одновременных ценностных изменениях сознания Запада и не-Запада. Это обеспечит новой эпохе гуманистическое содержание или сделает ее эпохой «гуманистического глобализма», как говорит В.И.Толстых. Точка зрения философски привлекательная, но рассчитанная на объективный процесс. В ней мало места для самостоятельного движения России, ибо ее переход к «новому мышлению» раньше других, когда другие остались при старом, уже показал свою трагичность. Такие, ратовавшие за это люди, как М.С.Горбачев, возможно, опередили свое время, и их позиции еще будут признаны миром. Но сейчас этого нет. Запад продемонстрировал неуклонное следование своим интересам, которое он продолжает в условиях глобализации. Поэтому главный конфликт в ее истолковании: является ли она объективным процессом, вызванным лавинообразным взрывом информатики и транснациональной экономики или это процесс открытой эксплуатации Западом незападного мира. Соглашаясь с этим сценарием в принципе, мы не можем его

операционализировать, сказать, что надо делать в социальном, экономическом и политическом планах в России. Этого и нельзя ожидать от философского прогноза.

2. Образ-сценарий В.И.Толстыха. Он также является философским. Речь идет о том, что глобализация не может быть сведена к транснационализации экономики и информатики, что она не может пойти по линии возвышения Запада и снижения веса других стран, что США захлебнется, взяв на себя излишние гегемонистские обязательства. Под напором этих объективных противоречий, а также всех системных и несистемных сопротивлений глобализация станет другой или ее не будет. Одним из признаком инаковости явится то, что она не будет вытеснять прогресс и модернизацию как многовековые мегатренды на локальный уровень, а разделит с ними роль мегатренда. Здесь больше места для операционализации — например, выработки курса социал-демократической партии, курса государства и т.д. Наш ответ на этот сценарий: США захлебнется, но до той поры Россия может распасться, стать Бразилией, быть колонизованной или ввергнутой в хаос.

3. Образ-сценарий В.Л.Иноземцева и В.А.Красильщикова. Внутренне — это не произносимый вслух сценарий зависимости, развития под протекторатом Запада. Внешне — отстающей модернизации. Они критикуют догоняющую модернизацию за то, что догнать уже нельзя. Запад оторвался абсолютно, у него нет конкурентов, он — в постэкономической фазе (фазе победы интеллектуального продукта над индустриальным, немислимым богатств лидеров интеллектуального труда). Они неохотно используют термин глобализация. Иноземцев — ученик Д.Белла и следует его модели. Но мы не хотим колониализма (Россия — единственная страна незападного мира, никогда не колонизированная). Сценарий, предлагаемый этими авторами — войти в позднеиндустриальное развитие, т.е. догнать Запад вчерашнего и позавчерашнего дня. Демодернизация последних 10 лет не отменяет подобную задачу. Это нужно. Но следует подумать о прорывах.

4. Образ-сценарий А.Е.Городецкого — модернизационно-формационно-цивилизационный. В экономических терминах он выражает стремление модернизироваться или достичь прогресса, в формационных — переход к капитализму, в цивилизационных — специфику российской культуры и экономической

мотивации. В операциональном смысле здесь заявлен социально-экономический уровень, который и может стать предметом дискуссии.

А.Е.Городецкий показывает, что в экономических моделях идеи модернизации прямо не выявлены, за исключением взглядов небольшой группы экономистов. Это совершенно объяснимо, т.к. модернизационная теория является более общей социальной теорией, где экономические понятия «упакованы» в идею индустриализации и перенятия инфраструктур и, может быть, и микроэкономических структур, институтов западной экономики. На уровне модернизационной теории могут работать только политэкономы.

5. Образ-сценарий В.Г.Федотовой. 500 лет мегатрендом был прогресс, часто, особенно в XX столетии сводимый к модернизации. Модернизация может осуществляться в разных формах — путем колонизации, вестернизации, догоняющей модели, как мы видели, отстающей или запаздывающей модели. Она не сводима ни к одной из своих форм и возможны какие-то новые пути модернизации для тех стран, которые их не прошли. Сегодня модернизация — не мегатренд. Она вытеснена глобализацией как новым мегатрендом. Может быть, глобализация будет иной. Но сегодня поддержка Западом российского псевдодемократического развала после падения коммунизма свидетельствует, что капитал потерял свою цивилизующую миссию, настойчивое желание подтянуть страны до уровня Запада путем модернизации, и озабочен лишь своим умножением. Сам Запад отчасти демодернизируется, ликвидируя отжившую индустрию, и переходит к информационным и биологическим технологиям, виртуальной финансовой экономике — потоки капиталов преобладают над потоками товаров. Запад не проявляет заботы о веберовской цивилизованной субстанции незападных капитализмов (это смыкается со сценарием Городецкого и ставит ему вопросы).

После распада коммунизма Россия оказалась в глобальном мире, но не в глобальной экономике. В капитализме, но нецивилизованном. Встают две задачи — войти в глобальную экономику путем прорывных технологий, переговоров о предоставлении России рынков и пр.

Внутренняя задача состоит в выборе модели развития, адекватной внешней. Скорее всего, это модернизация, частично догоняющая, частью опаздывающая, т.к. догонять Запад сегодняшний не представляется возможным. В какой-то новой форме

это — государство развития. Последний термин применяется все более активно. Возможна попытка российского третьего пути, которая и представлена в книге в качестве развернутого сценария.

6. Образ-сценарий А.И.Уткина. «Новый курс». За модель берется политика Ф.Д.Рузвельта, который посредством деятельности государства вывел США в глобальные лидеры и решил ее внутренние проблемы, используя гибкую политику, не меняя демократической природы государства и не превращая его в тоталитарное, чем нас постоянно пугают.

Мы привели, по существу, лишь примеры образно-сценарного мышления. В качестве достаточно развернутого приведем сценарий российского третьего пути — признающего рынок, неизбежность изменения социального государства, глобальную экономику и необходимость гражданского общества, но исходящий из особой констелляции в России этих всемирных параметров.

Российский третий путь как сценарий развития

Рассмотрев третий путь как вариант национальной модернизации Запада в условиях глобализации, мы попытались показать, что на предложенные в Европе образцы центризма мы реагируем явным непониманием причин, которые привели европейских лейбористов и социал-демократов к изменению их политики. Такой «причиной» является глобализация. Хотя она осуществляется на западных началах, и такой ее ход нужно и можно критиковать, уклониться от прорыва в глобальную экономику для России сегодня означало бы отстать навсегда. Мы критиковали (в этом контексте) сосредоточенность наших правых партий на мелком и среднем бизнесе, не имеющим глобальных перспектив и отсутствие заботы о научно-технических прорывах.

Сегодня ситуация улучшилась: 20 марта 2002 г. были приняты девять приоритетных направлений научно-технического развития, открывающих стране перспективу вхождения в глобальную экономику на основе научных и технических достижений и переориентации ее экономики с сырьевой на научно-технологическую. Трудно сказать, насколько серьезен этот замысел и как долго он будет конкурировать с сырьевой ориентацией страны.

Среди девяти приоритетных направлений ни одна из наук об обществе не была выделена. Наиболее приближенной к ним была включенная в число приоритетных направлений экология. Один из физиков радостно заявил, что наконец-то у никчемных

гуманитариев заберут деньги для настоящей науки. Другой представитель естественных наук дал интервью из Англии, что социально-гуманитарные науки — это нечто вроде «блошиного рынка», на котором ищут нечто особенное. Такие направления в социальном знании есть. Тем не менее, известно, что «японское чудо» — продукт проекта японских социологов, предложивших к концу 50-х годов перейти от либеральной реформы, осуществляемой под руководством американских оккупационных властей к поддержке коллективных структур, хорошо проводящих государственные цели (прежде милитаристские), изменив сами эти цели. «Немецкое чудо» было результатом политики Эрхарда, базировавшейся на ордолиберализме. Наши неудачи 90-х — следствие неграмотного социального проекта. «Третий путь» в Европе появился как воплощение концепции английского социолога Э.Гидденса. Следовательно, социальные науки повсюду играют позитивную или негативную роль, предлагая свои социальные проекты. Для того, чтобы проекты были удачными, нужен рынок идей, независимые экспертизы, планирование рисков и ответы на них, отсутствие приватизации знания, свободная дискуссия, обеспечение механизмов и реакций на выдвигаемые предложения.

Побудительной причиной для продолжения темы третьего пути для российских условий, явилось то, что в объявленных сегодня в России социальных проектах, как конкретных, типа ЖКР, модернизации образования, трудовых отношений и пр., так и в идущей из правительственных кругов концептуальной разработки социальной политики все чаще стали встречаться формулировки, заимствованные из концепции «третьего пути» Гидденса и политических деклараций Т.Блэра, Г.Шредера и прежде находившегося у власти Л.Жоспена. В отечественных документах они приняли абсолютно очищенный от социального и культурного контекста вид, стали общим требованием для граждан России (ибо проекты адресованы гражданам, а не государству) жить, как в Англии.

Россия по-прежнему стоит перед серьезным выбором: определить свою социальную политику.

Было ли советское государство социальным и что с ним случилось?

За последние пятнадцать лет Россия претерпела столь радикальные изменения, что ее коммунистическое прошлое кажется едва ли ни доисторическим даже тем, кто прожил в нем боль-

шую часть своей сознательной жизни. Угас интерес к возврату коммунизма как из-за слабости компартии, так и из-за уже очевидной необратимости коммунизма. Однако *проблема социального государства начала свой старт именно в советском социалистическом обществе. Социальное государство коммунистических стран не было демократическим.* Оно принимало тоталитарные, авторитарные или патерналистские формы в зависимости от остроты внутренней и внешней ситуации. Поскольку в России шла модернизация «сверху», государство выступало как главный фактор мобилизации масс для осуществления целей развития, и его жесткость была пропорциональна степени ускорения развития и сопротивления масс ее осуществлению из-за жертв и страданий, которые при этом приходилось переносить.

Несмотря на это, *в социальном государстве этого типа был заложен тот принцип солидарности, который сегодня всецело приписывается демократическому социальному государству, возникшему на Западе в период позднего индустриализма.* Солидарность предполагала справедливое (уравнительное) распределение, сходные для всех условия жизни, стремление к их улучшению, социальные услуги государства и его значимость в поддержании таких общественных секторов, как образование, здравоохранение, жилищное строительство, развитие средств коммуникации и связи. Государство включало в свою политику заботу о нравственном и культурном развитии граждан, полагая справедливой унифицированную систему среднего школьного образования, единые стандарты квалификации, равное представительство различных социальных групп и слоев населения в общественных и властных органах. В стране непройденного Просвещения государство было патерналистским не только в политическом смысле (не доверявшим политической воле граждан), но и в культурном, обеспечивая представления о цивилизационном стандарте как для общества в целом, так и для каждого из его граждан. Наряду с принципом солидарности здесь применялся и принцип субсидиарности — защиты наиболее уязвимых слоев населения. Субсидиарность проявлялась в защите населения от непосильного бремени оплаты большинства предлагаемых услуг. Образование, здравоохранение были бесплатными потому, что государство брало на себя основную часть расходов в этих сферах. Жилье было дешевым потому, что государство доплачивало за него из бюджетных средств.

Такая форма государства стала возможной на почве культуры, в которой идея справедливости и равенства имела первостепенное значение, настолько определяющее, что русский мыс-

литель XIX в. Н.А.Данилевский говорил, что в случае формирования славянского культурно-исторического типа его вкладом в человеческое сообщество может стать развитие и воплощение идеи справедливости. Советское социалистическое государство изобрело систему справедливости, которая не во всем отвечала своей сущности, но была одним из способов решения этого вопроса. Сегодня нельзя забывать, что западные социальные программы возникали в условиях противостояния двух систем и представляли собой в существенной мере выученные в условиях политической свободы уроки социализма.

В период Перестройки была предпринята попытка демократизации советского социального государства, не завершившаяся по причине все большей радикализации масс и использования этого настроения радикальными либералами, за десять лет уничтожившими социальное государство в России.

Что предложили радикальные либералы вместо социального государства?

В ходе навязывания обществу либерального фундаментализма, принцип солидарности был не только разрушен, но и осмеян. Осмеян также и принцип российского коллективизма, который, как мы уже отмечали, по определению английского историка А.Тойнби, явился ответом на вызов суровой природы. Были отброшены достижения индустриализации (без перехода к постиндустриальному обществу) путем натурализации хозяйства и демодернизации. Это — очень существенный пункт, объясняющий, почему либералами отрицалось социальное государство: эпоха индустриализма закончилась, и исчезло присущее ей государство. Либералы отрицали ту общую природу капитализма и социализма, которая связана с индустриализацией (см. I, 1). Непонимание исторической связи капитализма и коммунизма превратилось в идеологический инструмент демонизации коммунизма и направления как идеологических, так и практических-политических усилий исключительно на его уничтожение.

Если прежде социализм строился как антикапитализм, то в 90-е российский капитализм строился как антисоциализм. Как мы уже отмечали, свобода была истолкована как анархический порядок, расщепивший коллективизм до уровня негативных индивидов, не являющихся автономными и противостоящих государству. Эти люди (порядка 50 млн. чел.) поддерживали Ельцина только за то, что могли не иметь дело с государством, отрицали самую возможность солидарности с ним и перешли в своем выживании к самопомощи и кооперации, с одной стороны, к коррупции и криминалу, с другой.

Если бы разрыв с социализмом не был столь радикальным, а апелляция к западным ценностям не была бы столь мнимой (отрицающей социальное государство западных социал-демократий и принцип справедливости западного либерализма), может быть, люди были бы более цивилизованными в своем обогащении и в своем выживании, чем это случилось.

Сегодня Запад потерял интерес к России, поскольку процессы в России удовлетворили его, как и часть российской демократической общественности, распадом коммунизма, хотя и не получили ожидаемого продолжения в направлении адекватного формирования развитой рыночной экономики и институционализированной демократии. В этой обстановке научное объяснение легко вытесняется предвзятым мнением, идеологическими и обыденными стереотипами, которые и предъявили те, кто был удовлетворен ситуацией. Фиктивная самоочевидность, ведущая к бесконечной уверенности, может помешать пониманию реальных перспектив и опасностей. Можно сказать, что российские и западные ученые и политики ошиблись в своей восторженной оценке российских перспектив применения радикального неолиберализма при формировании программ социального развития.

Наш капитализм оказался автохтонным, местным, «диким», вернувшим архаичные формы обогащения. Можно ли было у нас стать богатым, получая зарплату за честный и профессиональный труд? Нет, только все виды нетрудовой, по существу антикапиталистической (по отношению к цивилизованному капитализму) деятельности получили воплощение. Либеральная опора на автономного и ответственного индивида была подменена опорой на отщепившегося от коллектива негативного индивида, к тому же обладающего безмерной жадностью и отсутствием экономической рациональности.

Сегодня способ перехода Восточной Европы в целом от коммунизма к капитализму оценивается большинством западных и российских независимых экспертов, независимых, хотя бы в том смысле, что они не участвовали в дележе собственности, как наихудший из возможных.

Как уже было показано выше, апелляция к самоочевидностям, способствующим закреплению радикально либерального понимания государства как выгодного правящему классу и самоочевидного лишь для него, требует от ученых «разоблачения»

этих самоочевидностей и обращения к опыту реального Запада, а не к его идеализированному и трансформированному образу, который был использован.

Социальное государство и гражданское общество на Западе

Не будем останавливаться на концепции справедливости в неolibеализме, теоретически представленной именами Дж. Ролза, Р.Дворкина, У.Кимлики, Ч.Тейлора и др. и практически воплощенной в систему социальной помощи, страхования, аффирмативных (поддерживающих) акций в отношении меньшинств, бедных, больных и других уязвимых социальных групп, поскольку темой является не социальная поддержка или политика социальной поддержки населения, а проблема демократического социального государства, задачи которого существенно шире.

Демократическое социальное государство представляет собой исторически определенный тип государства, реализованный западными социал-демократиями в индустриальную эпоху для поддержания классового мира, социальной солидарности и взаимной ответственности государства, бизнеса, профсоюзов и гражданского общества за благополучие, достоинство, процветание граждан и развитие социальных сфер.

Общий концепт западной демократии предполагает наличие ограничений в деятельности государства, идущих от общества. Общество, способное быть самостоятельным субъектом деятельности и благодаря этому ставить государство под особый контроль граждан, называется гражданским. Оно является самоорганизованным, структурированным, имеющим механизмы представительства и контроля над государством со стороны негосударственной сферы, политических партий, предпринимательских групп, профсоюзов и других неправительственных организаций, общественных движений, правозащитных групп и т.д.

По мере отхода социал-демократий Запада от кейнсианских трактовок роли государства в экономике, гражданское общество одновременно стало рассматриваться как общество, саморганизованное и институционализированное таким образом, чтобы сдерживать не только государство, но и рынок, не давать всему обществу быть подверженным логике рыночной прибыли. Рыночная экономика и демократическое государство функционируют при цивилизующем влиянии гражданских ассоциаций и неправительственных организаций. Сегодня это — ключевая

формула реформируемого в условиях глобализации демократического социального государства, снимающая традиционное левое и традиционно правое представление о роли государства в экономике, возлагающая на государство арбитражные и цивилизующие функции, а на гражданское общество — контроль за бизнесом и государством. Разумеется, *для таких провозглашений надо быть уверенным в зрелости гражданского общества*, его ценностей и институтов, что для России было бы преждевременным. Общая формула взаимоотношений общества и государства, представленная в концепции гражданского общества, в демократическом социальном государстве Запада принимает специфический вид.

Все задачи демократического социального государства на Западе решались посредством институционализации социального контракта между государством и гражданским обществом, а конкретно — между государством, работодателями, профсоюзами и общественными ассоциациями и неправительственными организациями. Эти отношения построены на принципе солидарности, дополняемом, в случае необходимости, субсидиарным подходом. Основой достижения солидарности государства и других социальных сфер является компромисс, т.е. способность всех участников социального контракта жертвовать частью своих интересов для рационального достижения их базовой части, а также для достижения общественного блага, понимаемого как экономический рост, улучшение благосостояния всех граждан, социальная справедливость, социальное участие, благоприятная моральная атмосфера, культурное и духовное развитие, поддержание демократических и гуманистических ценностей, развитие прав и свобод.

Государство жертвует своим всевластием, поскольку сознательно берет на себя ответственность за состояние общества и желает разделить бремя этой ответственности с работодателями, профсоюзами и общественными организациями. Работодатели соглашаются поддержать принцип обеспечения полной или приближающейся к этому занятости в обмен на уменьшения требований профсоюзов непрерывно повышать заработную плату. Профсоюзы смягчают это требование ради обеспечения полной занятости. Общественные организации смягчают критику правительства и высказывают солидарность с его политикой ради достижения общего блага. Государство сотрудничает с ними ради уменьшения бремени собственной ответственности¹⁰⁰.

Благодаря этой политике демократические социальные государства индустриального Запада превратили рыночную экономику *в социальную рыночную экономику*. Кроме того, эти государства сыграли огромную роль в консолидации демократии и сплочении общества. Эти государства обеспечили проведение эффективного курса на социальную справедливость посредством прогрессивного налога и его перераспределения. Особенно эффективной эта политика была в Скандинавских странах, достигших высочайшего жизненного уровня. Высокие налоги, взимаемые с большого бизнеса, стали основой социальной помощи и социальных услуг, обеспечили систему социального страхования и развития общественных секторов. Бизнес шел на эти условия, имея солидарность с обществом и следуя как патриотической настроенности, так и экономической рациональности. Солидарность определялась социальным государством как борьба за права человека, за равенство полов. Социальное государство брало на себя ответственность за рынок как институт инноваций, существующий наряду с другими подобными институтами — наукой, образованием, как собственно и понимался рынок классиками либерализма, такими, как Ф.Хайек. Для этого государство брало на себя функцию обеспечения свободы предпринимательства не только от государства, но и от монополий, теневых и криминальных структур, подавляющих эту свободу.

Как отмечалось в Парижской Декларации XXI конгресса социалистического интернационала (Париж, 1999), социальные проблемы должны решаться политическим путем, путем политики ответственного отношения государства к развитию таких социальных секторов, как образование, здравоохранение, пенсионное обеспечение, охрана детства и юности. К сфере политической ответственности государства Декларация относит также обеспечение государством функционирования таких общественных секторов, как энергетика, коммуникации, телевидение, сохранение окружающей среды, стремление обеспечить новый и справедливый мировой порядок, заботу о духовном и социальном здоровье общества.

Основной вопрос для западной социал-демократии, которой принадлежит идея и практика социального государства, состоит в том, возможно ли удержать социальное государство в связи с переходом общества из индустриальной фазы развития в информационную, постиндустриальную, а также в связи с процессом глобализации. Сегодня демократическое социальное го-

сударство Запада оказалось перед этими вызовами, а также перед вызовом европейской интеграции. Суть проблемы состоит, во-первых, в том, что технологические инновации, переход к «новой» (основанной на знании и информации) экономике не позволяют государству достигнуть консенсуса с профсоюзами и работодателями относительно полной занятости тех людей, чья квалификация не соответствует новым требованиям (и таких людей будет становиться все больше и больше). Прежде демократическое социальное государство Запада справлялось с этой задачей. Во-вторых, государство не может теперь удержать капитал в национальных границах, а также не в состоянии протектировать собственной экономике в должной мере. В этом — суть глобальной экономики. Еще недавно (в Ганноверской декларации немецких социал-демократов) такие усилия утверждались как обязательные, но сегодня бизнес уходит туда, где выгодно, где меньше налоги. Уже сейчас зарегистрированные на рынке Финляндии компании на 50% принадлежат иностранцам, в том числе и в тех отраслях, которые раньше являлись принадлежащими государственному сектору. Товары пересекают границу с низким налогом, а капиталы практически не облагаются им. Исчезла налоговая база социальной политики, позволявшая осуществить справедливое перераспределение доходов в социальную сферу.

Таким образом, невозможность обеспечить полную занятость и исчезновение налоговой базы делает проблему социального государства на Западе очень острой. Существуют попытки усилить его функции и сохранить старые принципы. Но победила линия модернизации социального демократического государства, представленная в концепции и политике Блэра, Шредера, Жоспена¹⁰¹. Запад не собирается отказываться от идеи социального государства, но сутью его модернизации является признание рынка, защита нерыночных социальных сфер, для чего государство усиливается, равно как усиливается гражданское общество. Государство усиливается не в сфере рынка, а, (повторим) как говорит Э.Гидденс, выше и ниже рынка¹⁰². Ниже рынка — это в сфере охраны природы, экологии, здравоохранения, демографии. Выше рынка — это в области культуры, образования, духовной жизни, ценностей.

Принцип солидарности в условиях глобализации в чистом виде провести невозможно. Его заменяет на Западе принцип взаимной ответственности государства и общества. Это означает, что люди будут нести большее финансовое бремя, *по государ-*

ство гарантирует защиту ряда социальных сфер от произвола рынка. Такова модель модернизированного демократического социального государства в постиндустриальном обществе, модель, построенная социологом Э.Гидденсом, который и полагает, что технологическим инновациям должен предшествовать и соответствовать свой уровень социальных инноваций.

Социальное государство и гражданское общество в сегодняшней России

Согласно статье 7 Конституции РФ, российское государство является социальным. Следовало бы добавить демократическим социальным. Такое определение государства не может соответствовать либеральной политике, основной принцип которой самоответственность, а не солидарность, а в российском радикально либеральном варианте, как уже было показано – индивидуализм. В сущности говоря, радикальный либерализм может быть признан противоречащим действующей Конституции по этому основанию.

Приход Путина к власти прошел под знаком усиления государства, автоматически воспринимавшимся населением как фактор наведения порядка. Закончилась революционно-романтическая и революционно-прагматическая фаза антикоммунистической революции и, как это бывает после всякой революции, начался восстановительный период, при котором возвращалось положительное старое и удерживалось приемлемое новое. У народа осталась вера в консолидирующую общество функцию государства, в патерналистскую его роль и стремление к справедливости. Термин «сильное государство», ставший частью официальной риторики, воспринимался как социальное государство, направившее свои усилия на искоренение имеющихся недостатков и приватизацию власти со стороны олигархов и губернаторов. Были предприняты меры по укреплению властной вертикали, деприватизации власти, приведения законов автономных республик в соответствие с федеральными законами, проведена партийная реформа, позволившая осуществить большую консолидацию общества вокруг власти.

Программой Грефа, однако, и реализующими ее законодательными инициативами и практическими действиями никаких проектов на левом фланге предложено не было. Программа Грефа без социальной корректировки представляет собой типич-

ную либеральную программу, которая, по мнению многих, повторяет проект Гайдара 1991–1992 годов и молодых реформаторов 1997–1998 годов. Ее положения о всестороннем развитии, звучащие чуть ли ни коммунистически, не должны вводить в заблуждение. Максимум, о чем здесь идет речь, это о многообразии экономических инициатив. Социальные намерения власти, как они предстают в программе Грефа и законодательных инициативах опираются на два источника — субсидиарность и самоответственность.

Как по существу уже было показано, субсидиарное государство — это государство, ресурсы которого позволяют принять максимальное участие в социальной помощи населению и в защите его от социальных рисков. Солидарность — это концепция социального государства индустриального общества, утверждающего возможность классового компромисса и обеспечивающего его достижение активной социальной политикой в сфере заработка, социального обеспечения и помощи, смягчения действий рынка в области здравоохранения, образования, транспорта, жилья и пр. Самоответственность — это политика либерального государства, которая возлагает решение социальных проблем на самих граждан. *В новом лейборизме она предстает как политика модернизированного социального государства, которое защищает общество от чрезмерного вторжения рынка и его эксцессов, оставляя нерыночные сферы.* Эта политика принята по настоящему только в Британии, самой развитой стране капитализма, но там утверждается и выполняется взаимность ответственности граждан и государства посредством гражданского общества, которого в России нет. Именно его развитость позволяет Британии активно использовать эту модель в отличие от других государств. Даже в США существует огромная ставка на субсидиарность и солидарность, выражаемая в поддержке бедных и маргинальных слоев, иммигрантов, инвалидов, этнических групп — афроамериканцев и латиноамериканцев.

*Стратегическая цель новой социальной политики в России сегодня определяется как переход к устойчивому социальному развитию через взаимную ответственность государства и человека*¹⁰³. Ясно, что эта формулировка отличается даже от самой радикальной трактовки модернизированного социального государства Запада — английского премьер-министра Т.Блэра, в которой утверждается взаимная ответственность государства, общества и индивида, дополняемое отсутствующими у нас требованиями ответ-

ственного капитализма, достижения общественного блага, новых форм социального контроля, восстановления в правах понятия социального равенства, обеспечения не только устойчивого, но и прогрессивного развития. Российский (грефовский) «вариант», смягчающий позиции лишь самых бедных, в отношении которых государство намерено быть в какой-то мере субсидиарным, в отношении остальных предполагает лишь превентивные меры, которые бы предупреждали безработицу и смягчали последствия массовых увольнений.

Откуда в России взялась проблема неполной занятости, взаимной ответственности? Как уже было показано, они возникли на Западе в связи с переходом в постиндустриальное общество и глобализацией. Россия не вступила в эту фазу развития, сектор новой экономики здесь не является преобладающим. Она не реагирует и на глобализацию как новый тип социальной трансформации. Находясь в фазе индустриального развития, она, вместе с тем, не может сегодня ставить вопрос о том, чтобы догнать постиндустриальный Запад, а тем более о догоняющих моделях модернизации в политике.

Более адекватной формой российского государства может быть не модернизированное социальное государство постиндустриального периода, а социальное демократическое государство эпохи индустриализма, описанное в предыдущем параграфе, государство, на формирование которого оказал влияние российский социалистический опыт. Нам необходим социальный консенсус, ограничивающий бегство капитала, поскольку страна не вступила и в фазу активного участия в глобальной экономике. Россия не может перейти к модернизированной схеме социального государства английского типа, поскольку в ней не построено гражданское общество, нет ответственного и готового заместить государство в социальных проектах бизнеса, нет условий для самоответственности граждан и даже для нормальной оплаты профессионального труда, позволившей бы провести намеченные реформы жилищно-коммунальной сферы, образования и здравоохранения.

Страна нуждается в разработке функций социального государства и создании блока социальных программ, которые бы удовлетворяли потребность населения в справедливости и возможности зарабатывать по труду. Существующие политические разногласия, неконсолидированность демократии подчеркивают необходимость солидарности, а не взаимной ответственности человека, которому негде заработать на профессиональной основе, и государства, которое ни за что не хочет отвечать.

Судя по всему, на сегодняшней фазе развития идеи социального демократического государства в России его модель списывается с модернизированного социального государства Блэра, хотя для этого в России, как мы уже отметили, нет ни малейших оснований. Английский вариант трансформации социального государства с трудом проходит в Германии (министр финансов Лафонтен подал в отставку, считая его неприемлемым, были проблемы переизбрания у Шредера, Лафонтен не победил на выборах), не воспринимается как приемлемая в других странах. В индустриальной и доиндустриальной России, в которой недофинансированный научный сектор не может перевести страну на постиндустриальные рельсы, где нет дорог, где покупка квартир недоступна среднему классу, не говоря уже о бедных слоях населения, откуда эта идея о самоответственности граждан за свою судьбу, а не о соответствующей нынешней фазе развития страны необходимости социального государства? Говоря словами одного из специалистов по проблеме социального государства, в России осуществляются «льготы вверх ногами», т.е. поддержка богатых (например, 13% налог, а также гарантированное закрепление ранее приобретенных социальных и материальных преимуществ). Классовая сущность такого государства бросается в глаза.

Однако в России, как и в мире, классы умирают. Если бы это были классы, концепция социального государства автоматически вызрела бы под напором классовой борьбы и желания найти классовый компромисс. Российское общество не структурировано и тем, кому в порядке перевернутых льгот предоставляют стыдливо прикрываемое право навеки владеть захваченным в период грюндерства — это не класс. Игнорируется проблема социальной ответственности верхнего слоя. Вот в чем вся драма переживаемого момента. И потому революционное негодование сегодня не годится. Надо разбираться, предлагать правительству альтернативы, стремиться показать обществу и власти, что без программ на левом фланге, выработанных нынешним правительством, нас ждет новая шоковая терапия, которую, может быть, выдержит средний класс Москвы и Петербурга, но не выдержит народ. Каков шанс роста зарплат в сфере, не связанной с мелким бизнесом и характеризующейся инновативностью? Е.Гонтмахер (как рупор правительства) пишет, что «в долгосрочной перспективе дешевизна рабочей силы будет неизбежно культивировать отстающие производства и кон-

сервировать неэффективную структуру рабочих мест»¹⁰⁴. Он забыл добавить, что в Англии. Ибо в России именно труд на уровне экономической адаптации — купля, продажа, натуральное хозяйство, псевдодеятельность разных консалтингов оплачивается, и при этом подходе реконструкции страны будет оплачиваться выше труда ученых, инженеров, учителей, врачей. В Индии, в Бангалоре, как мы уже отмечали, есть своя Силиконовая долина, а в нашей экономике мелкий бизнес снова воспроизведет ельцинский анархический порядок, демонстрируя при этом витальность населения, но полный отход от стратегических целей развития страны: депрофессионализацию вместо непрерывной перепрофилизации, уход в низкотехнологические производства. Мелкий и средний бизнес необходим, но нельзя не выступить против тех надежд на него, которые возлагает наше правительство. А без источников легального профессионального заработка невозможно полагаться на способность населения оплатить жилье, образование, здравоохранение.

Термин «сильное государство» нельзя спутать с понятием «социальное государство». Скорее его можно понять как государство, готовое к силовому варианту догоняющей модернизации и к проведению шоковой терапии.

Какие есть альтернативы?

Кроме программы Грефа, в Думе обсуждалась программа губернатора Хабаровского края В.Ишаева. Это — очень интересная программа, и она представляет собой не простой набор каких-то заключений по разным сферам социальной жизни, а некую выстроенную систему, в которой все начинается с необходимости консенсуса и увеличения роли государства в экономике. Программа Ишаева не была принята Думой как слишком кейнсианская и способная затормозить рынок.

Наиболее сильным критиком программы Грефа является М.Делягин. Спор все время идет между критиками и сторонниками программы Грефа по двум вопросам: роль государства в экономике — и, второе, — способность государства быть социальным. Делягин, во-первых, никаких отличий от старой гайдаровской программы, программы молодых реформаторов не видит. Во-вторых, он считает, что государство не сознает своей роли как агента реконструкции, что оно в основном использует фискальную монетаристскую программу, почему и уходит от

социальных проблем, вместо того, чтобы провести реструктурирование экономики, структурную реформу и относиться к естественным монополиям не как к источнику доходов, а как к источнику развития. Он критикует правительство за то, что 2000 год успешного накопления средств за счет высокой цены на нефть не стал прорывом в развитии.

Не останавливаясь на разных вариантах критики программы Грефа, отметим следующее: в первый год правления Путина была произведена попытка освоить достижения Запада, мировые тенденции и на этой базе сформировать национальную модель модернизации. Разумеется, такой проект нуждался бы в детальной разработке. Важным в нем было признание рынка и нацеленность на построение социального государства. Его слабостью — невнимание к строительству гражданского общества.

Во второй год правления Путина возобладала либеральная, догоняющая модель, отрицающая социальное государство, заменяющая его правовым. Но государство в России никогда не станет правовым, если оно не будет социальным. С теоретической точки зрения догоняющая модель не применима сегодня из-за изменения самого Запада и невозможности рассматривать Запад как универсальный образец. Удивительно то, что, копируя западные образцы модернизированного социального государства, авторы копий выкидывают самое социальное государство. Формулировки «третьего пути» приобретают чисто либеральную трактовку.

Подлинная альтернатива — цивилизованный рынок

Мы прошли поворотный пункт, за которым вернуться к прежнему режиму труднее, чем идти вперед. Вместе с тем, необходимо признать несовершенство российской демократической системы и рынка. Даже если рассуждать в терминах транзитологии, идей, которых мы не разделяем, но которые явно и неявно обычно присутствуют в дискуссиях, то придется признать, что Россия находится на начальной фазе перехода к демократии, а именно на стадии либерализации, когда нет еще ни социальных пактов, ни консолидированной демократии, которые порой приписываются российскому демократическому процессу. Сегодня мы должны признать несовершенство демократии, но еще большее несовершенство рынка. Мы не хотим спорить о терминах,

есть рынок или нет. Но при первой же попытке быть точными, приходится говорить о том, что несовершенство рынка таково, что его более правильно назвать квазирынком.

Идеи экономической свободы преобладают в обществе над идеями демократии, что неверно. Но, если следовать общественным настроениям, приходится признать, что большинство принимаемых сегодня правительством проектов и программ, таких как реформы трудовых отношений, жилищно-коммунальной сферы, медицинских услуг, модернизация образования, изменения политики в отношении малого и среднего бизнеса являются *реакцией на квазирыночные отношения, их отражением, не содержащим перспектив преодоления их наличного состояния и укрепления цивилизованного подлинного рынка*. В социальном плане они не способствуют укреплению среднего класса.

Например, трудовое законодательство — это следствие отсутствия рынка труда. По мнению Ю.Лужкова, средняя зарплата москвича составляет 250 долларов в месяц. Это — нечто вроде средней температуры по палате. И всем ясно, что и в Москве, и в других местах нет возможности заработать на основе профессионального квалифицированного труда, особенно интеллигенции — учителям, врачам, инженерам, работникам госбюджетной сферы, и рынок имеет очень искаженный, непроизводительный полукриминальный коррумпированный характер с неадекватной оплатой, деланием денег из воздуха. Трудовое законодательство не запрещает такой рынок труда и не изменяет его, а просто закрепляет существующее положение.

Возьмем жилищно-коммунальную реформу. Эта реформа не случайно отодвинута. Населению негде заработать — раз. Второе. Мы знаем, сколько бы мы ни платили, ничто не улучшится: придет сантехник и скажет, что трубу надо замотать скотчем. Третье. Половина жилья совершенно не подлежит ремонту, оно нуждается просто в сносе. Следовательно, демонополизация сферы жилищных услуг не изменит ситуацию. Нам нужен рынок жилья, где конкуренция привела бы к снижению цен на него и сделала бы покупку жилья доступным населению. Хотя сегодня действует предписание А.Починка о том, чтобы жилье в Москве продавалось по рыночным ценам, без учета заслуг и применения социальных льгот, цены являются монопольными, и нормальный рынок жилья отсутствует. Приведем пример. В - Москве трехкомнатная квартира (необорудованный бетонный блок) продается этому символическому гражданину с 250-ю дол-

ларами месячной зарплаты за 80–90 тысяч долларов. Из чего складывается эта цена? Бетонный блок таких денег не стоит. Работают там «рабы» — незарегистрированные в Москве, а значит нелегальные рабочие с Украины, Молдавии, Литвы, из российской провинции. Живут они в ужасных условиях часто на самих стройках, получают копейки, обираются рэкетом, хозяевами, милицией. Сегодня будет можно сослаться на дороговизну земли, но до сих пор она не продавалась. Процент отчисления квартир в муниципальную сферу не возвышает стоимость квартиры до означенной суммы. Огромная цена квартир — это поставленная монополистом цена. Значит, складывается ситуация, когда жилищно-коммунальная реформа производит перекладывание ответственности на плечи населения, не способного вынести груз этой ответственности, и ничего не делает в отношении жилищных монополистов. Кстати, Б.Н.Ельцин в период своего пребывания в Госстрое сообщил на выступлении в Институте философии РАН о новой жилищной политике, которую он осуществит, открыв рынок хорошего, но дешевого жилья с помощью немецких фирм. В начале 20-х годов студент Гарварда Льюит покинул университет и начал производить относительно дешевые дома (6–8 тыс. долларов) без фундамента, на бетонном основании, продажа которых стала массовой и произвела американский средний класс. Позже этот класс поддерживался кредитной политикой государства, тем, что дома стало можно покупать в долг, а не платить чистоганом по монопольным ценам. Жилищно-коммунальная реформа без демонополизации жилищного строительства и кредитной политики государства уничтожает средний класс.

Конечно, это — тогдашние 6 тысяч долларов и, может быть, они равны сегодняшним 80 тысяч долларов. Но ведь речь идет об американцах, которые в ту пору получали примерно 1000 долларов, а не о наших людях, даже в Москве получающих мизерные зарплаты, не говоря уже о бедности провинции.

Реформа образования и медицинских услуг открывает дорогу к криминализации, к процветанию авантюристов. Положительные примеры не могут закрыть преобладающего мотива частного образования — наживы. Десятки неготовых к этому виду деятельности университетов открываются и лопаются как мыльные пузыри. Конечно, попытка поощрить частное образование выводит из тени коммерческое использование государственных учебных заведений коррумпированными чиновниками. Но оно

плодит новые формы криминальной и теневой деятельности. Любой из нас может назвать некоторые низкопробные частные университеты, в том числе функционировавшие без лицензий и аккредитации, проворовавшие деньги, внесенные студентами, открывающие даже медицинские и психологические факультеты, укомплектованные не специалистами, а всевозможными экстрасенсорами и самозванными психологами. А между тем, образование — это сфера наших достижений, с которой мы могли бы выйти на глобальный рынок. Как известно, Америка процветает в сфере образования благодаря тому, что она обучает иностранных студентов. Достаточно сказать, что 100 тысяч китайских студентов учатся в Америке. Мы знаем профессора и чиновника из Женевы, которому швейцарское правительство поручило перейти к продаже образования за рубеж отчасти даже взамен традиционного швейцарского экспорта часов, ювелирных изделий и пр. А ведь российское образование и медицина имеют престиж в мире, и услуги в этой сфере можно продавать на Запад, где они слишком дороги, и на Восток, где они недостаточно качественны. Многие иностранцы, в том числе из США, Китая, стран СНГ готовы платить у нас меньшие деньги за высококачественное образование. Например, вьетнамцы, которые у нас учились бесплатно, сегодня могли бы платить. Модернизация образования в предложенном варианте не приведет к выполнению образованием таких важных социальных функций как эгалитарная (увеличения социального равенства) и будет мало способствовать формированию новой элиты (осуществлению им второй важной функции — элитарной), а главное, не позволит при отсутствии рынка труда квалифицированной рабочей силы реализовать главную социальную функцию образования — производство среднего класса. Реформа образования ориентируется на очередной виток полукриминальной приватизации.

Реформа малого и среднего бизнеса пытается освободить рынок от коррумпированных чиновников. Это важно сегодня. Советник Б.Н.Ельцина А.Ослунд писал, что русские... поняли, что деньги надо вкладывать туда, куда тебе шепнет изложить друг из правительства. Подобная ситуация и подобная репутация далее нетерпимы. Но полное снятие всех форм контроля со стороны государства усилит контроль криминала за рынком. При всем том, что идет разговор о снижении всяческих барьеров для малого и среднего бизнеса, не сделано ничего для декриминализации этого бизнеса и не сказано о том, что государство спо-

собно этот бизнес защитить. Задача защиты рынка от криминала и монополий — это задача государства, а не только правоохранительных органов, тем более, что правоохранительные органы ведь тоже считает, что население само себя может охранять: нанять частных охранников, в домах завести консьержей за деньги жильцов и пр. Приведем аргумент, подтверждающий «перспективу» дальнейшей криминализации малого и среднего бизнеса: отсутствие лицензий в полиграфической отрасли способствовало росту огромного рынка фальсифицированных лекарств из-за того, что любая упаковка сегодня может быть подделана. Можно предсказать колоссальное увеличение пищевых отравлений при новой политике в отношении малого и среднего бизнеса. Вспомним, что произошло в 90-е в связи с открытием возможности частного производства водки, сколько смертей. Реформе малого и среднего бизнеса не предшествовали законодательные акты, ограничивающие своеволие и злоупотребления в данном бизнесе. Кроме того, она вовлечет неквалифицированный слой граждан. Даже разбогатеет, они не станут ядром среднего класса, которое во всем мире составляет образованное зажиточное население.

Обычным аргументом в пользу этих реформ является утверждение, что у государства нет денег, а также нет краткосрочных и среднесрочных источников дохода. Позволимю себе с эти не согласиться.

Среднесрочные источники экономического роста — это рынок и образование, это открытие новых рынков, выход на глобальный рынок с неожиданными технологиями и уникальным продуктом. Главная функция социального государства в России состоит в том, чтобы сделать рынок свободным не только от государства, чего еще не достигнуто, но и от криминала.

На наш взгляд, в стране имеются среднесрочные источники ресурсов, которые могут лежать в сфере трудового рынка, демополизированного рынка жилья, в сфере международного рынка образования и медицинских услуг. Краткий и среднесрочный источник номер один — создание банка, относительно которого вкладчики могли бы быть уверены, что он лопнет только вместе с государством, что государство дает гарантии сохранения вкладов. Тогда инвестиции пойдут и вывезенный капитал вернется. На Запад вывезено, начиная с 1991 г., 300 млрд. долларов. Сколько это «планов Маршалла», подаренных Россией Западу? План Маршалла был 13 млрд., в сегодняшних ценах это примерно 100 млрд., т.е. примерно три «плана Маршалла».

Часто высказываемая мысль, что рынок закрывает возможность существования социального государства в сегодняшней России, для нас не верна. Мы полагаем, что рынка, который закрывал бы эту перспективу, в России нет. Дорогу социальному государству старого типа в Европе закрыл не внутренний рынок, а глобальный рынок, ибо капитал начал уходить из своих стран, и нельзя уже было собирать высокие налоги с их последующим социальным перераспределением. Однако и в Западной Европе социальное государство видоизменяется, приспособляясь к рынку, больше опирается на гражданское общество, переходит к формуле взаимной ответственности общества, государства и индивида, которая, как было отмечено, для нас преждевременна из-за отсутствия гражданского общества. Возможно, у нас социальное государство должно тоже как-то модифицироваться, но не так, как в Западной Европе, а отвечая на наши реалии. Однако отрицание социального государства в России антиконституционно, ибо согласно 7-й статье Конституции государство РФ — социальное государство. И главная функция социального государства сегодня — создать подлинный рынок, декриминализировать его. Какая модель декриминализации и социализации может быть применена или изобретена, сегодня не ясно, над этим надо работать. Но, например, ордолиберализму — известной модели послевоенной Германии — может быть найдено некоторое применение в России, хотя денежная реформа Эрхарда не пройдет из-за открытости рынка для иностранных валют.

Что касается внешней политики, как кажется, она продолжает внутреннюю, считая внутренние реформы либеральными. Ведь очень многие пишут, что произошло второе издание либеральных программ Гайдара, и мы полагаем, что Америка должна нас заключить в свои объятия по этой причине. Мы порой считаем, что наше желание быть частью Запада настолько священо, что нас за это Запад должен поощрить. Но Америка знает, какой на самом деле у нас рынок и какая на самом деле демократия. И по этой причине она может нас считать лишь младшим партнером или не считать партнером вообще. Мы вовсе не хотели бы одобрить поведение американцев, которые, когда еще не были убраны трупы в Афганистане, где мы были активными участниками антитеррористической коалиции, не приняли Россию в НАТО, объявили программу противоракетной обороны. Они могли бы сделать это хотя бы на месяц позже, если уж

они так хотели. Мы не всю проблему обсуждаем, а только часть нашей способности к цивилизованному капитализму, которая упущена, которая продолжает оставаться неосуществимой.

Социальная консолидация и политический центризм

Потеря рейтинга СПС, чьи проекты до сих пор являются приоритетными, менее, чем до 6%, является серьезным сигналом социального недовольства населения, опасности падения рейтинга Президента, а события в Воронеже, выход 20 тыс. коммунистов, в том числе и молодежи, на Первомайскую демонстрацию в Москве свидетельствует о том, что обстановка накаляется. Нельзя исключить и аргентинский вариант развития событий при резком введении тех мер реформирования, о которых было упомянуто выше. Политические решения не обеспечивают улучшения ситуации, а потому складывается ситуация, когда необходима известная доля утилитаризма, который бы способствовал улучшению жизни в обществе, а не достижению таких «измов».

Можно назвать три таких утилитаристских проекта, которые являются продуктом социальных исследований и некоторой политической практики, а не обыденной очевидностью¹⁰⁵.

Можно выделить три, так сказать, утилитаристские задачи для России.

I. Соединение концепций и реалий свободы и блага.

II. Цивилизация рынка.

III. Политический центризм.

Наш капитализм — антивеберский, нецивилизованный, построенный на алчности, а не на экономической рациональности. Он одновременно антихайкевский в том отношении, что в нем не формируется система конкуренции. Ведь рынок — это один из главных институтов инноваций, существующий наряду с наукой и образованием. Часто задается вопрос: «Ну и что? Все равно какие-то позитивные процессы в нем вызревают, постепенно он цивилизуется, а веберовским и хайкевским он быть не может». На вопрос «ну и что?» невозможно отвечать, потому что его задают те, кто уже сделал выбор, и те, для кого личная или партийная повестка дня не совпадает с общественной. Да, нет причин для формирования в России капитализма на тех основах, которые были у западного капитализма, но государственные решения должны быть направлены на его совершенствова-

ние, а не на закрепление его несовершенств. Возможно, у нас имеются собственные цивилизующие капитализм ресурсы, которые не используются. И реформы, проводимые в стране, должны быть ориентированы на то, чтобы свобода не разоряла людей, а способствовала росту их благосостояния. Именно в этом и состоит наше предложение.

Политический центризм является сегодня наиболее приемлемой программой, которая реализовалась или провозглашена в трех случаях:

- а) первый год правления В.Путина;
- б) в концепции «третьего пути» Блэра, Шредера, Жоспена;
- в) в предложении группы южнокрейских специалистов и поддерживающей их части общества.

Прежде чем высказать общее мнение о нем, рассмотрим эти примеры.

Победа Путина на выборах имела принципиальное значение¹⁰⁶. В течение предшествующего десятилетия поддерживался переход из одной крайней точки политического спектра — коммунизма в другую — в радикальный либерализм. Для того, чтобы не произошёл откат назад, элиты поддерживали Ельцина. Путин победил на выборах, закрепившись на левом фланге политического спектра правее левого края. За него голосовала часть коммунистического электората. Совершенно очевидно, что он перехватил идеи и националистов, и коммунистов. Он впервые за много лет сказал, что народ живет плохо. Выдвинул некоторые социальные идеи, высказался по поводу нравственного состояния общества, выступил с патриотических позиций.

Но Путин этим не ограничился, установив свой форпост левее крайнего фланга либеральной части политического спектра (Греф с его программой). Таким образом, были обрезаны политические крайности слева и справа. Путина поддержали люди, которые не хотели возврата коммунизма, но не могли больше жить, как при Ельцине. Складывалось впечатление, что Путин знаком с немецкой моделью ордолиберализма, с помощью которой была восстановлена послевоенная Германия. Его победа и мероприятия первого года выглядели как попытка найти «третий путь», лавируя между либеральным и социалистическим подходами и опираясь на широкий национальный консенсус. Это было похоже на политический курс. По крайней мере, возникли ожидания, что командой Путина будет разрабатываться не только программа Грефа, но и блок социальных программ на

левом фланге. В итоге это могло привести не только к сужению амплитуды колебания политического маятника, но и к гражданскому согласию на основе сближения целей левых и правых и их совместной работы по подъему страны.

Подводя итоги первого года, многие политологи утверждали, что Путин, действительно, разрушил ельцинский социальный контракт с небольшой группой людей справа и установил контракт с большинством населения; что он озабочен социальными вопросами и проблемой национального статуса России; что, как считал А. Ципко, он преодолел синдром угнетенного национального сознания. Его критиковали только за то, что стратегические цели не выявлены и что окружающие его люди не имеют профессионального менеджерского опыта, что они — в основном люди из спецслужб. Предсказывалось, однако, что спецслужбы впредь сменятся компетентными образованными бюрократами, которые подготавливаются в высших учебных заведениях. Отсутствие ясных целей, преобладание заботы о политическом мышлении (в чем упрекнул Путина журнал «Тайм») были понятны, если не забывать, что Путин пришел после Ельцина, при анархическом социальном порядке, отсутствии коллективных представлений и должен был сначала «навести порядок» в головах, в сфере понимания некоторых политических принципов.

Однако второй год президентства Путина был во внутреннем плане представлен преимущественно программой Грефа и реализующими ее законодательными инициативами и практически действиями. Никаких программ на левом фланге обнаружено не было. Программа Грефа без социальной корректировки слева представляет собой типичную либеральную программу.

Центризм «третьего» пути описан в II, 4. Его суть — движение лейбористов и социал-демократов в сторону признания глобального рынка (сдвиг вправо) и модификации социального государства исходя из принципа перехода к взаимной ответственности общества и государства.

Третий пример -- проект реформы либерализма в проекте южнокорейских интеллектуалов [II, 3]. Он выражает интересы тех слоев общества, которые требуют реформы корейского неолиберализма в направлении сдвига в сторону социальных программ, принципов социальной справедливости, учета культурных особенностей, которые с учетом или без, все равно действуют на национальной сцене и освободиться от антигосударственничес-

ких настроений, ибо государству в Южной Корее необходимо выполнять социальные функции и некоторые другие функции в экономике.

Три примера показывают разные формы центризма как залога социального консенсуса и единой повестки дня для партий, социальных групп и общества.

Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ...

Положение России в современном мире остается проблематичным: кто мы — великая держава, правопреемница СССР, обязавшаяся выплачивать его долги, а заодно и долги царской России, «забыв» при этом вернуть долги собственным гражданам, или бедная родственница, не сумевшая рассчитаться со старыми долгами, но уже протягивающая руку за новым вспомоществованием; великая страна, Евразия, раскинувшаяся от Балтики до Тихого океана, от Таймыра и Чукотки до снежных вершин Кавказа, или страна, в одночасье утратившая около 40% своей территории? Кто мы — страна европейской демократии, исповедующая либеральные ценности, или традиционалистское общество, тяготеющее к исконным ценностям в духе «самодержавия, православия и народности», где обличенного властью самодержца заменил безликий Молох Государства, а народ, именем которого клянутся все, по-прежнему остается «безмолвным» объектом «патриотического воспитания в спартанском духе» и других испытаний на прочность? Кто мы — общество равных возможностей или «общак» во главе с авторитетами, которые никак не могут переделить «по справедливости» собственность и власть? Но главный вопрос все же в другом: куда мы движемся, есть ли у нас свет в конце туннеля, и что это за свет: блуждающий обманчивый огонек, или свет вновь восходящего солнца, призывающий к пробуждению и творчеству?

До недавнего времени единственным методологическим основанием исследования и прогнозирования социального развития оставалось марксистско-ленинское учение о преимуществах коммунистического развития общества как высшей фазы мировой цивилизации. Эти преимущества должны были раскрыться в соревновании двух мировых систем, которое в конце 60-х гг. приняло форму гонки вооружений с Соединенными Штатами. Усилиями американского руководства ей был придан форсированный, изнуряющий нашу экономику характер. Это был от-

крытый «вызов» социалистическому лагерю во главе с Советским Союзом. Вызов не остался без «ответа». В результате гонка вооружений приняла характер «холодной войны», балансирующей на грани с «горячей войной». Увы! если в «горячей войне»

Отечественной войне 1941–1945 г. – социалистическая система полностью проявила свои преимущества, то в мирном соревновании, или холодной войне, она потерпела сокрушительное поражение, обнаружив свою экономическую несостоятельность и политическую неповоротливость. Научную несостоятельность обнаружила и марксистско-ленинская идеология, не сумевшая ни предсказать, ни тем более предупредить надвигающуюся катастрофу социалистической системы.

К анализу сложившейся ситуации, которая к тому же не стоит на месте, приступили патентованные аналитики, выстраивая различного рода скорострельные «сценарии» возрождения России, которые менялись каждый раз с эшелонированием нового отряда властвующей элиты. Не отрицая ценности сценарного подхода, отметим его прагматическую заданность, а это требует объективного постанализа.

В познавательном-критическом отношении более перспективными представляются методы интерпретации, не обремененные ни идеологическими, ни прагматическими наслоениями. К их числу, в нашем случае, следует отнести системный подход и компаративистику. К этому же типу познавательных средств можно отнести социально-исторический механизм «вызов-ответ», предложенной в свое время А.Тойнби¹⁰⁷. Привлекательность и конструктивность этого приема в том, что он позволяет связать оба мира — современный западный мир, определяющие характеристики которого все еще задает Атлантическая цивилизация во главе с США или, как PAX AMERIKANA и наш Российский мир, находящийся в состоянии непредсказуемых флуктуаций и тем самым так же бросающий свой «вызов» «упорядоченному» западному миру.

«Вызов-ответ» связывает настоящее с прошлым и с будущим. С одной стороны, прошлое есть та реальная база, на которой произрастает настоящее, при чем имеется в виду не только «сбывшееся», но и «несбывшееся» прошлое как один из альтернативных вариантов для построения настоящего. Но с другой стороны, прошлое хватается настоящее за ноги или, более того, возвращается в настоящее в облике бесплотных и потому особенно соблазнительных утопий. «Вызов-ответ» роковым обра-

зом связывает настоящее с будущим, когда настоящее приносится в жертву будущему как должному, причем эта жертва может оказаться напрасной, а будущее — новой несбыточной иллюзией. Хотя пространство жизненного «ответа» на вызов современности катастрофически сужается, наподобие шагреновой кожи, такой ответ должен быть найден. Не может уйти в небытие страна с великим историческим прошлым и высокой современной культурой. Но этот ответ должен опираться не на идеологические заготовки, а на те реалии, которые оставила испытывающая нас на прочность история.

Среди различных вариантов исторического «вызова» Тойнби выделяет «вызов Дьявола» как наихудшее стечение внешних и внутренних обстоятельств, усугубленное неадекватным «ответом» оппонента¹⁰⁸. Любопытно, что Н. Винер различает вызов дьявола как хаос и беспорядок, что близко пониманию Августина, и вызов дьявола манихейцев, в чем-то аналогичного его исламскому двойнику — шайтану, как преднамеренное тотальное зло¹⁰⁹.

Как правило, такого рода тотальный «вызов» порождает нарушение всех существующих привычных связей и отношений. И, однако же, социум, в частности, Российский мир, не может уклониться от «вызова Дьявола», ибо это чревато не только утратой идентичности, но и самого его существования. Поэтому «вызов Дьявола», как бы он ни был суров и безнадежен, требует от социума напряжения всех сил и неординарного «рискового» (не гарантированного) ответа, рискованной коллективной деятельности¹¹⁰, ибо ставкой здесь является *бытие или небытие* страны.

Конечно, «вызов Дьявола» — понятие метафорическое. Этот вызов может быть расщеплен на ряд самостоятельных негативных обстоятельств геополитического, экологического, социального, внешне — и внутривосточного, культурно-идеологического порядка. Каждое из них бросает свой «вызов», требующий мобилизации сил для ответа, но, действуя в совокупности, они порождают Смуту, лишая социум ориентиров социального действия. Вызов Дьявола, то есть стечение и взаимодействие неблагоприятных природных и социальных обстоятельств может оказаться чрезмерным для данного народа. Тогда, по определению Л. Гумилева, происходит утрата им пассионарности. Государство, представляющее данный народ, теряет способность к сопротивлению обстоятельствам и развитию. Попав под чье-то покровительство, оно может еще существовать достаточно долго, но его влияние на историческое развитие мира окажется

ничтожным. Оно, как правило, используется другим государством в качестве источника сырья или, напротив, в качестве свалки для отходов цивилизации, или, наконец, в зависимости от благоприятных географических условий, в качестве санаторно-спального района, где все местное население превращается в «обслужу». Раз согласившись с подобными условиями существования, государство или социум попадают в некую привычную зависимость, преодолеть которую бывает слишком сложно. Неспособность нации, государства своевременно и адекватно ответить на «вызов» неблагоприятных и даже чрезмерных обстоятельств ведет к их деградации, к утрате воли к развитию и исторической инициативы.

В течение тысячелетнего развития России в ее истории были и взлеты, и падения. Но всегда, даже в самые безвыходные моменты своей истории, она находила достойный ответ на вызов истории. Три раза Россия попадала в, казалось бы, безвыходные ситуации, которые могут быть охарактеризованы как «вызов Дьявола». Это — Смута, вызванная татаро-монгольским нашествием, «ответом» на которую стало единение русского народа на Куликовом поле: Смута 1612 г., когда Россия на время утратила свою государственность, но восстановила ее в новом качестве благодаря творческому ответу русского народа, организованному усилиями Кузьмы Минина и князя Дмитрия Пожарского; и Смута гражданской войны 1917 г., когда невозможно было определить, кто кому бросает вызов и кто кому отвечает. Победителем в этой Смуте оказались «красные», партия большевиков. Она и дала «ответ», какой быть России. И этот ответ продержался 70 лет. Однако советское общество, вынесшее испытание Отечественной войны не смогло ответить на вызов постиндустриального общества. В результате сегодня мы переживаем четвертый такого рода «вызов Дьявола».

Впрочем, следует согласиться с Н.Н.Моисеевым, что катастрофу и распад Советского Союза нельзя объяснить «только слабостью организации псевдосоциалистической экономики СССР. То, что произошло в нашей стране — лишь фрагмент перестройки мировой системы»¹¹¹.

Истоки современного кризиса социалистической системы специалисты относят к технологической модернизации 60–80-х годов, связанной с развитием энергосберегающих технологий и информатики. Тогда были заложены основы постиндустриальной экономики с переходом ее от национальных форм к транс-

национальным корпорациям (ТНК), которые не признают границ. Советский Союз слабо прореагировал на этот «вызов» современности. Мы остановились где-то на полпути научно-технического прогресса, на уровне громоздкой, дорогостоящей индустриализации. Лишь в военной промышленности, связанной с гонкой вооружений, был сделан прорыв в области передовых технологий. Но, во-первых, этот прорыв, реализация военно-стратегических идей, совершался на уровне устаревшей технической базы и потому обходился слишком дорого, так как требовал доработки буквально вручную, наподобие тульского умельца, подковавшего блоху. И, во-вторых, эта сфера передовых технологий оставалась сверхсекретной, закрытой не только для потенциальных конкурентов западного мира, но и для отечественных разработчиков и производителей в системе массового производства. Так в стране образовалось два уровня научно-технического развития: модернизация некоторых отраслей военно-стратегического производства, тяготеющая к неомодернизации, и тяжеловесная энергоемкая и дорого стоящая индустриализация в сфере массового производства, которое формировало и соответствующий тип рабочей силы.

В этом же направлении действовала и политика форсированного расширения границ социалистического лагеря и сферы его влияния. Оба эти фактора стали причиной системного социально-экономического кризиса Советского Союза, симптомы которого стали очевидны в 80-х годах. Усугублению ситуации способствовала, как уже отмечалось, эскалация гонки вооружений, развязанная правящими кругами США в президентское правление Рейгана и специально направленная на экономическое подавление Советского Союза как наиболее опасного противника мировому господству США. Не сумев выдержать брошенного США «вызова», на фоне которого резко обозначились противоречия усилившегося внутреннего кризиса, Россия, утратив чувство реальности, еще больше замкнулась в сознании своей исключительности. Проявлением этого кризиса стала война в Афганистане.

Кульминационным моментом системного кризиса и «ответом» на него следует, по-видимому, признать, вывод М.С. Горбачевым советских войск из Афганистана, провозглашенное и реализованное им снятие «железного занавеса», предметным символом которого служила «Берлинская стена», провозглашение принципов «гласности» и «перестройки» внутри страны. Тем

самым было снято напряженное состояние «холодной войны», которая в любой момент могла перерасти в «горячую». «Ответ» первого Президента СССР на противостояние (балансирование) двух мировых систем над пропастью был настолько неожиданным, что он потряс весь цивилизованный мир.

«Ответ» Горбачева поставил точку в затянувшейся агонии мировой социалистической системы. Он создал для нас сферу свободы, открытости по отношению к мировому сообществу, положил в основу социального развития права человека. Однако, если провозглашенный им принцип «гласности» сразу же принес свои плоды, то модель «перестройки» реального социализма в «социализм с человеческим лицом» оказалась очередной утопией. «Дьявол» явно зло подшутил над «прорабом перестройки» и над нами. Социалистический мир рухнул, и обустроить Россию нам предстояло и предстоит заново на развалинах старого мира, отречься от которого невозможно.

На первых порах правящей элите и идеологам постсоветского общества казалось, что государство, выбитое из наезженной социалистической колеи, легко можно перевести на колею европейского либерально-рыночного развития, достаточно только заменить систему ценностей и усвоить новые правила игры. Одним из идеологических аргументов этого зигзага нашей истории стала теория «догоняющего развития» Запада. Надо лишь потуже затянуть пояса, отказавшись от вульгарного инстинкта сытости и, сэкономив за этот счет, мы сможем догнать развитые страны и войти в их семью, тем более, что за нами великое прошлое, а на всякий случай есть и не афишируемый, но убедительный аргумент в виде ядерного оружия. В этом духе действовали наши первые реформаторы. Но приблизительно в это же время на Западе родилась идеология «золотого миллиарда», согласно которой, страны, попавшие в это счастливое число, не склонны допускать не попавших туда или выпавших из нее.

Убедившись, что в число богатых стран мира нас никто всерьез не приглашает, а делаются лишь политесные реверансы, вновь стала проигрываться «русская идея» об исключительности русского пути развития, однако эта идея в качестве ответа на вызов оказалась столь же несостоятельной, как и попытка «зайцем» прощмыгнуть в постмодернистский мир. Попытка восстановить былое величие СССР в новом облиции СНГ провалилась в силу сепаратистских настроений бывших советских республик и их глав — бывших республиканских секретарей ЦК.

В 1996 г. академик Н.Н.Моисеев мрачно обозначил сложившуюся в нашей стране ситуацию как «агонию России», поставив все же это заявление под вопрос: «Есть ли у нее будущее?». Отвечая на него, он, как и большинство народа, верил, что у России сохранились еще не исчерпанные внутренние и внешние ресурсы, а следовательно, и шансы развития. Важно правильно понять и не упустить эти шансы.

Для сомнений академика имелись основания. «Ответы» нашей властвующей элиты на вызов современного глобального мира порой смущают своей неопределенностью. То мы требуем запрета продвижения НАТО на Восток, то сами просимся в него и с пионерской прямоотой обещаем изменить эту организацию до неузнаваемости. То мы отказываемся платить долги своим западным кредиторам, то обещаем быть хорошими «парнями» и заплатить долги вперед за счет «внутренней экономии» и перераспределения ресурсов, чему сопутствуют новые долги собственным гражданам. Под публичную проповедь демократии и самоуправления разрастается бюрократический аппарат всех уровней, постепенно срастающийся с «новым русским капиталом». О народе вспоминают лишь в дни выборов. Впрочем, судя по иногда проявляющимся думским настроениям, от этого несовершенного элемента системы вскоре вообще можно будет отказаться. Так исподволь протаскиваются и наращиваются элементы корпоративного строя. Этот список противоречий можно продолжить. «Серьезные реформаторы, — пишет в своем исследовании А.И.Уткин, — глядя прямо в лицо реальности, если им не изменяло мужество, должны были признать, что наиболее нужным элементом перемен является культурная реориентация, то есть воспитание своего народа самостоятельными гражданами, а не согласными на любую долю спартанцами»¹¹². С точки зрения перспектив исторического развития нашей страны, сложившееся двоемыслие не может быть перспективным. Рано или поздно логика современного развития потребует от нас определенного ответа. И важно, чтобы к сознанию этой необходимости мы пришли не слишком поздно, когда кто-то ответит за нас.

Но и оптимистически-радужные прогнозы американских экспертов типа Зб.Бжезинского относительно безоговорочного утверждения американского господства в мире, при том, что Россия превратилась в «черную дыру»,¹¹³ оказались необоснованными. На смену биполярному миру (две великие державы — США, связанные альянсом с Европой, и Советский Союз, воз-

главляющий социалистический лагерь) пришел не просто монополярный американский мир, а современный глобальный мир, переплетенный сетью ТНК с несколькими центрами притяжения, которые к тому же постоянно меняются в современном стохастическом развитии. И как это ни парадоксально, но прав академик Н.Н.Моисеев, заметивший, что «в результате трагедии распада Советского Союза больше всего пострадали Россия и США. Конечно, совсем не одинаково, но в перспективе весьма не просто сказать, кто пострадал больше»¹¹⁴. Действительно, крушение социалистического лагеря наносит существенный удар и по Соединенным Штатам, по их привычной политике в мире. В лице Советского Союза они потеряли постоянного партнера-врага, оправдывающего их имперскую политику.

Новый враг, «угрожающий миру», был найден в лице Милошевича, и ради его наказания США и, что поражает, при участии европейских держав, разбомбили в самом центре Европы цветущую Сербию, спровоцировав тлеющий очаг напряженности между сербами и албанцами в качестве «мины замедленного действия». У России хватило мудрости не участвовать в этом безумии, но не хватило сил ответить на это безумие с достоинством. Следует признать, что эта акция носила чисто полицейский характер и при закреплении этой тактики хорошо вооруженной армии США грозит опасность превратиться в жандармский корпус.

Эксперты с оптимизмом встретили приход к власти «свежего человека» В.В.Путина, но что самое удивительное — с доверием к нему отнеслись и избиратели, ничего не зная о новом Президенте. И нельзя не признать, что именно при нем обозначился выход страны из состояния общего хаоса, обозначились экономический подъем и восстановление порядка. Возможно, здесь проявился эффект идеи Эшби о преимуществах не целеустремленного, а выбранного наугад механизма действия (если, конечно, можно провести аналогию между механизмом и человеком), добывающего своих целей через процесс научения¹¹⁵. Сходную мысль о роли в истории «непреднамеренных следствий» высказал Ф.Хайек. Однако и в данном случае мы имеем дело с авансом доверия. До ясного необратимого ответа на вызов истории еще далеко. Пока не решен чеченский вопрос, пока статус СНГ остается по преимуществу декоративным, пока в тяжелейшем положении остается село, пока рабочий класс не обрел своего социального статуса, пока в стране не сложи-

лось гражданское общество и независимая судебная система, пока не прекратилась утечка из страны капитала и «мозгов» и не действуют механизмы их возврата, пока в системе образования существует исподволь сложившееся неравенство, пока наука остается вне системы государственных приоритетов, пока Россия не определила свое место в мировом сообществе держав — любой ее ответ будет промежуточным, временным, зависимым от смены политической конъюнктуры.

Трагические события 11 сентября 2001 г. бросили вызов не только Америке, но всему цивилизованному миру. Наконец-то, после развала СССР был найден действительный и опасный враг — мировой терроризм, борьба с которым способна объединить нацию и удерживать приоритет в мировом сообществе. Казалось бы, в США ответ был найден: сурово наказать виновников террора и всех их пособников. Но средством реализации этого ответа после тщательного рассмотрения советниками Президента стали отработанные в Югославии все те же «точечные бомбардировки» стратегических объектов в Афганистане, где может скрываться террорист № 1 Бен Ладен. Охота на Бен Ладена напоминает анекдот о ловле в черном погребе черного кота, которого там нет. Тем лучше — охоту можно продолжать сколь угодно долго. «Ясность и простота ответа» мировому терроризму вдохновила некоторых лидеров Европы. И эта же операция позволила еще раз продемонстрировать Америке, кто есть кто в этом мире.

Что касается стратегии борьбы США с мировым терроризмом, то военные советники нынешнего Президента, начиная военную кампанию против Афганистана по Югославской модели, не просчитали «обратной связи» талибов со странами мусульманского мира, религиозный фанатизм которого готов усмотреть в акции США «крестовый поход» и ответить на него джихадом. Не случайно Президент США вынужден был оговориться, что карательная акция против террористов может продлиться несколько месяцев и даже лет. И для осуществления этой акции нужны соратники, готовые проливать кровь своих солдат в интересах общего мира. И хотя Кабул с помощью бомбовых ударов США взят доблестными войсками Северного альянса (или третьей силы?), однако борьба еще далеко не закончилась, и чем она закончится, никому не дано знать. И в этой ситуации Президенту США важно заручиться поддержкой своего «русского друга» любой ценой. Вдохновляет уже то, что Рос-

сия заняла в этой игре пусть и скромную, но самостоятельную политику в борьбе с терроризмом, не став плацдармом США и не посягнув своих солдат впереди американского спецназа. Перед Россией стали занесивать, предлагать бескорыстную дружбу. И пусть это окажется недолговечным, стремление наладить альянс с Западом скоординировано с внутренней политикой страны.

В свое время американцы запустили в оборот лозунг о «зрелом стратегическом партнерстве» между Вашингтоном и Москвой. Русским, проинспирирует Бжезинский, показалось, что этим был благословлен новый демократический американо-российский альянс, пришедший на смену бывшему соперничеству. Этот альянс мыслился ими глобальным по масштабам. Так что Россия представлялась не только правопреемницей Советского Союза, но и де-факто главным и равным партнером США в мировом устройстве. Вывод маститого политолога звучит весьма отрезвляюще: «Хотя концепция «зрелого стратегического партнерства» и ласкает взор и слух, она обманчива. *Америка никогда не намеревалась делить власть на земном шаре с Россией*» (выделено авт.)¹².

Предупреждение Бжезинского имеет смысл и с другой точки зрения: Россия имеет свой трагический опыт борьбы с терроризмом в Чечне, еще недавно единодушно осуждавшийся миротворцами и доброхотами всех мастей. Этот опыт научает ее, что борьба с терроризмом имеет свои законы, требует выдержки и, одновременно с военным, политического, экономического и культурного решения.

Но мир уже изменился. Изменился не только для США и для России. Он в целом стал другим. Страны-изгой (имидж американского происхождения) вряд ли в условиях общего военно-политического возбуждения согласятся оставаться в этом статусе при наличии стран «золотого миллиарда», список которых открывает США. И можно с уверенностью предположить, что в дальнейшем имперская политика США претерпит существенные изменения, связанные с понижением ее престижа и амбиций в глобальном мире. В этих условиях Россия вновь оказалась перед необходимостью самостоятельного адекватного, по возможности упреждающего ответа на вызов современности. Этому способствуют два обстоятельства. Во-первых, в своем экономическом падении Россия дошла до предела, дальше либо небытие, либо *прорыв в современный мир при использовании неэкологичных природных ресурсов и, главное, человеческого ин-*

теллектуального потенциала. Для «догоняющего развития» у нас не осталось ни времени, ни предпосылок. Во-вторых, превращение биполярного, конфронтующего мира в современный глобальный, многополярный мир открыло бы широкий фронт внешнеполитического выбора и делового партнерства для новой России. Создание военно-политических союзов с участием России или под ее эгидой в ответ на расширение НАТО на Восток, равно как и участие в качестве неполноценного члена НАТО менее перспективно, чем стратегия открытого делового партнерства, не привязанного жестко к продвинутым в экономическом или военном отношении странам или союзам. Динамика современного мира такова, что страны, вчера остававшиеся на обочине истории, сегодня могут вырваться в авангард. Но, вступая в партнерские отношения с другими странами в надежде на авангардную роль, не следует забывать, что мы должны больше *давать* в *идейно-стратегическом* плане, чем *брать*. Только такое партнерство может быть перспективным и достойным

Ответ на вопрос, заданный еще Н.В.Гоголем и вынесенный в заголовок статьи, требует терпения, честности и мужества. Россия займет достойное место в мире лишь тогда, когда в ней будут созданы такие условия, чтобы каждый человек обрел смысл жизни. Это и обеспечит достойное существование самой России в мире.

РАЗДЕЛ IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ

Глава 7. Глобализация и российская культура

Как уже отмечалось, глобализация характеризуется, прежде всего, экономическими и информационными процессами, снижением «суверенитета» национальных экономик. Глобализация — это объективный процесс, выросший из предшествующей прогрессивной фазы развития общества, из модернизации западных стран, реализуемой вслед за становлением современности на Западе, который дает неоценимые возможности для объединения усилий всех народов в деле решения задач предотвращения не только экологического кризиса, но и голода, невежества и связанных с ними демографических и медицинских проблем в планетарном масштабе. Нельзя не отметить, что в этой связи весьма недальновидным представляется стремление антиглобалистского движения препятствовать этим объективным тенденциям современного общественного развития. Однако глобализация протекает неравномерно, чаще всего на условиях Запада, она усиливает неравенство, создает фундамент для организации криминальных и террористических интернациональных объединений и пр. И все же пути устранения ее недостатков необходимо искать не в рамках попыток искусственного свертывания процесса в целом, а путем серьезного воздействия на социальные и культурные его аспекты.

Рассматривая негативные черты сегодняшней глобализации, следует сказать, что содержание глобалистических последствий буржуазно-экономического развития было представлено в общих чертах еще в «Капитале» К.Маркса и зафиксировано на реально-историческом уровне в известном труде В.И.Ленина

«Империализм как высшая стадия капитализма». Хотя глобализация сегодня имеет отмеченные [1, 1] качественные отличия от процессов формирования мирового рынка в XIX и начале XX в., в деятельности транснациональных объединений обнаруживаются сходные черты: они обретают не зависимость от государств, гражданами которых являются их участники, и в значительной мере присваивают себе властные функции или, как минимум, опираясь на экономические рычаги, проводят свою собственную политику и в государственных, и в международных делах.

Таким образом, глобализация сегодня обретает новую форму. Правда, это такая форма, которая, как выражается Гегель, сама «содержательна», то есть она в конце концов может дать качественно новое содержание явления, которое она конституирует. Суть этой новизны: глобализация выталкивает прогресс, модернизацию на периферию, на локальный уровень и становится новым «мегатрендом». А в этом случае можно уже говорить о современной глобализации и особенно о глобализации XXI века как об особом, принципиально новом процессе исторического развития общества.

В частности, в современных условиях у процесса глобализации явно просматривается политический аспект, тесно связанный с экономическими данностями. Можно сегодня говорить и о культурном содержании глобализации. Однако с этой стороны дело обстоит не так просто.

Конечно, экономические факторы создают определенный фундамент для возникновения универсальных единиц в глобальной культуре — образовании, моде, спорте, туризме и пр. Но при этом не происходит слияния культур, аналогичного экономическому объединению, ибо культура — это всегда диалог. И сегодня он должен быть расширен и усилен. Какие следствия вытекают отсюда для будущего культуротворчества и, собственно, каковы при этом перспективы российской культуры?

Глобализация меняет тип общения народов друг с другом. В XX веке человечество уже вполне осознало, что не только неразумно придерживаться европоцентристской позиции во взгляде на культурное развитие человечества, но и попытки представить это развитие чисто технократическим не состоятельны. Наблюдается все более отчетливо проявляющаяся аксиологическая тенденция: по мере реализации глобалистских сдвигов в современной экономике, политике, науке, праве, в организационно-социальной сфере все чаще более ценными оказываются

для людей те моменты их культуры, которые в силу ее сущностного характера не сводимы к цивилизационным заданностям эпохи. Речь идет о том, что искусство, религия, философия и другие формы и способы духовной практики человечества все чаще и во все большей мере выступают самоценным элементом национальных культур именно в противовес унифицируемым, стандартизированным элементам цивилизационной деятельности в рамках той или иной национальной культуры.

Это означает наличие дисперсных, рассеивающих, центробежных закономерностей и процессов в культурах отдельных народов, так что глобальные силы действуют одновременно с локальными закономерностями. Направленность сегодняшних глобализационных процессов состоит вовсе не в унификации и стандартизации культуры, а в создании возможностей обогащения мировой культуры творческими достижениями отдельных народов. Современная научно-техническая революция уже создала и продолжает создавать технические предпосылки для такого взаимодействия, начиная с транспортных и других мобильных возможностей космического масштаба и кончая средствами массовой информации, включая Интернет.

Однако, как известно, никакое техническое открытие не получает своего массового внедрения до тех пор, пока не созреют потребности общества в его существовании и функционировании. То, что мы только что назвали техническими предпосылками, оказывается в то же время результатом глубоких сдвигов в общественном сознании, которые, в свою очередь, произошли в XX веке и знаменуют собой, с одной стороны, осмысление кровавого, трагического опыта размежевания народов и культур, противовояния их в рамках двух мировых и одной холодной войны. А с другой стороны, указанные сдвиги имели своей причиной осознание уникальности и неповторимости не только индивидуальной человеческой личности, но и творческого своеобразия каждой отдельной этнической культуры, на каком бы уровне прогресса цивилизации она ни находилась.

Взаимное отторжение существующих в мире культур так же нежелательно в исторических условиях XXI века, как и «победа» одной из них над другими. Если бы разные культуры абсолютно и однозначно «сталкивались» друг с другом, то, конечно, и цивилизационное сближение было бы невозможно. И наоборот, насильственное цивилизационное «объединение» порождало бы, как реакцию, взаимную неприязнь между народами, невозмож-

ность их сотрудничества друг с другом. Это значит, что «замыкание» культур в собственных локальных границах способно привести к вырождению их уникального творческого начала. В то же время стремление сохранить самобытность национальной ментальности, которая и фиксируется прежде всего в явлениях духовной культуры, не исключает, а, наоборот, предполагает внимание к чужой культуре (и в ее цивилизационных, и в духовно-практических проявлениях). Так рождается взаимное влияние культур, результатом которого является взаимное их обогащение, не теряющее, тем не менее, оригинальности восприятия, творческих импульсов к самобытному развитию и тому подобных самоценных параметров культурной истории отдельных народов, а высвечивающее единое, общечеловеческое содержание в каждой из них.

Сказанное в полной мере относится к российской культуре и ее месту в мировой культуре, независимо от того, включена ли экономика России в глобальную экономику. Именно общечеловеческое начало в любой культуре делает возможным перевод ее содержания на «языки» других культур. Тем самым общечеловеческое начало в каждой культуре и служит, в конечном счете, фундаментом сближения содержания культур в условиях глобализации, гарантируя совпадение смыслов бесконечного исторического ряда культур, образующего интегральную сумму мировой культуры нашей планеты. Этот отдаленный идеал сегодня воплощается пока в универсальных формах культуры — образовании, спорте, моде, туризме и пр. В подлинно же глобальную превращается сегодня преимущественно массовая культура.

Но нас в данном случае интересует не столько всемирная история, сколько сохранившиеся сегодня в нашей отечественной культуре противоречивые тенденции ее развития, опосредованные, правда, теми коренными сдвигами социально-экономического и политико-организационного характера, которые произошли в России в течение последних 10–15 лет. Самым, пожалуй, точным, хотя и образным описанием российского бытия наших дней служит гамлетовское «распалась связь времен». И это существенно мешает рациональному дискурсу российской самооценки в глобальном и внутреннем мире. Зато именно этот специфический момент обостряет нашу историософскую интуицию. Мы ведь не просто занимаем определенное место в хронологическом потоке мировой культуры. Мы — в самом центре катаклизма, обнажившего один из редчайших временных

разломов. Прошлое, настоящее и будущее вполне очевидно предстают перед нами как аксиологически симметричные, то есть равноценные не только в теоретическом анализе, но и в практическом отношении: «вчера» абсолютно живо в своем давлении на наши дела и мысли; «сегодня» фактически тождественно «завтра», так как оно принципиально открыто будущему. «Три цвета времени», так сказать, одновременно пребывают у нас под рукой и, вместе с тем, они разорваны, но они осязаемы и сопричастны друг другу, перетекая один в другой и образуя нашу судьбу здесь и сейчас. Это обстоятельство делает возможным в сшибке прошлого, настоящего и будущего высветить ценности нашего современного существования в культуре, соотнеся постсоветскую Россию с мировым ходом истории.

При этом наше вхождение в «мировой дом», то есть участие в мировых процессах вовсе не обязательно должно быть привязано к «повторению задов» западной культуры или к поискам неизведанных путей исторического движения. Оно может (и уже реализует эту возможность в течение, по крайней мере, двух последних веков) осуществляться за счет потенциалов исконно российской, своеобразной, человеческой, а значит и понятной всему миру ментальности, за счет опоры на вековые традиции отечественного культуротворчества, вытекающие из его судьбы и задающие ее будущее. Именно такая ориентация в глобализационных процессах способна обогатить эти процессы, а Россию сделать полноправной и достойной их участницей.

Россия представляет собой специфический объект цивилизационных преобразований, которые сегодня, как правило, отождествляются с задачами социальной модернизации. В обращении же к глубинным истокам ее особенностей неизбежно встает вопрос о правомерности такого отождествления вообще и о специфике постановки этой проблемы на российской почве, особенно в современных условиях.

Чаще всего осуществление модернизации в России связывают с политикой «открытого окна в Европу», начатой Петром Великим, с освободительной деятельностью Александра II, с трагически прерванными уже в начале прошлого века столыпинскими реформами и даже с индустриализацией сталинских времен. И все же ни прежде, ни теперь и ни в какой форме эта работа так и не решила задач социальной модернизации до конца. Всегда также имели место и негативные последствия совершенных в этом направлении перемен.

Так, прогрессивная ориентация Петра на европейскую культуру привела впоследствии к засилью иностранцев. Из примеров ближайшего прошлого можно вспомнить насильственную коллективизацию советского крестьянства, которая мыслилась большевиками как надежный способ догнать и перегнать передовые капиталистические державы, как единственное средство поднять отечественную деревню на высшую ступень цивилизации, а на деле оказалась прямым путем к феодализму XX века.

Те, кто всерьез пытался анализировать результаты подобного социально-исторического творчества, ссылаются на специфику российской национальной идентичности, связанную, по мнению многих, либо со сложным географическим положением на пространстве двух материков, либо с исключительным опытом истории, потрясения которого лишь слегка коснулись, а то и вовсе обошли стороной другие народы. Однако специфику описываемой социокультурной ситуации нельзя выводить из какой-либо одной особенности нашей исторической судьбы, поскольку существо последней состоит именно в наслоении друг на друга и взаимном проникновении громадного числа разнородных элементов, которые лежали в основе российской самобытности вчера и составляют ее сегодня, а также будут в той или иной степени оставаться определяющими и впредь.

В современной России обречены на неудачу поиски решения модернизационных задач в границах парадигмы догоняющей модернизации, противопоставляющей варварство и цивилизацию. Ведь ни для кого не секрет, что в течение своего многовекового существования российское «варварство» дало миру величайшие достижения общечеловеческой культуры. Догоняющее развитие позволило осуществить индустриализацию, отделить церковь от государства (а значит, секуляризовались школьное воспитание и другие сферы общественной деятельности, бывшие прежде под давлением религиозных установок), произвести глубокие и необратимые урбанистические сдвиги, разрушившие традиционные связи людей и т.п.

Объяснение происхождения западного капитализма и основ классической модернизации сегодня, как и прежде, находят у М.Вебера. Не посягая на авторитет этого выдающегося ученого, следует подчеркнуть, что расцвет его творчества приходится на конец XIX—начало XX века, когда в методологии социального познания еще сильны были устои модернизма с его прогрессистскими выводами. С тех пор реальная история общества явилась

нам с ее более суровой и не всегда предсказуемой стороны, что повлияло на понимание сущности исторического прогресса и дало ряд неклассических представлений о модернизации [см. II].

Модернизация сегодня не может жестко связываться исключительно с одним только способом ее реализации. Эффективными могут оказаться даже подходы, в которых осуществлен возврат к истокам исторической альтернативы, породившей современное состояние социальных проблем, с тем чтобы переоценить заново исторический выбор прошлого и двинуться дальше вперед на основе нового выбора. Сегодня детрадиционализация, присущая классической модернизации, рекультивация населения, рассмотрение западного развития как единственной модели не могут быть признаны единственной возможностью. Как уже было показано [см. II], сегодня существует множество модернизмов. В рамках такой трактовки понятия модернизации перетолковывается и социально-философский смысл понятия традиции и ее место в процессе модернизации. Прежде традиция осмыслялась в узко социологическом значении как механизм воспроизводства социальных институтов и норм, при котором поддержание последних «обосновывается, узаконивается самим фактом их существования в прошлом, и традиционные действия и отношения ориентированы не на достижение определенной цели (что характерно для рационального действия) и не на реализацию специально зафиксированной нормы, но на повторение прошлого образца»¹¹⁷.

Дефиниция понятия традиции, данная в новой «Философской энциклопедии» 2001 г., с методологической точки зрения не привносит никаких существенных изменений в приведенное выше определение: «Традиция... — способ бытия и воспроизводства элементов социального и культурного наследия, фиксирующий устойчивость и преемственность опыта поколений, времен и эпох»¹¹⁸. Традиция признана здесь механизмом исключительно преемственности культуры, а источник развития последней помещен вне рамок традиционной регуляции, так что противоречивость традиции инновациям и современности считается по-прежнему оправданной, но при этом предлагается учесть диалог «нового» со «старым», «обеспечивая не только момент преемственности, но и жизненной полноты, богатства самого процесса изменения и обновления действительности»¹¹⁹. Как «учесть» этот диалог за пределами традиционной регуляции, остается не ясным.

Итак, форма традиционного установления, как и его содержание, признаются со времен Вебера незыблемыми, передающимися из поколения в поколение, а сама традиция трактуется как универсальный регулятор жизни и деятельности общества. В современных обществах (modern society) традиция, конечно, такой роли не играет. И в этом классическая модернизационная теория права. Но ведь традиция не исчезла из современной жизни вообще. Более того, во многих отраслях нашей деятельности (и прежде всего в духовной практике) она играет исключительно важную роль.

Во-первых, традиция по-прежнему выступает аккумулятором коллективного опыта культуры, важнейшим средством социализации индивида, особенно на ее начальных этапах. Во-вторых, как и в прошлом, она связывает между собой людей, объединяет их в качестве единомышленников или единоверцев. В-третьих, она гарантирует преемственность форм деятельности людей, их культуротворчества, обеспечивая, так сказать, язык культурного диалога. Одновременно — и это самое главное — традиция является способом развития культуры, поскольку механизм традиционного действия дает возможность решать новые задачи культурной практики, включая в себя не только стабилизирующую, но и инновационную сторону, которая реализуется в ходе актуализации традиционной нормы за счет перетолкования ее ценностного содержания, заключенного в неизменно переданной «текстовой» форме¹²⁰.

Обобщая сказанное, можно сделать вывод о том, что в современных условиях традиция остается одним из важнейших, хотя и не универсальных средств регуляции человеческой деятельности, по крайней мере в сфере духовного производства. При этом изменяется тип традиционной ориентации. Он рационализируется, поскольку на место господствовавшего прежде некритического, «автоматического» воспроизведения прошлого образца выдвигается творческое переосмысление последнего с целью обоснования эффективности его применения в изменяющихся условиях деятельности для решения новых задач.

В свете такого толкования процесса модернизации и роли традиции в культуротворчестве современного общества необходимо задуматься, как осуществлять и как понимать модернизацию сегодняшнего российского общества. И главное, что в первую очередь следует в настоящее время понять, состоит в следующем: ни один из пластов отечественной культуры не может

быть отброшен. Только творчество на основе осознанного исторического опыта может возвысить современную Россию, стабилизировать ситуацию и обеспечить национальное согласие. При этом внимание к традициям российской культуры в целом — одно из основных условий успеха.

Вместе с тем, проблема социальной (а равно и духовной) модернизации России сегодня стоит особенно остро и актуально. Для ее решения необходимо предварительно понять, какие существовали прежде и остались невостребованными до сих пор возможности гуманизации общественной практики; осознать, какие на наших глазах возникают инновации, способные нейтрализовать кризисные явления — в том числе и нравственной, духовной деградации народа, а также определить, в каком смысле можно связывать противодействия этих новаций кризисным тенденциям с развитием собственно цивилизационных моментов, модернизационных процессов или обычного для общества культуротворчества. Ибо «история всегда идет несколькими разными дорогами, и неизвестно, какой незаметный проселок завтра окажется выходом из тупика»¹²¹.

Обращаясь к последней задаче, следовало бы прежде всего высказать, может быть, спорную точку зрения. Она заключается в том, что модернизация России сегодня и ее цивилизаторские проекты вхождения в качестве нормального, равноправного партнера в «мировой дом» — это далеко не одно и то же. Безусловно, такие совпадения возможны и даже желательны в отдельных областях общественной жизни, касающихся прежде всего внешней, организационной, материальной стороны (например, в решении экономических и политических проблем, в создании правового государства и т.д.). И в этом смысле процесс мирового развития подвигает нас к такой цели. Однако внутренние движения духовного саморазвития нашего народа, в свою очередь, требуют модернизации и в этом своем качестве смыкаются также с глобализационными тенденциями. Но это модернизация особого свойства, ибо глобализация означает при этом не унификацию или стандартизацию культуротворчества, подобно материальному производству или политической жизни, которые строятся исключительно на рационально-целевой ориентации его субъекта, а совершенствование уникальности культуротворческой функции России в мировом процессе развития культуры, имеющее целью сохранить ее особое лицо и особую роль в этой культуре и ориентирующееся на актуализацию гу-

манистического содержания ее традиционных духовных ценностей. Лишь в этом случае сможет возникнуть та «слиянность» и гармония культур, о возможности которой говорил в свое время М.М.Бахтин¹²², и благодаря которой только и может в современных условиях осуществиться глобализация всемирного культурного развития. При всей глубине сегодняшнего духовного кризиса Россией наработаны такие пласты культуры, которые сегодня могут работать на ее будущее.

Глава 8. Роль культурного фактора в модернизационном развитии российских регионов

Процессы глобализации и модернизации, усиление взаимозависимости мирового сообщества, частью которого является Россия, с особой остротой ставят проблемы существования локальных единиц в рамках глобальной и российской социальных систем — регионов. С объединением хозяйств, экономических и политических систем, с помощью средств массовой и межкультурной коммуникации мир XXI века как никогда стал связанным по всем направлениям. Но при этом очевидно, что проблема многообразия мира продолжает сохранять актуальность, теперь уже в новом качестве. Если раньше водораздел пролегал вокруг идеологических различий общественно-политических систем, то сейчас он проходит по другим основаниям. Главным из них является неодинаковость моделей модернизационного развития для разных обществ. Уже признана несостоятельность взгляда на общественную модель развития Запада как на единственно возможную, тем более, что и она сама претерпевает изменения своего классического вида. Сейчас речь идет о национальных особенностях социального развития, в котором присутствуют и элементы общих модернизационных закономерностей, и элементы вестернизации, и элементы своей собственной трансформированной традиционности. Общественное развитие каждого из регионов мира фактически проходит по своим правилам.

Несмотря на это, в России 90-х годов применялась модель догоняющей модернизации, для которой Запад выступал в качестве образца. Таковая модель оказалась в целом плохо работающей на развитие страны и особо плохо применимой в связи с региональным многообразием внутри России. Исторически наше государство формировалось как государство регионов, но вни-

мание к этой стороне внутренней жизни появилось только в последние десятилетия. Российская наука обратилась к проблемам регионалистики со второй половины 80-х годов, и это было связано с кардинальным изменением вектора социального движения. Новые ориентиры России способствовали появлению исследований о региональном делении государства в рамках цивилизационного подхода, альтернативного формационному. Региональная тематика получила особую актуальность и в связи с тем, что курс на догоняющую модель модернизации резко разделил российские регионы на общества, по-разному реагирующие на этот исторический поворот¹²³. В одних регионах изменения происходят быстро, в других медленно. Одни уже названы островками модернизации, так как их мало, и они находятся в окружении регионов, которых модернизация коснулась в меньшей степени. Сложившаяся ситуация неравномерного модернизационного развития является результатом сложного взаимодействия факторов, как влияющих на регион извне, так и определяющих его изнутри. Несмотря на принадлежность территорий к единому российскому пространству, каждый регион является уникальным по своему облику, по характеру внутренних процессов, по ходу прохождения реформ в нем.

В отечественном научном знании мало учитываются культурные особенности, играющие немаловажную роль в процессе развития регионов и особенно так называемых депрессивных регионов, в которых кризисные процессы проявляются ярче всего. Социально-экономические критерии позволяют делить регионы на группы, выдвигая на передний план успешные и задвигая на последние позиции отстающие. И хотя разница здесь очевидна, проблема может быть сформулирована и по-другому. Как развивается каждый регион, в чем трудности развития и каковы определяющие факторы его модернизации? Таким образом, при решении проблем модернизационного развития необходимо обратиться к поиску важнейших факторов развития регионов.

Основа разнообразия модернизационных процессов в российских регионах

Само понятие «регион» — одно из самых трудных в современном общественном знании. Во-первых, оно имеет разные границы применения, от широкого значения с охватом нескольких стран, объединяемых по ряду признаков, до узкого, — которое

опирается на социальное единство в рамках одной территории. Во-вторых, с точки зрения подходов можно говорить о международных, политологических, социально-философских, географических, исторических, юридических определениях. Каждое из специализированных определений выделяет те аспекты в этом понятии, которые отвечают задачам конкретной дисциплины. Для того, чтобы отметить все важнейшие характеристики региона как явления, исследователи общих проблем регионализма используют так называемые синтетические определения. Оговаривая тот момент, что универсального определения не может быть, обобщающее определение можно дать следующее. Регион (в интересующем нас смысле слова) — это административная территория в составе одной страны, имеющая свою историю формирования, политическую автономность и свои институты власти, своеобразную хозяйственную, этническую и культурную жизнь. В качестве основных отличительных черт региона выделяются: социальная общность, или социальные связи; единство исторического происхождения, единая территория или пространственная локализация, особая форма хозяйствования, этническая культура и общий менталитет, система политической жизни или определенная социально-политическая форма.

Огромный разрыв между уровнем развития современных российских регионов позволяет говорить о дифференциации общественной жизни и о доминировании одних сфер общества над другими. Такая ситуация создает определенные проблемы в объяснении процесса. При рассмотрении регионального разнообразия и классификации регионов много внимания уделяется социально-экономической или политико-идеологической стороне жизни регионов. Кроме того, исследователи рассматривают территории, различая их по степени изученности протекающих в них внутренних процессов. В итоге, оценка проблемы региональной неоднородности и классификации часто имеет субъективный характер, зависящий от степени внимания авторов к тем или иным процессам или к тем или иным регионам. Примерами этого могут быть имеющиеся классификации. В одной за основу берутся отличия в создаваемых региональных идеологиях, что дает возможность выделить три идеальных типа регионов: «национальные республики» (например, Татарстан, Калмыкия, Чувашия), «старорусские», в основном депрессивные регионы (Тверская, Пензенская области), «новорусские» модернизированные регионы (Нижегородская, Самарская обла-

сти)¹²⁴. По мнению сторонника этой точки зрения, первая группа регионов отличается своей апелляцией к культурно-историческим традициям и представлению об этнонациональном образовании как ячейке, носителе подобных традиций. Вторая группа сочетает в своих идеологических построениях ориентацию на единство России и признание особой значимости русской провинции. Политический стиль третьей группы имеет черты реформаторского авангардизма и опережающего исполнения стратегий, и, как утверждает исследователями, идеологические схемы здесь не довлеют над практикой. Слабыми сторонами вышеозначенной классификации является смешение ряда черт и признаков. Во-первых, если говорить о соотношении идеологической схемы и практики, то необходимо такой срез применить ко всем регионам, а не только указать наличие того или иного момента в некоторых регионах. Во-вторых, если рассматривать национальную основу в политико-идеологических схемах, то разделение регионов, имеющих преимущественно русское население на «старорусские» и «новорусские» с одновременным противопоставлением их «национальным» территориям — представляется также смешанным. В-третьих, понятие «депрессивного» региона является следствием сравнительного рассмотрения всех территорий сквозь призму модернизационного развития. К числу депрессивных регионов причисляются разные регионы, вне зависимости от национального состава населения. Проблема состоит в том, что недостаточно изучены причины депрессионности и ее связь с политическими, культурными, этническими, национальными особенностями.

Политическая сфера жизни региона относится к сфере власти и управления, проявляясь в установках и деятельности руководящей элиты региона. Будучи тесно связанной с субъективным фактором, она имеет в своей основе глубинные мировоззренческие предпосылки жизни определенного социума и зависит во многом от культурных и этнических факторов. Однако она не должна полностью отождествляться с последними. Действия конкретных лиц из политической элиты и, в целом, деятельность политического руководства в своей основе базируются на определенной форме взаимоотношений, принятой в конкретном обществе. Этнос определяется как «исторически сложившаяся на определенной территории устойчивая межпоколенная совокупность людей, обладающих не только общими чертами, но и относительно стабильными особенностями культуры и пси-

хики, а также самосознанием своего единства и отличия от других образований (самосознанием), фиксированном в самоназвании (этнониме)¹²⁵. Каждый этнос имеет свою культурную модель существования и развития — мировоззренческую картину, которая обуславливает характер отношения человека к миру. При всей взаимосвязи этнических и культурных факторов, они не могут отождествляться и взаимозаменяться, только взаимодействовать.

Если мы ставим задачей анализ модернизационного развития российских регионов, то необходимо определить наиболее важные факторы, объясняющие разницу между развитием регионов. На наш взгляд, исследователи недооценивают роль культурного фактора, по сути являющегося духовной основой всей общественной жизни. Модернизационная теория не может прилагаться к культурам разных регионов в неизменном виде, она обязательно должна учитывать культурную специфику. Если в целом модернизацию рассматривать как следование образцу, то, очевидно, что при различиях в мировоззренческих установках и культурах одинаковых возможностей в следовании образцу не может быть, как не может быть и одинаковых потребностей вообще в ориентации на единую схему развития. Принято считать, что существует дифференциация между политической, экономической, религиозной, интеллектуальной сферами общества. Культура же не является отдельной сферой. Она относится ко всей социальной жизни, представляет собой смысловую основу всех социальных фактов, событий, всех сфер. Культура пронизывает ценностным содержанием всю общественную жизнь и не может быть выделена в отдельную область. Проявляется она в общественно-значимых образцах деятельности членов социума — субъектов культуры и базируется на мировоззренческой картине, особом восприятии окружающего мира.

Несмотря на опору идеологических элит регионов на национальную традиционность, выявление политико-идеологического критерия разнообразия регионов научным знанием показывает лишь вершину айсберга внутренних проблем каждого региона. Вопросы регионализации России, своеобразия регионального развития, его тенденций и перспектив необходимо решать, учитывая основу самобытности — культуру, особое мировоззрение. Именно культура формирует особый характер общества, его резервы и перспективы развития. Культурный мир создает человека определенного образа, закладывает в него по-

генциал реализации, способность воспринимать изменения и самому быть участником изменений. Поэтому в центре внимания при исследовании модернизационных проблем регионов должны быть культура и человек в ней. Современное гуманитарное знание вновь переживает поворот к антропологизации проблем, когда во главу угла всех социальных вопросов поставлен человек. Культурно-антропологический фактор определяет специфику осуществления всех проектов реформ. Его изучение дает возможность не просто констатировать существующее положение дел с позиции «развитых» и «депрессивных» регионов, а объясняет причины сложившейся ситуации в каждом конкретном обществе и намечает наиболее реальные пути его будущего развития. Региональные различия и образы российских регионов тем самым можно рассматривать как различия между культурами, различия между мировоззренческими установками. Опора на понимание культуры как на ключевой фактор развития дает обоснованную возможность исследовать различия между регионами.

Важнейшей частью существования человека в культуре является самоидентификация — соотнесение себя с определенной общностью и образом жизни. С помощью этого культурного маркера этнологическая, социологическая науки зафиксировали кардинальные социальные изменения современной России, в том числе и усиление регионального аспекта в идентичности. Иерархии идентичностей в имперской дореволюционной России и в Советском Союзе создавались одинаково и люди ощущали себя частью большого целого — державы и Союза. Крушение СССР многими было воспринято как личная трагедия, потому что было утрачено чувство принадлежности к макрообщности. Пошатнувшийся уровень национальной (государственной) самоидентификации был восполнен другим — региональным уровнем. Гражданственное восприятие стало менее важным, чем заметно актуализировавшийся этнический фактор. Это дало возможность более тщательно заняться этнонациональными вопросами в связи с различными проблемами, встающими перед традиционной жизнью этносов в изменяющихся условиях. В отношении России вопрос о региональной идентификации определяется и территориальной принадлежностью, сообщающей социально, психологически и культурно значимые черты. 83% населения России русские по национальности, при этом существует особый колорит «ярославцев», «поморов», «сибиряков» и др.

В изучении культурных оснований региональных проблем также рассматривается региональная политическая культура как набор представлений о взаимоотношениях человека и государства, о месте региона в общеполитической жизни данного государства¹²⁶. Изменения политического, социально-экономического векторов в мировом развитии потребовали всестороннего осмысления. Вслед за признанием многообразия культур была признана и множественность общественных моделей развития культур, локальных обликов модернизации, демократизации. С конца 80-х годов вслед за глобальной волной демократизации исследования обратились к поиску причин трудностей осуществления реформ, регионального разнообразия в социальном развитии¹²⁷. Изучение культуры оказалось важным для анализа процессов демократизации. Одним из наиболее разработанных в обществоведении стало понятие политической культуры. В теории «гражданской культуры» Г.Алмонд и С.Верба установили, что политическая культура оказывает самостоятельное влияние на социальное и политическое поведение¹²⁸. Культура устанавливает нормы поведения, которые члены общества воспринимают и которым следуют, даже если кто-либо лично не разделяет данных ценностей. По их мнению, в государстве могут доминировать три наиболее общих типа национальной политической культуры: патриархальная (приходская), подданическая, участническая. Этот подход к пониманию регионального разнообразия через призму культурной основы политической сферы считается наиболее влиятельным, апробированным не только в демократических странах. В отечественной науке высказываются мнения о представленности этих общих типов политической культуры в российских регионах. Например, проявление патриархального типа политической культуры можно наблюдать в Республике Тыва, участнической — в Москве¹²⁹. В целом, в стране преобладает подданическая культура.

Р.Патнем обнаружил, что, зная культурные традиции, варьирующиеся от склонности к сотрудничеству, свойственной политическому стилю Севера Италии, до склонности к иерархическому подчинению, характерной для Юга, можно с уверенностью судить о стиле деятельности институтов государственной власти. Эти культурные традиции уходят корнями в ранние формы объединения граждан¹³⁰.

В отечественном регионоведении идеи специфики региональных идентичностей находят выражение в исследованиях «паттернов регионального развития», которые определяются как

исторически формирующиеся типы воспроизводства региональной идентичности¹³¹. В каждом региональном случае обнаруживается собственный паттерн развития, то есть вариант определенного многоуровневого комплекса неформальных правил, традиций, обычаев, устойчивости фундамента институциональной среды, которая фактически не поддается изменениям в течение долгих периодов, несмотря на зримые изменения во всех конкретных сферах общества.

Развитие России и развитие регионов

Современная регионализация России прошла ряд этапов. Вначале она была вызвана распадом единого советского пространства и утверждением новых принципов государственного устройства. В связи с этим произошло усиление роли политического фактора в региональном общественном состоянии, возникли конфликты во взаимоотношениях между Центром и регионами. Процесс, который развернулся в начале 90-х годов и получил название «парад суверенитетов» — объявление государственного суверенитета республиками РСФСР вслед за Татарстаном, оценивается как неизбежная часть политического становления новой России в условиях экономической нестабильности. В цивилизационном плане регионализация была обусловлена общим кризисом крупной общественной системы. Не чувствуя опоры, на развалинах старой структуры взаимосвязей, регионы обратились к внешнему рынку в попытке решить свои проблемы с помощью зарубежных партнеров. Эти поиски требовали нового политического статуса большей независимости. Несмотря на крайности такого самоутверждения и порой декларирование элитами радикальных идей национализма для обоснования своей деятельности, идеи приоритета регионального существования и самовывживания нашли свое отражение в сознании людей, тем самым произведя сдвиг в иерархии идентичности.

Особую сложность при анализе вопросов региональной идентичности как части культурно-антропологического фактора общественной жизни придает то, что регионализм современной России является сложно структурированным. Федерация здесь является соединением национально-государственных и территориальных образований. Из 89 субъектов лишь 21 являются республиками. Кроме них, а также краев, областей, городов федерального значения, существуют и автономные округа, входя-

щие в состав областей и краев. Подобная неравномерность порождает недовольства в плане неравноправия политических статусов, дискомфорта в самоосознании этих образований, требований в обосновании культурно-исторической самоидентификации. Федерация представляется ассиметричным образованием, самооценка которой себя в целом и своих частей множественна и противоречива в силу существования в ней разных сторон субъективного восприятия¹³². Для подобной асимметричности есть объективные основания: российские территории исторически находятся на разных стадиях формирования своей государственности и региональные сообщества испытывают потребность разных степеней самоутверждения.

В стремлении самостоятельно выжить, не надеясь на помощь федерального центра, республики стали строить свою внешнюю и внутреннюю жизни на договорных отношениях с центром. Эту же схему подхватили и края, области, тем самым довершив процесс утверждения федерализма над унитаризмом. Экономические и политические факторы регионализации способствовали изменениям и в культурном плане. Рост регионального самосознания позволил обратиться к проблемам региональной специфики во всех сферах жизни, актуализировал понятие «различия», в том числе и основываясь на культурно-исторических особенностях.

Требование ускорения в развитии, которое разделило регионы на «успевающие» и «отстающие», не является присущим только догоняющей модернизации постсоветского периода. Определяя модернизацию как движение к современному (западному) обществу, можно сказать, что Россия модернизировалась со времени Петра I, отвечала на вызовы Запада постоянным поиском социальных решений. И регионы, входившие в ее состав, получали возможность отвечать на вызовы в общем ходе российского развития. Трансформации разной степени интенсивности происходили в их социальных системах сначала в имперской России, затем во время существования советского государства. Ориентация локальных обществ на единый образец была длительной, стремление унифицировать развитие регионов осуществлялось давно. Однако нередко оно сопровождалось определенным искажением как прежней традиционности, так и задуманного образца. Искажение это приобретало в каждом случае свой облик. Регионами приобретались новые черты, но в целом оказалось, что культурная интеграция на новой основе так и не состоялась.

Современное депрессивное состояние многих российских регионов демонстрирует то, что радикальные трансформации не изменили регионы до такой степени, что они утратили свою специфику. В результате структурного кризиса они имеют отрицательные показатели экономического развития и низкий уровень жизни населения, однако обладают достаточным экономическим потенциалом. В отчете совместной российско-европейской программы ТАСИС «Экономические реформы в России: региональный аспект» по итогам первой половины 90-х годов делается заключение, что регионы попали в замкнутый круг: слабое экономическое развитие провоцирует население и руководство региона на поддержку левотрадиционалистских политических сил, но именно это качество явно не способствует привлечению инвесторов. Структура экономики и политические предпочтения вместе с отсутствием инвестиций и отсутствием шагов по развитию новых направлений экономики приводят к все большему экономическому отставанию региона¹³³. Поскольку в России модернизация регионов приобрела традиционную окраску и стала сопровождаться трудностями адаптационных процессов. Социальная адаптация как процесс и результат активного приспособления к изменяющимся условиям среды у индивида, группы индивидов происходит всегда. Однако кардинальность изменений, необходимость чего диктуется новыми требованиями, заставляет искать заложенные в культурах возможности для вписывания людей в новую систему отношений. Это сделать очень сложно, так как вся структура сознания традиционных обществ, их культуры и власти гарантируют воспроизводство старого. Адаптация является лишь пассивным компенсационным механизмом, позволяющим населению с переменным успехом бороться за свое выживание¹³⁴. Активное включение в освоение изменившейся среды происходит тогда, когда в общественном сознании созреют необходимые потребности и интересы, в чем, естественно, немаловажную роль должны играть социальные программы федеральных и региональных властей.

Важным инструментом и условием для изучения и учета культурной основы всех региональных вариантов модернизации является классификация или районирование российского пространства. Существовавший в отечественной науке и практике принцип деления длительное время базировался на политико-административном и экономическом критериях. Так, в 1921 году в основу районирования страны была положена идея единого

хозяйственного плана. В докладе председателя Госплана Г.М.Кржижановского цель создания новых регионов определялась следующим образом: «Район как организационная форма должен внести в дело строительства какую-то положительную прибавку, новый стимул роста, чтобы можно было говорить о районе не как о замкнутой в этом отношении территории, а как о мощном звене в общественной, народнохозяйственной цепи»¹³⁵. Нынешние исследования обращаются в первую очередь к культуре для выявления особых территориальных зон. Среди вариантов нового районирования России: историко-культурный (историко-этнографический) подход, базирующийся на концепции уникальных природно-культурных территорий, культурно-географический подход.

Сторонники историко-культурного подхода дают определение культурного региона как пространства, необходимого и достаточного для осуществления и воспроизводства человеческой жизнедеятельности. Его размеры определяются потребностями индивидов и социальных групп, прежде всего, национально-этнического характера в самоопределении¹³⁶. При этом, признается, что вопрос об ареальной, локальной дифференциации зон и групп единого русского этноса недостаточно проработан. Русская этнография, вслед за диалектологией, выявила три этнографические зоны в Европейской России — северную, среднюю и южную. Однако, степень изученности их неравномерна: более или менее подробно изучена южная зона, значительно хуже — средняя и северная зоны. И, можно сказать, практически неизвестны территории на Поволжье, Урале, в Сибири, на Дальнем Востоке¹³⁷.

Для представителей географического направления региональность также есть сплав человеческой культуры и географической среды, их взаимопроникновение, рефлексивное отражение друг в друге. Культурная география изучает территориальные особенности национальной культуры. В этом ракурсе Россия предстает как мозаика местностей, что исключает возможность говорить терминами «центр» и «периферия»¹³⁸. Российский мир состоит из русского культурного мира и интеграции в него (с разной степенью) других культурных миров. Основными факторами интеграции можно назвать культурно-лингвистический, конфессиональный и политико-исторический. В этом плане различаются и уровни интеграции. Самый высокий из них — представляют народы, которые переняли от русских православную культуру, язык (представители угро-финского мира,

чуваши). Сравнительно высокий уровень интеграции оказался у некоторой части угро-финского мира, многих народов Севера — представителей палеоазиатского мира, также у хантов и манси (угро-сибирский мир), ненцов (самодийского мира), якутской части тюркского мира. Средне интегрированы в русский мир народы саяно-алтайской области тюркского мира, также татары, башкиры, буряты, калмыки (монгольский мир), тунгусо-амурский мир, часть палеоазиатского и самодийского миров. Сравнительно ниже уровень интеграции у исламской области российского Северного Кавказа. И самый низкий уровень интеграции демонстрируют народы, которых не коснулась христианизация, непродолжительное время находящиеся в составе России, свободно владеющие своим языком (но имеющие определенное русское влияние и опыт общения с Россией): тувинцы и цахуры (горный район Дагестана). Таким образом, фиксируется присутствие в России большого количества своеобразных культурных миров, как полностью интегрированных в русскую культуру, так частично.

Оба этих подхода дают возможность по-новому взглянуть на региональное своеобразие России — с точки зрения культурно-традиционного багажа социальных процессов. Действительно, разная внутрикультурная обстановка регионов, особенности их взаимосвязи друг с другом как в политико-историческом, так и в конфессиональном, лингвистическом планах обуславливают внутреннюю специфику всей их жизни. Однако для модернизационного развития, подразумевающего соответствующие условия принятия управленческих решений, будет удобнее рассматривать Россию в нынешнем административном делении регионов, и каждый регион определять на наличие в нем полиэтничности, поликультурности, а соответственно и хозяйственно-культурных комплексов традиций. Идея интегрированности представителей разных культурных миров в русский мир представляется в этом плане плодотворной, так как предполагает историю взаимовлияния, диалога культур, а значит и возможность изменяться. Требованием времени ныне для России является выбор приоритетов, модели своего развития. Ее региональные составляющие с потенциально заложенными в них возможностями к изменениям являются для этого необходимым условием.

Интеграция этносов в русский культурный мир началась, прежде всего, в экономическом плане. Одним из важнейших факторов изменения традиционного производства стал торго-

вый капитал¹³⁹. Он способствовал трансформации социальной структуры местного населения, усилению миграции и увеличению контактов между культурами. В дальнейшем часть региональных культур адаптировалась к новым условиям на уровне самосознания: принималась новая религиозная система, выстраивалась иерархия идентичностей, происходила ассимиляция. Для прохождения процессов трансформации жизни этносов в течение XVII–XIX веков индустриализация не была отправной точкой. Она стала одной из мобилизационных целей в советский период, по окончании которого выяснилось, что в ряде регионов с сельскохозяйственной основой жизни была, по сути, искусственным насаждением. Традиционная культура, ориентированная на аграрный стиль жизни, формировала человека общинного типа. Государственный патернализм советского времени привязывал общинника к производству и не ориентировался на предпринимателя-индивидуалиста. В итоге кризис переходного периода развития России способствовал возвращению архаичных начал традиционных культур. В регионах это выразилось в обострении социальных конфликтов, спаде и даже разрушении производства, в особенностях стиля руководства политических элит.

Трудно утверждать, что культурно-антропологическая основа многих трансформированных региональных сообществ России предполагает их отставание от ряда общероссийских и в целом мировых процессов, имея традиционные, а не модернизаторские принципы общественного устройства. Скорее, она, объясняя причины, должна расцениваться с точки зрения возможностей, способностей, которые необходимо учитывать как потенциал. Курс на стабильное развитие может опираться на культурные особенности и способен вывести каждый регион из кризиса своим путем. Конечно, имели наиболее удачные стартовые позиции для того, чтобы вписаться в новые экономические условия, регионы с развитой добывающей промышленностью (топливно-энергетического, лесного и металлургического комплексов), старопромышленные индустриально развитые и, как правило, высокоурбанизированные центры. Однако, в части регионов промышленное производство также развивалось, но пришло впоследствии в упадок. Объясняется такая реакция разницей между антропологическими типами региональных сообществ, соотношением инновационных и традиционных черт жизни основной части населения. Советская система народнохозяйственной жиз-

ни с взаимосвязанностью производственных циклов ушла в прошлое. Конечно, с экономической точки зрения современное критическое состояние бывших когда-то традиционно-развитых регионов связано в первую очередь с общим экономическим кризисом в стране и с тем, что регионы не выдержали давления и конкуренции хлынувшего в Россию внешнего рынка. Однако, если рассматривать антропологическую составляющую процессов, то очевидно что резкое изменение условий организации общего производства и личного труда выявило коренную проблему человеческой составляющей производства, а именно вос-производство традиционности в сознании и моделях поведения. Сейчас можно говорить о персональной и общественной модернизации, имея в виду масштабы столкновения традиционного мировосприятия с новым образом жизни. Старый мир со своими культурными смыслами, маркерами, символами, привычными моделями поведения и мышления перестал существовать, обращение к нему уже не помогает решить нынешних насущных проблем. Нет той централизованной, административной упорядоченности. Нарушены не только экономические связи и отношения, но нарушение произошло на уровне общественного и индивидуального сознания. Каждый регион по-своему проявил эти нарушения.

В настоящее время страна переживает новый этап регионального развития. Экономические факторы, способствовавшие дезинтеграции российского пространства, ныне, по мнению ряда исследователей, работают на обратный процесс. Конкуренция между регионами приводит к тому, что региональные политические элиты для поддержания своего региона ищут опору в центре. Однако при этом внутренняя, собственно региональная стратегия развития строится на двух совершенно различных моделях — либеральной и консервативной. Либерально ориентированные элиты отказались от прямого контроля за экономикой, последовательно сокращают субсидирование производителей, ориентируются на частный капитал и придерживаются политики открытости региона, его интегрированности в общероссийский и мировой рынок. Однако более распространены в регионах черты консервативного управления: сохранения в той или иной степени контроля за формально независимыми субъектами хозяйствования, социальное «выравнивание», ориентация на внутренний рынок, его защита от внешних конкурентов, порой построенной на закрытости региона¹⁴⁰. Представители этих двух противо-

ложно ориентированных региональных элит в своих обращениях к центру по-разному представляют взаимосвязь центра и их регионов. Кто понимает это как партнерские взаимоотношения, а кто — как постоянные напоминания о своем бедственном положении и необходимости поддержки, что свидетельствует об инерционной позиции ряда руководителей консервативного типа мышления. Особенности политической ориентации региональных элит, имеющие основания в культурно-антропологических типах общества, также продолжают определять тенденции дальнейших трудностей модернизационного развития регионов, разрывы между уровнями жизни в реформаторских и депрессивных территориях.

Учет культурных факторов реформирования дает возможность определять, на чем может осуществляться успешное развитие с тем, чтобы общества преодолели, прежде всего, остроту своих социальных проблем. Необходимо найти точки соприкосновения между традиционными ценностями и ценностями современного общества, которые позволили бы людям заниматься тем делом, которое привычно, приемлемо для их сознания, но в других условиях.

Проблема выбора региональных моделей общероссийской модернизации сталкивается также с вопросом поликультурности России, сосуществовании здесь представителей разных культур, имеющих мировые центры тяготения. На основании культурной близости территорий время от времени возникают дискуссии на тему, например, панславянства, панисламизма, пантюркизма, панмонголизма и прочее с призывами к объединению этих миров в единое целое на основе этнокультурной и религиозной идентичности для дальнейшего совместного развития вне зависимости от сложившейся государственности. Конечно, истоки культур, традиционности задают много общего и позволяют находить родственные корни современных проблем. Однако, несмотря на разную степень интегрированности этносов в российское пространство, обусловленную историческим процессом, реальным, вместо этих деструктивных и конфликтноопасных предложений является межрегиональное сотрудничество, учет опыта других регионов мира, каждый из которых представляет уникальное, особое решение на вызовы современной модернизации и глобализации. Российские же регионы являются не просто случайно сложившейся мозаикой, а российским сообществом с единой судьбой. Оттого, насколько решена

проблема неравномерности регионального развития, зависит вся российская жизнь. Вопрос состоит в том, как преодолеть эту неравномерность, сгладить исторически сложившиеся различия для благополучия людей и безопасности страны.

Культура как фактор развития Тувы

Для того, что осознать, насколько трудным является региональный модернизационный процесс в рамках всего российского пространства, необходимо проанализировать на конкретном примере проблемы так называемых депрессивных регионов с точки зрения культурной основы социальных изменений.

Одним из депрессивных регионов России является Республика Тыва (Тува). Сейчас мы можем наблюдать здесь результат столкновения культуры Тувы советского времени и новых модернизационных установок. Когда в жизнь региональных сообществ проникают новые демократические установки, они встречаются с наследием прошлого. В случае с Тувой эта встреча может рассматриваться как столкновение, приведшее общество в состояние глубокого кризиса. Учитывая то, что в республике проживает около 70% населения титульного этноса — тувинцев, обратимся к тувинской этнической культуре досоветского, советского и постсоветского периодов времени. Мы не можем говорить о столкновении модернизационных установок с собственно тувинским этнокультурным миром, сформированным веками. За советский период эволюционный ход развития тувинского общества оказался под воздействием серьезного вмешательства. Чтобы пояснить этот тезис, необходимо рассмотреть в общих чертах историю Тувы XVIII—XX веков именно в этом ключе.

Формирование этногенеза здесь было завершено в первой половине XVIII века. В этнокультурном своеобразии жизни тувинцев можно наблюдать и древние влияния (тюркскую, уйгурскую, кыргызскую), и средневековые монгольские. Несмотря на то, что вся политическая история Тувы полна драматических страниц экспансии со стороны крупных монгольских и китайских государственных образований, в целом можно сказать о сохранении основных этнокультурных компонентов. Образ жизни общества, размеренно развивавшегося веками, сохранился в своей самобытности до начала XX века. Радикальные изменения начались с широким взаимодействием местной культуры с российской в XX веке.

Существование территорий Центральной Азии, в том числе и Тувы, в составе государств Алтын-ханов, Джунгарии в XVII — первой половине XVIII веков, затем Китайской империи Маньчжурской династии Цин со второй половины XVIII века до начала XX века не повлияло на функционирование кочевого уклада. Основная масса населения — араты — занималась кочевым скотоводством в сочетании с земледелием, охотой на землях, которые принадлежали правителю, управлявшему территориями через своих наместников. Во время длительного периода подчинения Тувы империей династии Цина, политика Китая строилась на принципах управления без расходования средств, с помощью местной знати и с сохранением местных обычаев. Жители были закреплены к определенным хошуунам¹⁴¹ Урянхайского края (прежнее название Тувы), кочевали в их пределах, находились в личной зависимости от знати, обрабатывали земли, ухаживали за скотом немногочисленной местной социальной верхушки, несли повинности и платили им огромные налоги. Влияние юго-восточных соседей носило характер отдельных заимствований элементов бытовой культуры благодаря налаженной торговой связи между провинциями империи. Это не отражалось существенным образом на традиционном укладе тувинцев, однако держало территорию и живший на ней народ практически на положении сырьевого ресурса, источника обогащения. А учитывая и древнюю историческую традицию вражды китайской оседлой и степных кочевых цивилизаций, можно сказать, что этнокультурное отчуждение здесь базировалось на культурных установках, не способствуя широким контактам.

Рассматривая культуру тувинского этноса, необходимо отметить, прежде всего, традиционность и синкретизм жизни этого общества. В тувинской картине мира добуддийского периода существовало сложное переплетение мировосприятия охотников горной тайги и скотоводов-кочевников, религиозных архаичных представлений. Все эти миры с соответствующими установками сложились в одну культурную традицию, имеющую много общего с традиционным мировоззрением тюркоязычных и монголоязычных народов Южной Сибири, но при этом и обладающую и своими особенностями. В картине мира тувинского этноса существовало несколько особенностей, которые пронизывали всю общественную жизнь, воплощались в определенных поведенческих формах и способствовали стабильному существованию социума. Синкретизм духовных традиций тра-

диционного мировосприятия не создавал концепций с четко очерченными категориальными структурами. Древние системы рассматривали мир в слиянии природного и социального. Здесь бытие человека было тесно вплетено в бытие природы, мировоззрение характеризуется антропоморфизмом, когда человек воспринимается как часть природы, в отличие от антропоцентризма, где человек признается венцом творения¹⁴². И реальный, и мифический космос познавался через человеческие свойства: природные объекты были одухотворены, имели хозяев, так или иначе влияли на жизнь людей. В тувинском языке части природного ландшафта носят названия частей тел человека: ступни, спина, голова. Также и сам человек исходил из природы, его существование было признано в прямой зависимости от единой мировой жизненной силы. Родовая принадлежность, являющаяся основой этнической идентификации, в мифопоэтическом сознании связывалась с природными существами, с тотемными животными. Образ хозяйствования тувинцев, веками связывавший их с окружающей средой, делал их природно-рациональными. Знания об окружающем их мире были точны до мелочей. Природные циклы, земля, растительность, повадки животных и скота — все имело свои названия, описывалось в свойствах, находило применение в жизни. С другой стороны, мифическая освященность окружающего мира предостерегала от расточительности, небрежности. Основной социальной структурой в обществе были семья, род. Будучи опорой социальных взаимоотношений, они базировались на непререкаемых ценностях: авторитете старших (передающих опыт существования) и большом количестве детей (как гарантии дальнейшего продолжения жизни). Материальный достаток понимался как ценность скота, угодий.

Духовная традиция тувинской культуры существенно обогатилась с помощью пришедшего через Монголию тибетского варианта буддизма. С XVIII века он широко распространяется в Туве и к концу этого же века стал официальной государственной религией. Исследователи отмечают ряд позитивных моментов в принятии этой территорией мировой религии¹⁴³. Этическая направленность буддизма дала толчок для дальнейшего развития морально-этической системы тувинской культуры. Положения учения не противоречили убеждениям разных социальных слоев общества. Знать и чиновничество видело в нем инструмент влияния на население, рассматривало его как часть государственной политики, которая находила поддержку у вла-

стителю Китая. С насаждением буддизма «сверху» среди народа он приобретал простые формы выражения. Часто над внутренним содержанием превалировала внешняя обрядовость. Но при этом араты и беднейшее население все же имели возможность получать образование в монастырских школах, приобщаться к грамотности. Кроме того, установки на равенство, терпимость и сострадание в условиях резкого социального расслоения помогали общению слоев в этих условиях, способствовали укреплению чувства единства в обществе. В целом, буддизм стал заимствованием, не изменившим устои, но существенно обогатившим культуру. Он раскрыл инновационные возможности традиционного общества и настроил его изнутри на дальнейшее развитие. Буддийское мировоззрение способствовало переходу первобытного родоплеменного сознания на новую ступень миропонимания: от Космоса к Социуму, к утверждению социальных категорий и потребности в развитии социума. Буддийское просвещение привело к появлению в конце XIX века прогрессивно настроенной знати, деятельность которой была направлена на укрепление централизованной власти в Туве. В обществе к тому времени назрела необходимость преодоления племенной разрозненности и укрепления единой общегосударственной морали. Буддизм сыграл в этом немаловажную роль, хотя не стал государственной идеологией в Туве, как, например, это произошло в Тибете. Он может рассматриваться как государственная религия, как система, приспособившаяся к существующей политической системе¹⁴⁴, получившая здесь местный облик.

Первые контакты населения Тувы с русскими датируются семнадцатым веком, что было связано с установлением торговых связей России с территориями Сибири и Дальнего Востока. Однако более активные взаимодействия начались в Урянхайском крае с конца XIX века. Согласно Пекинскому дополнительному договору между правительствами Российской империи и Китая 1860 года¹⁴⁵, здесь была разрешена свободная беспопытная торговля как китайским купцам, так и русским. Хотя Тува официально считалась подчиненной территорией Маньчжурии, фактически она являлась частью открытой граничной зоны между двумя империями. В Урянхайском крае появилась русская золотопромышленность, к концу XIX века началась первая волна крестьянской колонизации, сначала незаконной, стихийной, а с 1907 года целенаправленной¹⁴⁶. Тем самым, тувинская культура вплотную соприкоснулась с новым образом жизни

ни, чего не было ранее. Прежнее вхождение в состав других государств осуществлялось «азиатским образом», то есть не претендовало на рекультивацию населения Тувы и ограничивалось ее экономической эксплуатацией. В межкультурном взаимодействии не происходило таких традиционных для моделей русского освоения Сибири процессов, как адаптация и ассимиляция. Другие народы, не имевшие прежде культурных влияний, получали от русских новые начала культуры, например, в виде, широкой христианизации. Несмотря на существование четких этнокультурных маркеров в восприятии «своих» и «чужих», контакты между народами в Туве стали носить характер широких хозяйственных заимствований. Как отмечают исследователи, русские поселенцы стали посредниками в усвоении тувинцами европейской культуры, новых форм хозяйствования и быта¹⁴⁷. Местное население впервые узнало о постоянных жилищах — деревянных избах, о новых формах землепользования, о новых орудиях. Привлечение нового хозяйственного опыта не приводило к изменениям в культурной, этнической идентичности.

Выход Тувы из-под власти павшей маньчжуро-китайской империи в 1911—1912 гг. только укрепил расширяющиеся связи между Урянхайским краем и Россией. Освобожденная, но ослабленная и социально разрозненная Тува должна была выбрать ориентир — Россию или Монголию. Южный сосед к тому времени также получил политическую независимость от Китая, и в среде его знати существовало желание присоединить Урянхай к себе. Однако здесь свою роль сыграло проявление инновационного направления в культурном сознании, вносимого русскими. Монголия являла собой родственную кочевую культуру. В социально-экономическом плане она была такой же ослабленной бывшей провинцией китайской империи, которой требовалось определить ход своего дальнейшего развития. Естественным выбором для Тувы в этой ситуации стала ориентация на Россию. Выразителем этой установки стал глава самого многочисленного Даа хошгууна Буян Бадыргы. В его прошении 1913 года к императору Николаю II о покровительстве отмечаются установки на оптимальный путь для Тувы. Российское влияние вносило в жизнь кочевого народа тувинцев больше стимулов для дальнейшего развития. Заимствования в плане хозяйственно-экономической жизни обогащали мировоззрение, инновационные механизмы традиционной культуры, которая получила возможность существовать без жесточайшего политического и эко-

номического пресса со стороны Китая. В этнокультурном сознании понимание этого стало изменять и политическую ситуацию. На передний план политики выдвинулся такой человек, как Буян Бадыргы. В этом случае тувинское общество отвечало на внешний вызов — требование самоопределения и выбора пути — адекватным ответом, позволявшим ему и развиваться, и одновременно сохранять основу своей традиционности. Выражая желание получить защиту России, Тува просила сохранить «установленные с давних времен порядки управления и обычаи», а также «право распространения желтой религии¹⁴⁸» на своей территории¹⁴⁹. Протекторат (покровительство) России над Тувой был официально объявлен в 1914 году.

Конечно, нельзя говорить только положительной стороне взаимодействия Тувы и России. Русская торговля также носила характер несправедливого грабежа местного населения, часть земель для новоприбывших с севера приобреталась путем подкупа знати, беднейшие слои местного населения для элементарного выживания были вынуждены идти в наем на работу в крупные хозяйства разбогатевших русских поселенцев. И после установления над Тувой официальной юрисдикции России, край продолжал существовать как источник сырья, теперь уже для русской промышленности.

В плане культурного взаимодействия произошло более существенное: тувинцы, соприкоснувшись с новым образом жизни, увидели пример активного и эффективного хозяйствования. Русские переселенцы, большая часть которых была обедневшими крестьянами, искавшими лучшей жизни в новых местах — были одним из примеров классического «бегства» от государства. Они стали активной социальной группой, которая осваивала «дикое» поле с полной самоотдачей. Их пример удивлял, поражал, вдохновлял и пугал одновременно. Сама Тува не имела достаточных внутренних резервов для дальнейшего развития. Размеренный ход кочевой жизни, огромный социальный разрыв, нищета основной массы населения и освященные религией установки на подчинение — не могли обеспечить дальнейшее существование и сохранение этнической целостности при постоянных внешних давлениях. Поэтому социальной ориентацией, получившей основание в самой культурной потребности, стала ориентация на Россию. А учитывая то, что в тувинской культуре также характерным является гостеприимство и открытость, неудивительно, что в большинстве своем контакты с пред-

ставителями северной державы носили характер установления личных дружеских отношений. Это значительно облегчало прохождение процесса культурных заимствований. Значительных конфликтов на этнической почве зафиксировано не было. Такое взаимное мирное сосуществование этносов продолжается и сейчас. Конфликты в современной Туве начала 90-х годов между тувинцами и русскими, хотя и носили этническую окраску, были определены, прежде всего, социально-экономическими и политическими причинами и не являются характерными для межнациональных отношений в этом регионе в целом.

Со второго десятилетия XX века Туву, вовлеченную в поле жизни российского государства, потрясают волны политических и социально-экономических кризисов. Однако это стало и органическим следствием внутреннего становления: тувинское мировоззрение переживало революционный прорыв, формировало новые социальные структуры, примеряло новые идеологические ориентиры. В итоге, здесь также была провозглашена Советская власть, проходила гражданская война. Событием большой важности стало провозглашение при поддержке Советской России в 1921 году Танну-Тувинской Народной Республики. Самостоятельная государственность была подчеркнута всеми атрибутами: Конституцией, формированием органов власти. Несмотря на провозглашенную независимость государства в Центре Азии, необходимо отметить, что вовлеченность Тувы в общероссийские процессы продолжала существовать и укрепляться. Это выражалось во всемерной поддержке проводимых в Туве реформ и было закреплено в 1944 году официальным вступлением ТНР в состав СССР.

Общественно-политическая и научная мысли не избежали идеологических влияний времени и характеризуются наличием разных оценок истории Тувы XX века. В советский период идеологические установки побуждали историков говорить об исключительно позитивном значении революционного скачка республики из феодальной системы в социализм с помощью братского советского народа. Во второй половине 80-х — начале 90-х годов мнения стали различаться. В связи с всеобщим процессом поиска новых ориентиров и политического становления постсоветского времени высказывались даже крайние оценки об ошибочном курсе на советизацию, приведшей к утрате тувинской государственности (1921—1944 гг.) и исчезновению самобытного уклада кочевого народа. Дискуссия все еще продолжа-

ется. На наш взгляд, категоричность оценок не даст нам правильно взглянуть на прошлое, настоящее и будущее развития Тувы. Традиционное, кочевое, самобытное общество вступило в XX век и не могло не ощутить на себе влияния мировых тенденций — требований в ускорении развития. Оптимальным для региона, расположенного в центре азиатского материка между крупными государствами, стало решение о вхождении в состав российского пространства. Этот выбор, который руководствовался идеями территориальной безопасности, сохранения этнической и культурной целостности, улучшение образа жизни, гарантировал поддержку малому народу со стороны большой империи. И естественным является общая «ответственность» территорий, имевших один путь развития, в том числе и вместе переживавших советский период. Вопрос состоит в том, что методы управления и экономическая политика, проводившаяся по всей советской стране, где сосуществовали разнородные регионы, в том числе и Тува, игнорировали культурные особенности регионов. Весь образ жизни фактически строился по принципу унификации. Это ввергло региональные культуры в кризисы разной степени, что и стало причиной разной готовности к новым кардинальным изменениям конца XX века.

До 1929 года Тува начинала построение своего дальнейшего развития на основе собственной идентичности. Локальная культура тогда, не удовлетворяясь старыми социальными, экономическими и политическими образами, искала новые формы, так же как и российская. Эту ситуацию можно определить как формирование внутреннего импульса собственного развития в ответ на внешнее влияние — вызов. Общество было возбуждено и готово к принятию инноваций ради сохранения и укрепления своей жизни. Фольклористами зафиксировано большое количество новых песен, частушек, загадок о новой счастливой жизни, которые появились в этот период¹⁵⁰. Идея коммуны была созвучна с традиционным коллективным трудом аратских хозяйств. С ней связывались надежды на сытость, на увеличение количества скота как показателя зажиточности. Новые поселения символизировали торжество общего труда единомышленников. Техника, отправляемая из России, воспринималась как интересное средство познать восхитительное неведомое, называлась «железным конем», «огненной телегой». Эта идея подкреплялась традиционными установками тувинцев. Одной из главных ценностей кочевой культуры был конь — верный друг и помощник в

работе и в целом в жизни, который давал возможность постоянно расширять пространственное восприятие человека. Конь помогал человеку быть мобильным, придавал культуре черты открытости и любознательности. Теперь таким же, но уже более мощным средством открытия мира, воспринимались новые технические средства: автомобили, трактора, аэропланы.

Безусловно, развитие на уровне культурной неизменности имеет свои пределы и не дает того ускорения, которое получает территория, ориентированная на модернизацию. Подлинной дилеммой является необходимость учета культурной специфики этноса и одновременной потребности в ускоренном развитии, идущем от внешнего вызова.

Начиная с 1929 года, разворачивание культурной логики развития Тувы было нарушено. В Туве, когда она была независимым государством, вслед за СССР, а затем и в его составе, стали проводиться жесткие методы реформирования всего хозяйства. Основными трудностями дальнейшего развития были признаны кочевой образ жизни, разбросанность и безграмотность основной массы населения, отсутствие подготовленных кадров. В мобилизации сил на скорейшее достижение счастливой жизни, проведенной под руководством партийных верхов, не было уделено должного внимания основам традиционности — моральным устоям тувинского общества. Механический перенос внешних образцов не учитывал духовный стержень культуры. Самым большим ударом стал массовый перевод кочевников на оседлый образ жизни, завершившийся в 50-е годы. Перестала существовать та реальная база, на которой строилась система отношений людей. Привязка людей к одному месту нарушила правила жизни, что привело к утере пространственной основы для реализации вековых поведенческих форм. Ранее вся система правил имела строгую привязку к образу жизни, к конкретным бытовым ситуациям. Почитание старших выражалось в строгих формах-образцах в разных ситуациях, в разных местах: в жилище — юрте, во время встреч в пути, во время ритуалов, праздников и прочее. С переходом кочевников на оседлый образ жизни, система оказалась устаревшей. Сам номунизм перешел в разряд профессиональной деятельности отдельной социальной группы — чабанов. Часть традиций квалифицировалась как социально неприемлемая. Освященные религией ценности разрушались, уничтожались храмы, репрессии подверглась целая социальная группа священнослужителей — лам и

шаманов. Была нарушена сакральность многих форм деятельности, прежде всего связанных с природной рациональностью. Представления об окружающем мире лишились религиозной основы и сохранились лишь в трансформированных образцах отдельных ритуалов и действий. Как это можно было бы учесть? Как совместить задачи модернизации, переход к новому с удержанием традиционного, старого, которое неизбежно по определению должно меняться? Возможно, сохранение кочевого скотоводства не стоило расценивать как феномен отсталости и не надо было разворачивать в Туве программу индустриализации по образу других территорий. Поддержка и модернизация традиционных видов деятельности способствовали бы развитию с точки зрения культурной логики, с сохранением образа жизни, а значит, и морали.

В советское время культура тувинцев стала ассимилироваться с советской культурой. Основные черты тувинского традиционного общества, такие как авторитарность, иерархичность, коллективизм, отсутствие индивидуальной ориентированности, перекликаются с чертами советского общества. В составе СССР, локальная кочевая культура распространила свои маркеры на те инновации, которые происходили в тувинском обществе. Утверждаемые советским образом жизни идеи социального равенства не получили полного признания в сознании людей патриархальной, иерархичной культуры. Народные установки на нормы соподчинения были перенесены на новые формы иерархии общества. Партийные лидеры, вожди почитались так же, как раньше представители верховной княжеской знати. Патриархальность сменила свои верховные объекты, однако, по сути, осталась прежней. Советский Союз стал восприниматься большим родом со своим главой, но при этом сохранилось восприятие локального рода. Этнокультурная основа сохранилась и в отдельных значимых морально-этических нормах поведения.

Не идеализируя традиционность и размеренность существования этой центральноазиатской республики в прошлом, не удовлетворявшую общественные потребности, тем более в сложной внешней социальной ситуации XX века, надо четко осознавать, что модернизация советского периода поставила перед собой задачи по выводу данного региона из ее традиционной отсталости. Задачи эти во многом были решены. Трудовые десанты специалистов разных отраслей, становление промышленности, урбанизация, разработка письменности, всеобщее образование,

появление своей национальной интеллигенции изменили картину жизни региона. Социально-экономическая, политическая жизнь, образование, искусство Тувы, действительно, получили большое развитие. Это дает основание говорить о большом прорыве в социальном развитии.

Однако этнические культурно-антропологические традиции при этом не были поддержаны. В Туве начала советского периода формировался идеал нового арата (труженика), образованного, работоспособного члена коллектива, осознающего себя частью своей родины Танну-Тувы и большого советского государства. Отказ от выработанных ценностей социальных взаимоотношений, освящавшихся в прошлом мифической традицией и буддизмом, стал причиной оторванности людей от морально-этической системы культуры. Опыт предков оказался бессильным перед решением новых задач. Представления о лучшей жизни перестали связываться только со скотом, землей, и к тому же потеряли вес идей взаимосвязанности человека с природой. Советский энтузиазм покорителя природы был несовместим с прежними установками на естественную бережливость. В итоге, тувинское общество пошло вразрез со своими культурно-антропологическими традициями. В социальном плане, по-прежнему большую роль играли группы, занимавшиеся земледелием и скотоводством, однако осуществлявшаяся политика образования в отрыве от народно-педагогических традиций, привела к тому, что в тувинской среде выросло поколение, лишь осознающее себя по принадлежности к тувинскому этносу, но фактически оторванное от носителей этой культуры. Это происходило потому, что ускоренная модернизация не только производила много полезных нововведений, но, одновременно, разрушала традиционное общество, не успевавшее заместить традиционную структуру ценностей новыми.

Этническим осталось искусство, получившее к тому же дополнительное развитие в отдельных направлениях, благодаря влиянию мировых образцов, доступным в СССР. С разработкой в 1930 году советскими учеными тувинской письменности появилась своя национальная литература; был создан тувинский национальный театр, появились национальные школы живописи, музыки, хореографии. Письменность зафиксировала достижения устного народного творчества как выражения исторической памяти и мифопоэтического, творческого потенциала народа. Ее прежние фольклорные формы стали отмирающим

явлением с постепенным старением и уходом из жизни поколения, которое перенимало их от своих предков. Советское образование, являющееся, по сути, традицией европейского просвещения, принесло, с одной стороны, в жизнь тувинского народа прогрессивные знания, необходимые ему для существования в новых условиях. С другой стороны, оно разорвало цепь традиционной преемственности народных знаний, народной педагогики, игравших важную роль при формировании человека как объекта и субъекта системы морали многовековой культуры. Культурное содержание социальных сфер не поддерживалось в той мере, чтобы осуществлять развитие и одновременно сохранять культурную идентичность.

В начале 90-х годов Тува, как и другие регионы России, была вынуждена искать новую государственную идею. Естественным стало обращение к недрам традиционной тувинской культуры. Однако и здесь не обошлось без перекосов в процессе возрождения национальных культур, который был провозглашен в национальных регионах. Тувинский этнос в попытке опереться на свои многовековые традиции и мировоззрение, стабилизовавшее и мобилизовавшее прежде общество, обнаружил, что национальная культура сохранилась только в искаженном, трансформированном виде. Ведь основа всей традиционности — образ жизни — уже был изменен. Требования полного суверенитета и возврата к национальным истокам, которые звучали в Туве начала 90-х, как и в других территориях, не имели достаточных оснований для реализации, в целом, были лишены исторического смысла, так как обращали общество, по сути, к архаике. И теперь новые модернизационные ценности становятся непосильными для принятия в обществе, прошедшего ускорение в своем развитии, но при этом трансформировавшего формы своей традиционности в советский образ жизни, без гармонизации развития и культурно-антропологической основы. В обществе с разорванной связью между поколениями и искаженными формами прежней традиционности переход от советской нормированности и социального контроля к свободному волеизъявлению граждан стал причиной глубокой социальной депрессии. Общество оказалось деструктурировано; люди были вынуждены бросить все свои силы на выживание, потеряв прежние моральные ориентиры как советского образца, так и своей этнической культуры. Неудачно реализованная стратегия российских реформ привела к погружению Тувы в пучину внутрен-

них проблем социальной и экономической сфер: ростом уровня безработицы и преступности, кризисом института материнства и семьи, развалом производства. Превращенной формой традиционного родового коллективизма стала клановость, особенно усложнившая ситуацию в политической сфере. Несогласованность действий политической элиты региона, сложившейся из прежних ресурсов командно-административной системы, не дала возможности сформировать оптимальный путь развития этой самобытной республики. Все это делает затруднительным осуществление социальных реформ для модернизации региона и вывода его на путь стабильного существования. В описанных процессах проявилась общая закономерность российских радикальных трансформаций: ориентируясь на слом существующей культуры, они создают ее превращенные формы и возрождают архаические начала¹⁵¹.

Тува сейчас снова стоит перед вопросом более полувековой давности: поиску пути дальнейшего развития при сохранении своей идентичности. Как один из российских регионов, Республика Тува является частью общероссийского развития, однако специфичность ее как локального, регионального образования предполагает построение тувинской составляющей общего пути, с опорой на внутреннюю логику развития — на культурные ориентиры для спасения идентичности мироощущения людей в данном обществе. Пребывая в качестве белого пятна на карте преобразований России, Тува снова, как и в начале XX века, опаздывает, но этим опозданием — депрессией социально-экономической сферы — показывает, что в ней возник кризис культурных установок, основанный на столкновении трансформированной этнической традиционности и новых модернизационных ценностей. Именно культурный фактор продолжает быть здесь определяющим для дальнейшего хода социальных процессов.

По своим истокам, историческим и культурным параллелям Тува имеет две направленности к мировым центрам притяжения: тюркскую и буддийскую. Если рассматривать потенциальную возможность ориентации Тувы на тюркский мир, то здесь очевидна нереальность пути. Огромное количество тюркских народов мира имеет традиционную принадлежность к исламской цивилизации. Такая разница культурных миров не дает оснований говорить о реальном тяготении Тувы к тюркским центрам. Отнесение Тувы к территориям буддийского мира позволяет изучать внутренний потенциал этнической культуры в

соотнесении с морально-этической системой этой мировой религиозной системы. Особенностью распространения буддизма является его гибкость и лояльность к местным условиям, когда он приобретает локальный облик, проникая в сознание людей без особой трансформации сложившейся духовной традиции. Главная этическая составляющая этой религии обращена к культурам, создавая меньшую зависимость от политической идеологии, чем другие мировые религиозные системы. Поэтому более очевидна связь между Тувой и другими буддийскими территориями в виде духовной традиции. При этом каждая имеет свою внутреннюю логику дальнейшего развития.

Рассуждая о пути дальнейшего развития Тувы, необходимо говорить о собственной, тувинской направленности развития в рамках российского пути. И главным шагом, позволяющим сделать прорыв, является, прежде всего, разрешение культурной ситуации, нахождение духовной традиции в обществе, утраченной в XX веке. То, что традиционность восточного типа общества может быть использована в модернизационном развитии, — доказано Юго-Восточной Азией. И хотя сейчас этот мировой регион переживает кризис, все же опыт развития стран, не отказавшихся от своей культурной идентичности, близких Туве по духовной традиции, может быть ценным для этой российской республики.

Таким образом, нынешняя ситуация с регионами России, пребывающими в тяжелом положении — депрессии, на наш взгляд, должна оцениваться не с позиции «успевающих» и «отстающих». Унификация и стандартизация жизни, происходящая в модернизирующихся регионах, с точки зрения культуры оборачивается утратой своеобразия. Проблема депрессивных регионов не в том, что они отстают от общих социально-экономических процессов, а в том, что их нынешнее состояние требует поисков оптимального пути при одновременном столкновении двух тенденций: влияния новых культурных установок и стремления к сохранению своей национальной идентичности. Она дает людям чувство родовой принадлежности и соотнесения себя со своей общностью. Поэтому вопросы дальнейшего развития таких регионов, их экономическое и социальное благополучие, могут быть решены только после анализа и разрешения культурного конфликта. Проблема состоит в том, чтобы регионам России в этом столкновении определиться в едином пути модернизации, позволяющем не ломать свои традиции, а опираться на них.

Глава 9. Персональная модернизация

Рассуждая о процессе модернизации общества, нельзя не обсудить такую его составляющую, как персональная модернизация.

Методологический аппарат для анализа персональной модернизации

Целесообразно взглянуть на это понятие с точки зрения двух противоположных аналитических подходов, таких как социальный номинализм и реализм. Социальный номинализм предполагает, что первичны индивиды и их установки и поведение и что общество — это сочетание сложных взаимосвязей и взаимодействий, которые имплицитно содержатся в поведении (или сознании) индивидов. Процесс персональной модернизации с этой точки зрения является основополагающим для модернизации общества. Модернизация общества в целом понимается как следствие персональной модернизации значительной части составляющих его индивидов.

Это утверждение является легко доказуемым на примере сообществ, малых замкнутых социальных групп. В качестве примера можно привести замкнутые религиозные общины, общины хиппи, кибуцы или же группы, вырабатывающие на добровольной основе некие правила поведения во время автономных путешествий. Все это — попытки в миниатюре создать особые общественные отношения, исходя из личных представлений людей, составляющих данное сообщество.

Социальный же реализм предполагает, что общество на самом деле есть нечто большее, чем сумма составляющих его индивидов. Тем самым утверждается, что общество как некая высшая реальность способно определять поведение каждого из индивидов, включенного в порожденные социумом сложные ценностно-ролевые комплексы. Таким образом, постулируется, что если определенные обстоятельства заставят общество изменяться (ради цели, вытекающей из самого процесса исторического развития, или цели «в себе», или, исходя из императивов сохранения целостности общества или иных намерений), то под влиянием системы общественных институтов поведение индивида обязательным образом должно измениться тоже. Тем не менее, процесс персонального изменения отдельного индивида под влия-

нием нового ценностного образца, установленного, исходя из новых целей общественной системы, сталкивается с определенной проблемой. Наиболее четко эту проблему сформулировал Т. Парсонс, один из выдающихся представителей системно-функционального подхода в социологии, стоящий на позициях социального реализма. Парсонс писал: «Система или подсистема, претерпевающая процесс дифференциации, сталкивается, однако, с функциональной проблемой, которая противоположна спецификации: установление такого варианта ценностного образца, который подходит для нового типа возникающей системы. Поскольку этот тип в общем более сложный, чем его предшественник, то его ценностный образец должен быть сформулирован на более высоком уровне общности для того, чтобы легитимизировать более широкое многообразие целей и функций подразделений. Процесс генерализации тем не менее часто сталкивается с жестоким сопротивлением, поскольку приверженность ценностному образцу часто испытывается различными группами как приверженность какому-то его конкретному содержанию, присущему предшествующему, более низкому уровню генерализации. Подобное сопротивление может быть названо «фундаментализмом»¹⁵².

Если изложить смысл данной цитаты в несколько упрощенном виде, *общественная система при изменении своей структуры сталкивается с инерцией индивидуального сознания, которое не может на когнитивном уровне осмыслить необходимость нововведений и новых ценностей, так как в большинстве случаев приверженность устоявшимся правилам была привита нормативным способом*. Вследствие этого возникает диссонанс в отношениях между структурами общества и отдельными индивидами. Выход из создавшегося положения представители социального реализма видели в необходимости создания соответствующих общественных институтов, которые должны обеспечивать быструю переориентацию индивидов на новые ценности и нормы посредством специально разработанных механизмов давления и внушения. Основная сложность, возникающая при этом, заключается в следующем: будут ли все представители общества воспроизводить новые формы отношений, основывающиеся на измененных образцах ценностной ориентации в случаях, когда система не сможет их в достаточной мере контролировать, поскольку относительно полный контроль возможен только в тоталитарном обществе.

Из сказанного выше можно сделать вывод, что постановка проблемы персональной модернизации так или иначе актуальна для общественной системы в целом, несмотря на разницу подходов к анализу социальной действительности.

Как уже было показано в предыдущих главах, понятие модернизации неразрывно связано с понятием традиции, которому оно в той или иной мере противопоставляется: традиция характеризует преимущественно нерефлексируемую циклическую воспроизводимость норм, ценностей и действий. В традиционном обществе существующее повторение является наиболее адекватной и эффективной мерой достижения наличествующих целей в сложившихся условиях. В классических теориях модернизации традиция интерпретируется почти без учета самой возможности ее изменения в новых условиях, при которых она могла бы сохраниться лишь в своей основе. Поэтому с точки зрения представителей классической модернизационной теории требуется отказ от традиции, который на практике невозможно осуществить. В результате этого в случае перемены исходных предпосылок, прежние механизмы достижения цели становятся менее эффективными, а зачастую и неадекватными. Тут надо отметить главную особенность интерпретации традиции: способ нормализации ситуации видится не в выработке новых способов достижения цели, а в возврате исходных условий существования.

В этом смысле модернизация изначально понималась как процесс, в результате которого будут отброшены попытки вернуть назад изменившиеся условия, а будет предпринята попытка пересмотреть старые традиции и выработать новые согласно современному положению вещей. Таким образом, предполагалось, что модернизация — это определенный прямой отрезок между двумя циклическостями, а цель модернизации — это порождение новой традиции путем последовательного изменения. Однако в процессе достижения этой цели выяснилось, что она практически недостижима, так как условия изменяются постоянно, а традиция обладает инвариантностью. Таким образом, процесс модернизации, если считать его основной целью выработку механизмов действий, максимально соответствующих действительному положению вещей, превратился из отрезка в вектор, что в конечном итоге и привело к кризису классическую модернизационную теорию.

Необходимо сказать несколько слов о термине «постмодернизация». Одно из его пониманий основывалось на той посылке, что в результате выработки новой традиции, основные про-

творчества (по сравнению с предыдущей традицией) решаются, а целью становится постоянно осуществляемый пересмотр традиций в ответ на некоторое незначительное число новых условий. В данной работе мы будем придерживаться несколько иного понимания этого термина, которое отнюдь не расходится с вышеизложенным, а, скорее, дополняет его. Под постмодернизацией мы будем подразумевать такое состояние процесса модернизации, когда единственной неизменной традицией будет принята традиция постоянного пересмотра механизмов, ценностей, целей и норм, согласно самым последним условиям, до тех пор, пока сами условия не станут неизменными. Это примерно то, о чем шла речь в **главе 4**.

Принимая во внимание вышеприведенное разделение номиналистических и реалистических подходов к анализу социальной действительности, будем рассматривать ее по этим двум основополагающим направлениям. *С одной стороны*, важно определить, какие качества индивида являются необходимыми для того, чтобы его персональные представления имели возможность полноценного включения в структуру модернизированного общества. Персональная модернизация понимается здесь путем установления соотношения социального взаимодействия отдельного человека с другими представителями общества и с общественными институтами. *С другой стороны*, возникает необходимость рассмотрения личной модернизации человека по мере его взросления, когда учитываются не только изменение внешних условий вокруг человека, но и процесс изменения человека как такового, от инфантильности к зрелости. Данный аспект является значимым, поскольку порой на пути персональной модернизации в этом ее понимании индивид предвосхищает модернизацию общества в целом. Кроме того, до тех пор, пока индивид не достиг определенной социальной зрелости, он не может быть полноценно включен во всю систему социальных отношений. Речь идет не столько о возрастном взрослении, которое само по себе не выступает как персональная модернизация, а об обретении человеком тех новых черт автономной, свободной и ответственной личности, которые и характеризуют его как человека модернизовавшегося, современного.

Кроме того, анализ тенденций персональной модернизации включит также две стратегии, которые несколько огрубленно можно назвать «вертикальной» и «горизонтальной». *Под «вертикальной» модернизацией подразумевается наиболее общепотребитель-*

мое понимание развития как постоянного роста и перехода на все новые и новые уровни или же, иначе говоря, постоянное качественное изменение. «Горизонтальная» же модернизация предполагает, что после перехода на каждый новый уровень возможно совсем иное развитие, заключающееся в количественном росте всевозможных инвариантов данного уровня развития, при котором рост происходит за счет нахождения и использования наиболее удачных и стабильных стратегий в рамках существующей парадигмы [I, 1; II, 2, 3]. Естественно, с абстрактной точки зрения вертикальная стратегия развития кажется более выигрышной по сравнению с горизонтальной, но тут надо отметить одно важное условие, которое имеет достаточно прямые аналогии в информатике и кибернетике. Зачастую возможность перехода на новый уровень требует определенной развитости предыдущего. Иначе говоря, чтобы перейти в новое «качество», необходимо иметь достаточное «количество». Стратегии и механизмы предыдущего уровня подчас выполняют свои функции эффективнее, чем только что сформированные структуры нового уровня. Поэтому, анализируя явления персональной модернизации, мы попытаемся выделить тенденции как вертикального роста, так и горизонтального.

Большинство дискутируемых моделей личности являются достаточно схематической проекцией определенных качеств, выделяемых исходя из той или иной точки зрения. Эти модели — лишь некоторая карта, а карта никогда не может быть местностью. Посредством моделей лишь создается некий идеальный тип поведения, весьма далекий от реального. Учитывая дисциплинарную структуру наук об обществе, целесообразно осветить проблему персональной модернизации с точки зрения проекций, которые модернизирующийся индивид имеет в разных сферах общества — экономике, политике и др.

Персональная модернизация в различных сферах общества

Отдавая должное устоявшейся традиции связывать наиболее заметные изменения в обществе с изменением экономических отношений, рассмотрим сначала поведение человека в экономике. В экономической теории анализом индивидуального экономического поведения в основном занимается микроэкономика. Инструментом анализа чаще всего выступают две основные модели поведения, основанные на потреблении инди-

вида и на его производстве, что на русском языке более адекватно обозначается как трудовая деятельность. Классиком, сформулировавшим принципы модернизации труда, общепринято считается А.Смит. Он показал, что традиционная организация предполагает весьма низкий уровень специализации индивида в различных областях трудовой деятельности. Традиционный человек, в идеальном своем варианте, должен был обладать всем спектром навыков, необходимых для поддержания своей жизнедеятельности. Адам Смит считал необходимым для модернизации производства перейти к максимально узкой трудовой специализации, что и воплотилось на практике в период индустриального развития общества.

Более подробно проанализировал влияние разделения труда на систему социальных отношений Э.Дюркгейм, показавший, что разделение труда является источником новой социальной связи, переведшей общество из механической солидарности к органической. Согласно его взглядам, разделение труда осуществляется как природный процесс, но ему предшествует консенсус всех участников. Механическая солидарность доминировала в архаическом обществе. В нем люди обладают социальным равенством, против девиантного поведения применяются крайне строгие санкции, что определяет специфику права, и индивиды не имеют возможностей для развития своих способностей. Органическая же солидарность характерна для современного общества. Здесь обмен человеческой деятельностью, ее продуктами предполагает зависимость членов общества друг от друга. Поскольку каждый из них несовершенен в отдельности, функцией общественного разделения труда является интегрирование индивидов, обеспечение целостности социального организма, формирования чувства солидарности, которую Дюркгейм рассматривает как высший моральный принцип, высшую универсальную ценность. При этом разделение труда способствует становлению и формированию у человека чувства индивидуальности и неповторимости¹⁵³.

Однако же, если вернуться ближе к экономической теории, то стоит отметить, что большинство современных экономистов сходятся на том, что узкоспециализированный труд в том его понимании, которое предлагал А.Смит, был лишь переходным этапом в формировании современного облика трудовой деятельности или для классического типа модернизации. В период постиндустриализации в первую очередь стала исчезать специали-

зация в конвейерном ее понимании, когда один рабочий со сходной специализацией мог столь же эффективно заменить другого. В силу дифференциации производственных процессов возникла тенденция к созданию уникальных производств и соответственно уникальных специалистов для них. Таким образом, специалисты перестали быть взаимозаменяемыми. При этом их нельзя назвать узкоспециализированными, здесь уместнее употреблять термин «мультиспециализация», когда уникальность специализации возникает за счет сочетания специализаций в различных областях, а не за счет развития только одной. Подобное увеличение трудового и информационного кругозора возникло в силу тенденции, называемой долгосрочными персональными инвестициями или инвестициями в индивида. Имеется в виду следующее. В традиционном обществе, а также на ранних стадиях развития индустриального общества, индивид включался в трудовую деятельность и становился самостоятельным с 12–14 лет. Инвестиции в его образование и воспитание заканчивались с началом его трудовой деятельности, т.е. очень рано. На современном этапе развития общества считается обоснованным растянуть период обучения до 24 лет, то есть почти в два раза, по сравнению с традиционным обществом. На протяжении этого времени индивид является иждивенцем, он обучается, но не работает. В этом смысле обучение рассматривается как инвестиция в будущую трудовую ликвидность.

Изменилось и само представление о характере обучения: если в период классической модернизации сохранялся традиционный взгляд, что необходимо нормативно усвоить имеющийся опыт и далее лишь наиболее точно воспроизводить полученное, то в настоящее время, исходя из осознания неизбежности технического прогресса, возникла потребность в ином освоении трудовых навыков. Изменение связано с качественным преобразованием и количественным увеличением информационного потока, а также с невероятно возросшими темпами обновления техники и технологий. Зачастую время существования технологии равняется времени, которое ранее отводилось на обучение ей. В связи с этим в данный момент от специалистов кроме знания базовых, почти не изменяющихся данных в первую очередь требуется умение быстро усваивать и творчески интерпретировать новую информацию, до тех пор пока она не успела устареть. Главным правилом для специалистов всех профилей стало осознание того, что нет четких, неизменных и единствен-

но верных путей решения проблемы, всегда есть возможность сделать лучше, сделать самое важное иначе и раньше конкурентов. Легче не повторить сделанное, а придумать новое, повторяющий всегда будет отставать на шаг от мыслящего нестандартно¹⁵⁴.

Изменилась и модель персонального потребления. Для традиционного общества характерна следующая картина: потребляется почти все, что производится. Потребление преобладающе основано на том, что произведено своими силами, круг товаров и услуг возможных для потребления весьма узок. Все, что потребляется, потребляется функционально, то есть удовлетворения жизненных потребностей. В современном обществе картина становится совсем иной. Почти все, что потребляется, произведено другими людьми, при этом потребитель не знает, в отличие от человека традиционного общества, их лично, как, впрочем, и они его. Возникла анонимность производства и потребления. Кроме этого, появилась огромная диверсификация товаров и услуг, из-за этого при потреблении индивид руководствуется уже не просто формулой удовлетворения жизненных потребностей, а также потреблением ради собственной идентификации. Через потребление он ассоциирует свою принадлежность к той или иной группе, причем количество групп, с которыми можно себя идентифицировать подобным образом, неуклонно растет¹⁵⁵. Проще говоря, если современный человек ест пустые ши — это связано не обязательно с тем, что он не может достать мясо или у него нет средств его купить, а с тем, что он или вегетарианец, или последователь здорового образа жизни, или он следует другим предписаниям референтной группы.

Если же рассмотреть процессы потребления сквозь призму вертикального и горизонтального развития, то можно констатировать следующую особенность: наиболее типичным и распространенным является «горизонтальный» путь. В качестве примера легче всего привести США, где потребление основывается на псевдокачественности, которая на самом деле есть замаскированная количественность. Персональная поведенческая стратегия строится на прогрессирующем потреблении все более диверсифицирующихся услуг, при этом потребность самоуважения и признания сублимируется через круг доступных покупок. При покупке товаров решающую роль играет не функциональность их будущего использования, а искусственно созданная ассоциация псевдоценностной нагрузки. Это — своеобразная «глобальная макдональдизация» [см. II], когда чувство современно-

сти достигается по принципу: «я потребляю то же, что и все представители моего круга». Отсталостью считается отсутствие последней модели товара. При этом в большинстве своем маркетинговые стратегии ориентируются на имитацию качественного скачка в каждой новой генерации общепризнаного «лейбла». Тем самым формируется система ложных материальных потребностей и «одномерного человека» — объекта духовного манипулирования с пониженным критическим отношением к социуму и включенного в потребительскую гонку. Подобная потребительская стратегия является основой стабильности экономической системы, но при этом такая система неэффективно использует природные ресурсы и осуществляет непомерную нагрузку на биосферу планеты в целом.

Выходом из создавшегося положения видится формирование «вертикальной» потребительской стратегии, элементы ее зарождения, в частности, наблюдались в экономике Японии. В данном случае потребление ориентируется на функциональность, а производство на экономию как потребительских, так и производственных ресурсов, при этом потребность самоуважения и признания должна ассоциироваться не с потребительским статусом, а с чем-то иным. Тем самым высвобождаются дефицитные «ресурсы», необходимые для инвестиций в дальнейший качественный рост¹⁵⁶.

На формирование «вертикальной» потребительской стратегии может сильно повлиять и фактор изменения представления о ценности личного времени. В связи с этим отметим одну весьма интересную деталь: маркетинговые практики, рекламирующие насущную необходимость приобретения усовершенствованной модели чего-либо, активно эксплуатируют миф об экономии времени, но при этом индивид не осознает, что гораздо больше, чем он экономит вследствие покупки, он потратит, работая на ее получение. Осознание подобной диспропорции может многое изменить.

Персональная модернизация затрагивает сферу культуры и индивидуальных представлений человека о мире, а также универсалии культуры, среди которых представление о пространстве и времени. В работах К.Леви-Стросса и М.Элиаде представлен достаточно подробный анализ восприятия пространства и времени в традиционных обществах¹⁵⁷. Здесь время имеет циклическую, замкнутую структуру, когда все возвращается на круги своя, оно привязано к природному циклу смены времен года.

Пространство тоже замкнуто, при этом жизнь после смерти кажется столь же реальной, как и настоящая. Смерть понимается как перемещение в пространстве и новый цикл жизни на новом месте. Если очень долго идти в одну сторону или преодолеть горы, или переплыть море, то можно прийти в страну предков. Смерть есть процесс смены пространственной локализации¹⁵⁸. Само представление о времени и пространстве для архаичного человека неразделимы, времени как абстрактной категории не существует, время измеряется пространством. Временной промежуток должен всегда иметь некий пространственный или материальный эквивалент (когда сотрется трое сапог, когда скот сменит три пастбища, когда листья пожелтеют, когда солнце коснется гор).

Для современного человека характерно иное представление о пространстве и времени, сложившееся под влиянием иудейско-христианской традиции и научных воззрений. *Время стало линейным, возникла потребность в его абстрактном, точном и непространственном измерении, сначала до часов, а теперь и до секунд, появилась возможность совершать с ним операции планирования и прогнозирования.* Разрушение мифологической цикличности мировосприятия увязывают с распространением библейского представления о линейности развития времени, когда оно берет свое начало от сотворения мира и имеет возможный конец в виде апокалипсиса. При этом надо отметить, что для действительно верующего человека это породило особую структуру индивидуального мировосприятия: время делилось на два несоизмеримо разных отрезка. Первый — время земного бытия, мизерный по сравнению с последующей небесной жизнью, представлялся как испытание, в результате которого определялось, достоин человек вечных мук или же вечного блаженства. *Подобное религиозное мировосприятие превалировало в период классической модернизации и стало изменяться в массовом восприятии лишь с 20-х годов XX-го века.* В наше время, несмотря на достаточно высокий процент верующих, в результате повсеместного распространения научной картины мира, представление о жизни после смерти имеет для людей характер скорее надежды, чем твердой уверенности. В силу этого достаточно сильно изменилось большинство жизненных стратегий современного человека. Время личного бытия представляется конечным и весьма ограниченным. Индустриальное общество разрушило цикличность, связанную с временами года, но породило в некотором

роде новую, школьно-заводскую. Время работы сменялось временем досуга, будни — выходными, за авансом следовала зарплата, а также ежегодный отпуск, рождественская премия и гарантированное повышение по службе за выслугу лет. Достижение поставленных целей представлялось как прохождение определенных стадий развития, тоже своего рода цикличность, но не замкнутая, а спиралевидная.

Возникшее представление о времени как о конечном ресурсе повлияло на разрушение описанной схемы, что, в частности, достаточно сильно отразилось на трудовом процессе. В современном обществе все большее распространение приобретает сдельно-проектный способ работы, а не присутственный. В этом случае индивид предпочитает продавать в первую очередь не время своего пребывания на рабочем месте, а свою рабочую эффективность. Время стало более ценным ресурсом, чем труд. Соответственно жизненные стратегии во времени строятся линейно от одной цели к другой¹⁵⁹.

Изменилось и представление о пространстве. Пространство стало более сжатым и плотным. Тут уместно вспомнить высказывание М.Маклюена, о том, что мир превратился в глобальную деревню. Весь обозримый мир сжался до размеров человеческого кругозора. Изменилось представление о том, что такое далекое и близкое. Выросла тенденция спецификации и специализации пространства. Пространство разделилось на зоны отдыха, работы и развлечения, которые практически не пересекаются друг с другом.

Сильно уменьшилась социальная дистанция и личное пространство каждого индивида. Современные средства телекоммуникации изменили представление человека о неделимости своей материальной и чувственной репрезентации, отпала необходимость перемещать себя целиком в некую точку, поскольку есть возможность переместить туда или же приблизить пространство по отношению к нескольким органам восприятия. Это используется в дистанционной работе или же управлении.

Имеется еще одна важная тенденция восприятия пространства. В период классической модернизации шло активное освоение и включение в непосредственный опыт всего наличного пространства экстенсивным образом, что в конечном итоге вылилось в необходимость вертикальной пространственной экспансии, результатом которой стал выход человека в космос, когда он смог семиотизировать и осмыслить свою включенность в

мироздание не только в планетарных масштабах, но и в масштабах солнечной системы. Следствием этого стало зарождение нового специфического самосознания, учитывающего, что Земля — это замкнутая экосистема с ограниченным количеством ресурсов и пространства и что любое необдуманное вмешательство в природу может привести к необратимым последствиям. Тем самым можно увязать формирование выше упомянутой вертикальной потребительской стратегии непосредственно с персональной модернизацией пространственных представлений, преодолением локального самосознания, признанием включенности каждого индивида в планетарный процесс, а также осознанием того, что необдуманная сиюминутная выгода может обернуться серьезными последствиями не в некоем плохо представляемом далеке, а в период личного бытия. Персональное поведение должно исходить не из критериев «здесь и сейчас», а из понимания «везде и до бесконечности». Таким образом, современный человек осознает возможность более сложного оперирования категориями пространства и времени.

Персональная модернизация в сфере политики

В сфере политики индивид также проходит персональную модернизацию. В политологии подобными проблемами занимаются такие ее отрасли, как политическая психология, политическая социология и политическая культура. Для ясности изложение позволим себе представить некую общую модель политического сознания отдельного индивида, не вдаваясь в описание имен политологов, внесших свой вклад в ее формирование. В данной модели мировосприятие индивида разбивается на три условных уровня. *Первый, самый поверхностный — это уровень операционального опыта, второй — более глубокий, это уровень норм и ценностей и третий, самый глубинный — это уровень социальной онтологии. Иначе их еще называют уровнями политической идеологии: актуализированным, программно-политическим и теоретико-концептуальным.*

Операциональный опыт постижения мира человеком — это лишь набор навыков и способностей, достаточно быстро приобретаемый и изменяемый согласно внешним условиям. *Система норм и ценностей* — это комплекс поведений и оценок, который складывается на протяжении всей жизни под влиянием окружающего общества и личных выводов. При этом она с трудом и

достаточно медленно поддается кардинальным изменениям, а в случае изменения весьма велика вероятность возникновения аномии, то есть разрушение ценностей и искажение их связи. *Социальная онтология* — это базис миропредставления человека и его отношение к другим людям, который закладывается очень рано и представляет самый устойчивый элемент мировосприятия индивида. Иногда это называют культурным кодом, архетипом, иногда базисной или первичной политической социализацией. В терминах немецкого политолога К.Шмитта — это уровень, на котором закладываются субстанциональное разделение общества на «друзей и врагов».

Исходя из данной концепции, можно сделать выводы, что основным условием для перехода к полноценно модернизированному обществу служит возвращение адекватной социальной онтологии применительно к каждому агенту политической жизни общества. *Имеется три основных вида социальной онтологии: монистический, дуалистический и плюралистический.*

Монистическое восприятие является архаичным, традиционным и состоит в том, что те, кто не ассоциируется с базовой группой, к которой причисляет себя индивид, вообще не воспринимаются как люди. Восприятие осуществляется по типу «*мы и нечто иное*». В качестве примера легче всего привести отношение христианской цивилизации на определенном этапе ее развития к индейцам или язычникам, которые скорее имели статус скота, нежели людей. *Социальный дуализм* легче всего описать при помощи высказывания «*все, кто не с нами, против нас*». Или же восприятие «*свои — чужие*». Подобное политическое поведение можно выразить в терминах Ж.-П.Сартра, который называл это «дурной верой», когда собственная идентификация индивида достигается за счет противопоставления себя и уничижительного отношения к иному. Обе описанные модели социальной онтологии свойственны для традиционных обществ. Более приемлемой моделью социальной онтологии для модернизированного общества является *плюралистическая форма мировосприятия*, признающая правомерность отличных точек зрения. Их существование воспринимается не как повод для борьбы, а как приглашение к рассуждению о возможности консенсуса или взаимовыгодного сосуществования при взаимном уважении чужой позиции. Это — восприятие по типу «*я — другой, но при этом не чужой*». Такое представление об обществе и персональной позиции индивида в нем во многом сродни представлениям

об «открытом обществе» в том его понимании, которое сформулировал в своих работах К. Поппер¹⁶⁰ и которое, в первую очередь, ассоциируется с демократической формой правления. Но как отмечают некоторые политологи, убедительное с теоретической точки зрения суждение не совпадает с отношениями в реальной действительности. Во всех современных обществах, которые считаются наиболее продвинувшимися по пути модернизации, как на макроуровне, так и на микроуровне, уровне отдельных индивидов, до сих пор основной является модель дуалистического мировосприятия, когда мир делится на своих и чужих, с которыми надо бороться. Главное политическое отличие, которое достаточно явно наблюдается во всех модернизированных обществах по сравнению с традиционными заключается в следующем: дуализм мировосприятия перешел с макроуровня на уровень микрогрупп. То есть индивид отождествляет себя не только с неким «большим сообществом», сословием, классом или кастой, а с определенной малой группой, так называемым «малым кругом общения», например, друзей, единомышленников, прихожан одной церкви, учеников одного класса, любителей собираться в определенном кафе, пить определенные напитки и играть в какую-нибудь игру. В тенденции этот процесс стремится в своем пределе к полному индивидуализму, при котором теряется однозначная групповая идентификация. Это делает возможным предположения о плюрализации индивидуального политического сознания. В модернизированном обществе индивид перестает проводить собственную идентификацию по малому количеству критериев типа — «W.A.S.P.» (белый, англосакс, протестант), гасконец или тори. Возникает многофакторная идентификация, в которой отсутствует четко выраженное разделение на главные и второстепенные характеристики, влияющие на идентичность. Например, индивид может одновременно отождествлять себя с определенной группой, национальностью, расой, выступать за эвтаназию, легализацию наркотиков, запрет алкоголя, ограничение рождаемости, бороться за выживание пингвинов, носорогов и оленей, но ратовать за истребление комаров, акул и бюрократов, являться студентом и любителем фигурного катания, бороться против метрической системы и атомного оружия, считать целесообразным введение раздельного обучения в школах, проповедовать нудизм, раздельное питание, сыроедение, вегетарианство, быть при этом приверженцем экзотической религии и так далее. Тем самым инди-

вид отождествляет себя с массой различных групп, между которыми он не проводит различия, но в результате этого исчезает однозначная и полная идентификация с какой-либо одной группой. В связи с этим, как предполагается, во многом и наступил кризис массовых партий¹⁶¹.

Предсказанную ситуацию такой модернизации, при которой индивид не формируется в своей целостности, описал З.Бауман в своей книге «Индивидуализированное общество». Он показал, что на Западе в его новой фазе модернизации происходит индивидуализация без индивида. Индивид предстает уже не как автономный, свободный и ответственный, а как отщепившийся от целого, которое он не в состоянии контролировать, ориентированный только на краткосрочные цели.

Наблюдаются также различия в индивидуализированности на уровне операционального опыта и уровне норм и ценностей в традиционном и модернизированном обществе. Операциональный опыт достаточно легко приобретается и изменяется. Это, как уже отмечалось, уровень навыков, которые мы изменяем при смене условий существования, при переселении из города в деревню или обратно, при переезде из одной страны в другую, при смене образа или места жительства. Имеются, однако, существенные отличия в изменении операционального опыта для человека традиционного и модернизированного обществ. Для мироощущения человека, воспитанного в традиционном обществе, характерна более тесная взаимосвязь между уровнем операционального опыта и системой ценностей, ибо зачастую система норм и ценностей опосредствована наличным опытом, и наоборот. В силу этого индивид традиционного общества гораздо медленнее приобретает и изменяет свой операциональный опыт по сравнению с человеком современного общества. Феномен вестернизированного общества, как уже отмечалось [Разд. II], состоит в том, что был усвоен операциональный опыт, но не восприняты ценности и нормы за ним стоящие.

Уже было показано, что система ценностей в принципе подвержена изменениям, но в современном обществе соотношение между операциональным опытом и ценностью, с ним связанной, может быть разорвано, чтобы облегчить восприятие первого в условиях непрерывного прогресса. Благодаря этому, за формирование системы норм и ценностей в большей мере начинает отвечать социальная онтология. При этом в современном обществе наблюдается тенденция постоянного «дрейфа» ценностных

и культурных образцов, когда на протяжении жизни одного поколения возникает необходимость смены более чем одной системы ценностей. Возникает ценностная эрозия, исчезает четкая уверенность в том, что некоторые ценности являются непреложными, а другие — лишь следствием эпохи или традиции¹⁶².

Выходом из создавшегося положения многим видится плюралистическая жизненная позиция, которая постулирует гораздо меньше безусловных и отрицающих императивов поведения. Но при этом система норм и ценностей теряет четкость и ясность изложения, что усложняет ее восприятие отдельным индивидом и делает его жизнь на деле более напряженной и драматичной¹⁶³. Если говорить о практике достижения плюралистической социальной онтологии, то И.Гофман связывал ее с овладением техникой «экстаза», когда индивид может осознать, что те общественные «фикции», которые он наделяет онтологическим статусом, есть лишь общественно навязанные роли, которые он может играть отстраненно. Основная техника, при помощи которой достигается подобное состояние, — это представление себя «иным». «Экстаз» приводит к такой трансформации осознания общества, при которой «данность» становится «возможностью»¹⁶⁴. Об этом же говорил и социолог Д.Лернер: «С позиции традиционного менталитета, нечто всегда есть то, чем оно является в данных условиях, и невозможно даже вообразить, чтобы оно могло быть чем-то иным. В отличие от «традиционного сознания» «современное сознание» подвижно. Человек с таким сознанием легко может поставить себя на место другого, живущего в иных социальных условиях, легко может представить себя живущим в другом месте и занимающимся другим делом. Иными словами, можно сказать, что традиционные общества устанавливают строгие и неизменные границы идентификации. В современном же обществе они неопределенны и подвижны»¹⁶⁵. По мнению П.Бергера, современному индивиду свойственен определенный релятивизм сознания.

Говоря о политической модернизации персональных представлений, нельзя не упомянуть концепцию политических культур, выведенную американскими политологами Г.Алмондом и С.Вербой в книге «Гражданская культура». Они выделяют *три типа политических культур: патриархальную*, для которой характерно ограничение политического горизонта людей их непосредственными, повседневными жизненными интересами, неосознанностью последствий своего участия в политике, своей

политической роли; *подданническую*, при которой гражданин, хотя и может понимать цели и назначение политики, но чувствует и ведет себя как исполнитель приказов политических лидеров; и *активистскую (политического участия)*, носители которой воспринимают себя самостоятельными активными участниками политического процесса, ясно осознают свои цели и пути их реализации. Соответственно патриархальная политическая культура увязывается с традиционным обществом, подданническая с периодом ранней модернизации, а активистская с тем, что соответствует современному обществу. Однако идеальный агент политической жизни общества должен активно участвовать в политическом процессе и принимать собственное осознанное решение по любому вопросу, исходя из максимально полноценной и достоверной информации с учетом долгосрочных последствий собственного выбора не только для себя, но и для остальных. Подобное политическое поведение требует: знаний и умений для концептуализации вопроса, средств для сбора достоверной информации, способностей для ее анализа и выработки правильного решения, а также необходимого доступа и ответственности для последующего внедрения результатов — все это называется транзакционными издержками. В период начала классической модернизации, когда правом принятия политических решений обладала ограниченная, но достаточно широкая группа имущих слоев, подобное политическое поведение внутри этой группы было в принципе возможным, ибо все ее представители обладали достаточным временем, средствами и ответственностью для решения необходимых задач. Отсутствовал феномен массовых партий, в большинстве своем политические агенты при принятии решений исходили из осознанных индивидуальных предпочтений. Отмена имущественного и пологового ценза, а также снижение возрастного, выплеснули на политическую арену огромную массу политических агентов, которые не обладали необходимыми навыками принятия решений, а тем более не имели возможности для получения адекватной и достоверной информации по большинству вопросов. Политический процесс вульгаризировался и популяризировался. Возникли массовые партии, контролирующие свой электорат посредством популистских заявлений и подачи искаженной или неполной информации. Политическое сознание формировалось за счет одномерной информационной трансляции. Определенное улучшение, наблюдаемое с середины шестидесятих годов

XX-го века, политологи связывали с диверсификацией средств массовой информации, породившей определенную вариативность точек зрения и, как следствие этого, зачатки индивидуализации политических решений каждого агента. Если подытожить вышесказанное, идеальным вариантом персональной модернизации политического сознания каждого индивида видится признание потенциальных возможностей способности к «транзакционным издержкам» для принятия адекватных решений, что порождает и плюралистическую социальную онтологию. Это то, что можно обозначить как вертикальную политическую модернизацию. Но так как на данном этапе это недостижимо, единственным выходом представляется процесс «горизонтальной» модернизации, связываемый с дальнейшей диверсификацией источников политической информации и демаркированием их как единственно верных, а также с увеличением числа лидеров и интерпретаторов мнений, что, конечно, не позволяет получать достоверные политические данные, но заставляет и научает политического агента основам принятия самостоятельных решений, закладывает тем самым фундамент позитивной индивидуализации политического сознания, снижения риска массовых ошибок.

Достаточно смело можно утверждать, что в условиях «горизонтальной» потребительской стратегии «вертикальная» политическая модернизация индивидов маловероятна, так как в условиях потребительской гонки у индивида не остается средств и времени на «транзакционные издержки». При этом следует отметить одно неоспоримое достоинство вышеописанной «горизонтальной» политической модернизации — это весьма заметный рост толерантности индивида, что уже позволяет избежать серьезной конфронтации по многим вопросам.

Природные факторы персональной модернизации

Выше мы указали на те факторы, которые связаны с экологией и выходом человека в космос. Человек — не некая абстракция, а биопсихосоциальный тип и многие факторы его поведения зачастую обусловлены именно биологическими и возрастными детерминантами. В связи с этим необоснованным представляется не упомянуть те весьма спорные точки зрения, которые предполагают, что прогресс общественного развития так или иначе связан с определенной эволюцией человека и что человек современного общества должен иметь определенные физические, психологи-

ческие и личностные отличия от своих предшественников. Как говорят по этому поводу П.Бергер и Т.Лукман: «В диалектике природы и социально сконструированного мира трансформируется сам человеческий организм. В той же диалектике человек творит реальность и тем самым творит самого себя»¹⁶⁶.

В большинстве своем сходные воззрения представлены в различных теориях социализации, социобиологии и социопсихологии. В данном случае нас интересует не суть или причинность психологических фактов, а то, какое социальное значение имеют зарегистрированные психологические явления на выходе. Это — своеобразный «социальный бихевиоризм». Мы будем принимать во внимание лишь то, какой социальный стимул порождает некую социальную реакцию, а механизмы трансформации, происходящие внутри «черного ящика» сознания, оставим для анализа психологов.

Для начала стоит упомянуть концепцию А.Маслоу¹⁶⁷, создавшего иерархическую теорию потребностей. В ней он разделил потребности на базисные — постоянные (потребность в воспроизводстве, безопасности, позитивной самооценке и др.) и производные, или мета-потребности, — изменяющиеся, бытийственные потребности. При этом метапотребности, по Маслоу, ценностно равнозначны и не имеют иерархии. Первые два типа базисных потребностей именуется врожденными, остальные приобретенными, их иерархия такова: потребности непосредственного биологического выживания; потребности безопасности и защиты; потребности привязанности и любви; потребности самоуважения и признания; потребности самоактуализации, которые выходят на метауровень. Применительно к вопросу персональной модернизации данная концепция может быть истолкована следующим образом: современное общество более чем достаточно пытается гарантировать человеку обеспечение его врожденных потребностей, что освобождает его для более высоких потребностей, к которым он и должен стремиться. Тем самым утверждается, что для современного человека доступен качественно иной уровень саморазвития, хотя имеется и обратная связь, ведь современное общество во многом оказалось таковым вследствие того, что отдельные личности в свое время сформулировали его основные принципы. Тенденция такова, что в модернизированном обществе гораздо большее количество людей в гораздо более раннем возрасте и на гораздо более сложном уровне сталкиваются с проблемами персонализации и самоак-

туализации. При этом надо отметить, что обеспечение низших потребностей не предполагает естественности перехода к удовлетворению духовных потребностей в том виде, в котором описал это А. Маслоу. Как отмечает он в своих исследованиях, на современный момент не более 1% людей смогли достичь высшего в его иерархии потребностей уровня саморазвития. Маслоу лишь констатирует, что движение к самоактуализации не может начаться, пока индивид не освободится от доминирования таких потребностей не слишком высокого ранга, как потребности в безопасности или уважении, что гораздо труднее сделать в традиционном обществе, чем в современном¹⁶⁸.

Анализ психологических учений XX-го века позволяет сделать вывод, что большинство психологов сходны во мнении, что человек по мере своего развития и взросления проходит определенные стадии формирования личности, отвечающие за его успешную социализацию. Если отбросить разницу в терминологии и исследовательских подходах, можно констатировать определенное сходство позиций по данному вопросу¹⁶⁹. Для иллюстрации тех тенденций, которые интересуют нас с социологической точки зрения, стоит привести те базовые стадии, наличие которых признают так или иначе все. Их можно найти во фрейдизме, юнгианстве, транзакционном анализе и трансперсональной психологии. Если в предельно упрощенном виде обобщить все эти концепции, то можно сказать, что первая и вторая стадия представляют из себя эволюционно устойчивые стратегии, функционирующие на протяжении миллионов лет в сходной форме не только у приматов, но и у всех млекопитающих. Эти две стадии построены на отрицательной обратной связи (в биологическом смысле), то есть поддерживают гомеостаз. Они отвечают за поддержание всего, что в человеке более или менее постоянно. Они полностью цикличны. Третья стадия, которая присуща только высшим приматам, является эволюционно неустойчивой стратегией, в ней устойчивая отрицательная обратная связь отсутствует. С биологической и кибернетической точки зрения она больше всего соответствует механизму с положительной обратной связью, которая не возвращается к устойчивому состоянию, но постоянно стремится к новому равновесию на более высоком энергетическом уровне, или, как это называется в других дисциплинах, — к прогрессу. Роль прерывателя подобного поступательного движения выполняют четвертая стадия, что связано с внедрением социополовых табу и запретов. Можно

более или менее четко констатировать факт, что человек успешнее усваивает новую информацию в возрасте до 25 лет, позже ему гораздо труднее принять новую жизненную позицию. Здесь уместно привести аналогию с исследованиями в области теории и истории науки, изложенными в книге Т.Куна «Структура научных революций», в которой он показывает, что каждой научной революции требуется минимум одно поколение для преодоления старого мировоззрения, причем ученые старшего поколения никогда не принимают новую семантическую парадигму¹⁷⁰.

В свете вышеизложенного достаточно интересной выглядит концепция Г.Маркузе¹⁷¹, который связывал процесс персональной и общественной модернизации с преодолением господствующих в современной культуре репрессивных отношений к человеческой чувственности и социальной практикой подавления присущих человеку влечений. Как указывает он, наличные общественные отношения укоренены, в конечном итоге, в (исторически и социально) определенном способе переживания мира. Поэтому изменение этих отношений требует, прежде всего, изменения способа человеческого самопереживания и мировидения. Подлинная модернизация должна быть направлена, если исходить из его представлений, не столько на изменение внешних (политических и экономических) отношений господства, сколько на радикальную трансформацию сознания, в структурах которого данные отношения закреплены. С точки зрения Маркузе, конфликт между инстинктами людей и социальным поведением не неизбытен, а присущ лишь «специфически исторической организации человеческого существования».

Проблемы персональной модернизации затрагивают также фактор воспроизводства населения. Для традиционного общества характерна высокая рождаемость, что было связано и с невозможностью предотвращения беременности, и с необходимостью покрытия убыли населения ввиду высокой смертности, как вследствие заболеваний, так и войн. Массовые войны, имевшие место в период классической модернизации, также направляли государственную политику на поощрение рождаемости, хотя неизвестно, где причина, а где следствие. Достаточно распространено мнение, что именно высокий прирост населения, а вследствие этого невозможность интеграции прогрессивно возросшей популяции в имевшую место систему общества, провоцировали различные виды экспансии. По крайней мере, на данный мо-

мент развитие оружия массового поражения не заставляет делать ставку в войне на количество «пушечного мяса». В обществах, прошедших период классической модернизации, это органично вписалось в тенденцию к сокращению рождаемости в семье в среднем до двух человек. Такое осознанное сокращение рождаемости на уровне не государственной политики, а именно персональной, можно связать со следующей фактором. В обществе, прошедшем стадию классической модернизации, рост социального и экономического статуса в первую очередь стал связан с уровнем образования, а не обеспечивался наследственно, как в традиционном. Для среднестатистической семьи уровень ее благосостояния позволяет обычно обеспечить получение сходного социального статуса без понижения собственного экономического состояния в среднем двум детям. Сокращение ранней смертности вследствие болезней и войн привело к статичному воспроизводству населения. Те же страны, в которых по той или иной причине сохраняется традиционный прогрессивный прирост населения, к тому же значительно возросший ввиду отсутствия войн и неизлечимых болезней, сталкиваются обычно с проблемами дефицита образования и государственно перераспределяемых благ, низкого уровня семейной социализации, невозможности полной интеграции всех членов общества в существующую экономическую систему, низкого уровня семейного благосостояния по сравнению с развитыми странами, что естественно порождает социальную нестабильность и ложится дополнительной нагрузкой на систему социальных гарантий. Учитывая, что на современном этапе развития общества *нищета* — это не только уровень конкретного благосостояния, а такой уровень потребления, при котором невозможны дальнейшие инвестиции в человека, воспроизводство личного генофонда становится не количественным, а качественным. Выводом из этого может быть то, что наиболее простым способом, при невозможности экстенсивного территориального и экономического роста для подобных стран, будет ограничение рождаемости государством. Таким образом общественная система в принудительном, а не добровольном порядке сымитирует одно из условий персональной модернизации.

Меньше всего мы стремились представить традицию как нечто, что имеет только отрицательную нагрузку для общества и индивида, а основной ценностью процесс вечного изменения. Основная функциональная нагрузка традиции заключается в

упорядочивании реальности, а также в ее консервации. В связи с этим возникает весьма трудно разрешимая проблема, связанная с тем, что человек не имеет однозначных способов объективного анализа и оценки окружающей реальности. Поэтому изменение реальных условий не всегда надо рассматривать как повод к ним приспособляться, в этом смысле традиция зачастую играет весьма важную положительную роль, указывая на то, что менять надо не систему ценностей, а самою реальность. Можно сказать, что традиция исполняет функцию своеобразного «социокультурного храповика», не позволяющего человечеству в целом и каждому человеку в отдельности откатываться назад в своем развитии в критических ситуациях. В этом смысле весьма показателен пример с книгой Н.Макиавелли «Государь», в которой он описал реальное состояние политической жизни своего времени, указав на качества, позволяющие политикам той эпохи наиболее эффективно достигать результатов. И нельзя сказать, что в современную эпоху политическая ситуация сильно изменилась к лучшему, но тем не менее, думается, мы все предпочли бы, чтобы в политической сфере было бы больше политиков, ориентированных не на идеал Макиавелли, а на идеал греческого или римского политика.

Сделаем выводы из всего вышесказанного. В первую очередь стоит отметить те общие черты, которые свойственны различным точкам зрения на процесс персональной модернизации. Современному человеку присуща большая свобода во всех ее проявлениях и меньшая детерминированность жесткими условиями. По сравнению с традиционным обществом, человек стал более свободен и в плане свободы передвижения и распоряжения личным временем своего земного бытия, и в потребительском выборе, и в выборе профессии, и в плане выражения своей политической и мировоззренческой позиции, и в сексуальном плане. Исчезла присущая ранее предопределенность в отношении того, как все на самом деле должно быть, исчезло однообразие. Подобную плюралистичность можно соотнести с термином «ризом», предложенным в качестве основной характеристики современности Ж.Делезом и Ф.Гваттари¹⁷².

Вместе с тем, имеется тенденция, обусловленная ограниченной способностью пластичности человеческого мышления. Это, в первую очередь, касается политического мировоззрения индивида. С возрастом взгляды все более заостряются. Теряется открытость сознания миру. Желание цикличности связано

с тем, что она дарует уверенность не только в том, что было, но и в том, что будет. Вполне вероятно, что это желание стабильности связано с биологическим беспокойством за судьбу детей, а также с тем фактом, что передача накопленного опыта последующему поколению требует перевода его из динамического состояния в статическое.

Как можно заметить, исходя из вышесказанного, «горизонтальная» модернизация является наиболее отработанной и стабильной формой воспроизводства отношений, но обладает недостатками застойности и экстенсивности. «Вертикальная» же при ее неоспоримых достоинствах трудно достижима, трудно воспроизводима и нестабильна. Наиболее приемлемым в данном свете выглядит так называемая «диагональная» модернизация, которая сочетает в себе как элементы стабильности, так и новизны и прогресса. Ее успех, в частности, можно проиллюстрировать на примере модернизации семейных отношений в современном обществе. Как уже отмечалось, необходимость качественного, а не количественного воспроизводства генофонда в современных условиях заставила ограничить размеры современной семьи. Но это не значит, что произошло ограничение сексуальных отношений внутри семьи. Следствием этого стало то, что половые отношения из разряда легитимизированной обязанности продолжения рода перешли в разряд чувственного удовольствия, тем самым в определенной степени была низложена библейская традиция, осуждавшая сношение полов, не ведущее к деторождению, а как следствие осуждавшая и чувственность вообще. Таким образом, в общественном сознании внутрисемейная чувственность стала естественным фактом. Тем самым свершилась не сексуальная революция, а сексуальная эволюция, что, если принимать во внимание неофрейдистские взгляды, способствовало определенному общественному прогрессу. Это, кстати говоря, нашло свое отражение в сфере экономического мировоззрения. Если, например, до Второй мировой войны женская реклама в первую очередь апеллировала к долгу, провозглашая, что «данный товар поможет стать тебе хорошей и примерной хозяйкой для мужа и семьи», то после войны и до настоящего момента основной темой стала апелляция к чувственности, дешифрованная реклама говорит: «Наслаждайся, ты одна этого достойна»¹⁷³.

Выводы относительно персональной модернизации

Даже поверхностный анализ приведенных тенденций персональной модернизации позволяет сделать вывод, что существует более чем сложная взаимосвязь между различными проявлениями ее в разных сферах общественной жизни. Как можно заключить на примере стран, где попытка модернизации общества привела лишь к его вестернизации, невозможно совершить переход на новый уровень развития общественных отношений, изменив лишь один параметр, но сопротивляясь изменению остальных. Необходимо комплексное изменение мировоззрения индивида для полноценного включения его в этот современный мир. С этим связана и проблема догоняющей модернизации. Как можно заметить, страны, которые на данный момент наиболее далеко продвинулись по пути модернизации, прошли свой путь по приблизительно следующей схеме: каждый новый шаг по пути вертикальной модернизации происходил лишь после исчерпания всех возможностей горизонтального развития на предыдущем уровне и чаще всего являлся вынужденным, так как сопровождался кризисом. Самым ярким примером этого может, в частности, послужить «великая депрессия» в США, когда господствовавшее накопительное экономическое поведение индивидов спровоцировало системный кризис. На макроуровне государственной экономической политики принципы преодоления этих тенденций сформулировал Кейнс, что в результате на микроуровне породило новое общество потребления. Но как можно предположить хотя бы из докладов «Римского клуба», дальнейшее развитие потребительской стратегии в том виде, которое существует в настоящее время, уже почти исчерпало себя. Для стран, которые лишь вступили на путь модернизации, слепое копирование чужого пути так или иначе приведет к тому, что они «наступят на те же грабли», что и те, с кого они копировали, тем более, что в этом развитии они всегда будут на шаг позади. Попытка волевым усилием сразу вертикально эволюционировать до современного уровня развитых стран сталкивается с массой других проблем. В частности, с отсутствием необходимого базиса для подобного перехода, в результате чего новые отношения и мировосприятие кажутся необоснованными. Это усиливает состояние общественной нестабильности, успешно преодолеть которое можно лишь в условиях жесткого контроля или диктатуры, что по понятным причинам вызывает свои на-

реkania. Единственным разумным способом догоняя перегнать выглядит путь своеобразной диагональной модернизации, когда лучшие элементы существующих достижений будут использоваться с учетом предполагаемых тенденций будущих стратегий развития. Более или менее спонтанно такая ситуация может возникнуть в случае, *если уже существующий культурный базис и мировосприятие совпадет с вероятными ценностными образцами новой парадигмы общественного развития*. В частности, определенный успех развития стран юго-восточной Азии связывают именно с этим.

Как уже было отмечено, успешное функционирование общественной системы невозможно без укоренения ее основных принципов на уровне индивидуального сознания. Исходя из этого, для модернизирующихся стран выигрышная государственная политика выглядит следующим образом. Нет необходимости формировать собственную культуру, копируя ее с уже имеющихся образцов, тем более, что к моменту, когда он будет укоренен, он скорее всего уже устареет. Необходимо создавать новый с учетом предполагаемых тенденций развития и уже имеющихся достижений. Что позволяет апеллировать к созданию собственной национальной идеи, в положительном понимании этого термина. К сожалению, подобная стратегия требует высокого уровня компетенции правительства, что обычно не имеет места. Так что зачастую остается надеяться только на то, что дальнейший виток развития общества более менее совпадает с имеющимся культурным базисом индивидуальных представлений или предполагает постепенное изменение культуры, так как быстрая рекультуризация маловероятна и создает множество опасностей, среди которых на первое место выходит демодернизация и архаизация.

Заключение

Посткоммунистические преобразования описывались поочередно сменяющимися друг друга теориями модернизации, кризиса, транзита и, наконец, травмы. Это последнее описание наиболее глубокое, касается любой посткоммунистической страны и большинства населения. Разрабатывая концепцию социального изменения как травмы, П.Штомпка показал, что посткоммунистический период травмировал поляков, несмотря на то, что сильнейшей травмой для них был приход коммунизма, из которого они мечтали в большинстве своем как можно скорее выйти. Российское общество, сознательно и небезуспешно поставившее на себе коммунистический эксперимент, продолжало оставаться более либерально настроенным, когда оно получило «удар» капитализма, более похожего на свои карикатурные описания коммунистической пропаганды, чем на то, с чем люди бы охотно смирились.

Как Польшу, так и Россию потрясли перемены, вызвавшие большие разочарования. В «Письме польскому другу» Р.Дарендорф, отвечая на разочарования своего корреспондента, пишет, что социалистические гипернормированные страны перешли в ходе трансформаций к аномии (отсутствию норм), что, по мнению этого известного демократа, хуже.

М.Фридман, один из лидеров неоллиберализма, предупреждал в 1993 г. в статье «Четыре шага к свободе», что России не подходит неоллиберальная модель, что лучше посмотреть в сторону Китая, Гонконга. И сегодня он говорит о том, что применение неоллиберализма в России прошло наименее удачным из возможных образом.

Полученная травма, по мнению Штомпки, включает: синдром недоверия; мрачный взгляд на будущее; ностальгию по прошлому; политическую апатию; травмы коллективной памяти и др.¹⁷⁴.

Перспективы российского развития определяются тремя сценариями отношения к травме.

1. Преодоление травмы.

Поляки почти добились этого. Им помогла их нелюбовь к коммунизму, наличие польской диаспоры с западным опытом, инновационность, человеческий капитал, патриотизм и пр. Как указывает Штомпка, «вопреки ожиданиям пессимистов, относительно скоро травма посткоммунизма вступила в стадию излечения. В Польше в середине 90-х меняется большинство негативных тенденций, исчезают некоторые симптомы травм. Наиболее очевидны перемены в сфере доверия. Синдром недоверия после 1989 г. уступил место обратной тенденции, особенно доверия в обществе к институтам демократии и рынка... В Польше появился многочисленный богатый средний класс, чувствующий себя уверенно... Помимо новых форм личного и социального капитала, есть традиционные источники, успешно применяемые в но-

вых условиях. Прочные дружеские, партнерские связи, сети знакомств...»¹⁷⁵. Кроме весьма непрочного последнего фактора, в России не произошло ничего из описанного Штомпкой относительно Польши.

2. Углубление травмы.

Возможно после новых витков шоковой терапии или при отсутствии улучшения ситуации, новых манипуляций на выборах, вследствие стихийных бедствий. Население поддерживает высокий рейтинг Путина, несмотря на отложенные ожидания, понимая, что углубление травмы далее невозможно для здоровья нации.

3. Сохранение травмы, но адаптация к ней.

Наиболее опасный сценарий, нечто вроде иммунодефицита, толерантности ко вредным воздействиям. Длительное сохранение и видоизменение травмы — это уже «вызов дьявола», на который нет ответа.

Вот от этого — преодолеем ли мы травму — зависит все остальное.

Примечания

- ¹ *Иноземцев В.Л.* Глобализация: иллюзия и реальность // Свободная мысль. 2000. №11. С. 28.
- ² Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. Отв. ред. М.Г.Делягин. М., 2000. Обложка.
- ³ *Уткин А.* Глобализация: процесс и осмысление // Свободная мысль — XXI. 2000. № 11. С. 28.
- ⁴ Практика глобализации: игры и правила новой эпохи. С. 98—99.
- ⁵ *Naisbitt J.* Megatrends. Ten New Directions Transforming Our Lives. N. Y., 1982.
- ⁶ *Кастельс М.* Информационная эпоха. Экономика, общество и культура / Пер. и ред. О.И.Шкаратана. М., 2000; *Castells M.* The Rise of the Network Society. L., 1996.
- ⁷ Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999 // *Held D., McGrew A.* The Global Transformations Reader. An Introduction to Globalization Debate. Cambridge, 2000. P. 341—347.
- ⁸ *Вышеславцев Б.П.* Кризис индустриальной культуры. Марксизм. Неосоциализм. Неолиберализм. Нью-Йорк, 1982. С. 15.
- ⁹ *Bauman Z.* The Individualized Society. Cambridge, 2001. P. 149.
- ¹⁰ *Erikson E.* Identity: Youth and Crisis. L., 1974. P. 17.
- ¹¹ *Эриксон Э.* Идентичность и неукорененность в наше время // Философские науки. 1995. № 5—6. С. 217.
- ¹² Там же. С. 218—219.
- ¹³ Идентичность и конфликт в постсоветских государствах / Под. ред. Олкотта. М., 1997.
- ¹⁴ *Preston P.W.* Political / Cultural Identity: Citizens and Nations in a Global Era. L., 1997.
- ¹⁵ *Friedman Th. L.* The Lexus and Olive Tree. Understanding Globalization N. Y., 2000.
- ¹⁶ *Waters M.* Globalization. N. Y., 1996.
- ¹⁷ См.: *Федотова В.Г.* Типология модернизаций и способов их изучения // Вопросы философии. 2000. № 4.
- ¹⁸ *Gliniski D. and Reddaway P.* The Ravages of «Market Bolshevism» // J. of Democracy. April 1999. Vol. 10, № 2.
- ¹⁹ *Von Laue Th.H.* The World Revolution of Westernization. The Twentieth Century in Global Perspective. N. Y.—Oxford, 1987.
- ²⁰ *Вышеславцев Б.П.* Указ. соч. С. 11.
- ²¹ *Фурсов А.И.* Колокола истории. Ч. I, II. М., 1996.
- ²² *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма // Вебер М. Избр. произведения. М., 1990. С. 78.
- ²³ Там же. С. 81.
- ²⁴ *Фурсов А.И.* Колокола истории. Т. I. С. 27.
- ²⁵ *Паршиев А.П.* Почему Россия не Америка. Великое противостояние. М., 2000. Обложка.
- ²⁶ *Иноземцев В.Л.* Пределы «догоняющего» развития. М., 2000.
- ²⁷ *Giddens A.* The Consequences of Modernity. Stanford, 1990.

- 28 *Косарева Л.М.* Этические идеалы и познание природы // *Косарева Л.М.* Рождение науки Нового времени из духа культуры. М., 1997. С. 89.
- 29 *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perratin J.* Global Transformations, Politics, Economics and Culture. Cambridge, 1999 (2000).
- 30 *Валлерстайн И.* Глобализация как переходная эпоха? Взгляд на долгосрочное развитие мир-системы // *Красные холмы.* М., 1999. С. 127.
- 31 См.: *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 5--14.
- 32 Заметим, что подобный результат следовал из сознательного применения модели «догоняющей модернизации». Это не означает, что модель не работала, а свидетельствует о том, как осуществлялась ее работа. Возможно, что без применения указанной модели развитие могло осуществиться со сходными или даже иногда лучшими результатами. «Догоняющая модель» ускоряла естественную эволюцию (*Прим. отв. ред.*).
- 33 *Герцен А.И.* Концы и начала // *Герцен А.И.* Собр.соч. в 30 т. Т. 16. С. 343.
- 34 *Шацкий Е.* Утопия и традиция. М., 1990. С. 34.
- 35 *Манхейм К.* Идеология и утопия // *Манхейм К.* Диагноз нашего времени. М., 1994. С. 165.
- 36 *Валицкий А.* Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого. Вып. 1. М., 1991. С. 13.
- 37 *Фойгел А.* Социальные утопии. СПб., 1926. С. 17.
- 38 *Баталов Э.Я.* Социальная утопия и утопическое сознание в США. М., 1982.
- 39 *Федотова В.Г.* Анархия и порядок. М., 2000. С. 36—45.
- 40 Там же.
- 41 *Wallerstein I.* Geopolitics and Geoculture. Essays on the Changing World-System. Cambridge (USA), 1994.
- 42 *Beck U.* The Reinvention of Politics. Rethinking Modernity in the Global Social Order. Cambridge (UK.), 1999; *Бек У.* Общество риска. На пути к другому модерну. М., 2000; *Он же.* Что такое глобализация? М., 2001.
- 43 *Huntington S.* The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N. Y., 1996.
- 44 *Капустин Б.Г.* Конец «транзитологии»? О теоретическом осмыслении первого коммунистического десятилетия // *Полис.* 2001. № 4. С. 10.
- 45 См.: *Неформальная экономика. Россия и мир* /Ред. Т.Шанин. М., 1999.
- 46 *Meny Y. Fife* (Hypo)theses on Democracy and its Future // *The Global Third Way Debate* /Ed. by A. Giddens. Oxford, 2001. P. 259.
- 47 *Hsin-Huang and Hagen Koo.* The Middle Classes and Democratization // *Consolidating the Third Wave Democracies* /Ed. by L. Diamond, M. F. Plattner, Yun-han Chu, Hung-mao Tien. Washington, 1997, P. 315—321.
- 48 См.: *Мельвиль А. Ю.* Внешние и внутренние факторы демократических транзитов. Вып. 1. М., 1999. С. 44.
- 49 *Przeworsky A.* What makes Democracies Endure? // *Consolidating the Third Wave Democracies.* P. 306.
- 50 *Капустин Б.Г.* Конец транзитологии. О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия. С. 6—24 (Автор понимает под транзитологией не только рассматриваемый субститут классической модернизационной теории, но и модернизацию в целом. С его оценкой можно согласиться, но по другим, отмечаемым нами в монографии основаниям, а не тем, которые приводит Б.Г.Капустин. — Прим. отв. ред.).

- 51 *Ролз Дж.* Идеи блага и приоритет права // Современный либерализм /Отв. ред и пер. Л.Макеева. М., 1998.
- 52 *Кимличка У.* Либеральное равенство // Там же. С. 164.
- 53 *Дворкин Р.* Либерализм // Там же. С. 44.
- 54 *Bellah R.N.* The Good Society. 1992; The Constitution of Good Societies. Washington, 1996; *Cahn S.M.* Philosophical Explorations: Freedom, God and Goodness. N. Y., 1998; *Miller W.L., Bellah R.N.* Religion and the Public Good: A Bicentennial Forum. N. Y., 1989; *Serover Ch. M.* Time, Freedom and Common Good: An Essay in Public Philosophy. N. Y., 1990.
- 55 См.: *Сорокин П.* Преступление и кара, подвиг и награда. Социологический этюд об основных формах общественного поведения и морали. СПб., 1999. С. 37—39.
- 56 См.: *Bluhm W.T.* Theories of the Political System. Classics of Political Thought and Modern Political Analysis. Prentice Hall. 1978.
- 57 *Макеева Л.Б.* Предисловие // Современный либерализм. С. 12.
- 58 *Berger P.* Sociology: a Disinvitation? // Society. 1992. Vol. 30, 1. P. 17.
- 59 *Апель К.-О.* Этноэтика и универсалистская микроэтика: противоречие или дополнительность? // Политическая мысль. Киев, 1994. № 3—4 (здесь № 4. С. 90.).
- 60 Там же. С. 85.
- 61 *Вебер А.Б.* Устойчивое развитие как социальная проблема. М., 1999.
- 62 *Sengupta A.* Realizing the Right to Development // Development and Change. 2000. Vol. 3. P. 553—558.
- 63 *Ritzer G.* The Macdonaldization of Society. An Investigation into the Changing Character of Contemporary Social Life. Thousand Oaks, California; L.—New Delhi, 1996.
- 64 *Покровский Н.Е.* Неизбежность странного мира: включение России в глобальное сообщество // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. № 3. С. 26.
- 65 *Huntington S.* The Clash of Civilization and the Remaking of World Order. P. 75.
- 66 The Changing Nature of Democracy /Ed. By T.Inoguchi, E.Newman, J.Rtane. Tokio, N. Y., Paris, 1998.
- 67 *Eisenstadt S. N.* Multiple Modernities // Daedalus. Winter 2000. Vol. 29, № 1. P. 3—29.
- 68 *Giddens A.* Runaway World. How Globalization is Reshaping our Lives. L., 2000. P. 20—35.
- 69 *Giddens A.* The Third Way and its Critics. Cambridge, 2000. P. 9, 19, 22—26; *Giddens A.* Beyond Left and Right. Cambridge, 1994; *Giddens A.* The Third Way: the Renewal of Social Democracy. Cambridge, 1998.
- 70 *Held D., McGrew A., Goldblatt D., Perraton J.* Global Transformations. Politics, Economics and Culture. Cambridge, 2000. P. 10.
- 71 *Meny Y.* Five (Hipo)theses on Democracy and its Future // The Global Third Way Debate. P. 261.
- 72 Ibid. P. 260.
- 73 The New Progressive Declaration / Washington: Democratic Leadership Council — Progressive Policy Institute — PPI. 1996; The Third Way: Progressive Governance for the 21st Century / The White House. 25 April 1999 (Документы о третьем пути У. Клинтона); *Blair T.* The Third Way. L., 1998; *Blair T., Schroder G.* Europe: The Third Way — die Neue Mitte. L., 1999.

- 74 *Giddens A. The Third Way and its Critics. P. 64.*
- 75 *Friedman Th. Op. cit. P. 30.*
- 76 *Ibid. P. 306—320.*
- 77 *Giddens A. The Third Way and its Critics. P. 89.*
- 78 *Ibid. P. 73.*
- 79 *Ibid. P. 75.*
- 80 *Ibid. P. 82.*
- 81 *Петерссон О. Шведская система правления и политика. М., 1998. С. 13.*
- 82 *Dritte Weg — Neue Mitte. Berlin: Grundwertekommission beim Parteivorstand der SPD. 1999. Цит. по: Giddens A. The Third Way and its Critics. P. 31.*
- 83 *Meyer Th. From Godesberg to the *Neue Mitte*: The New Social Democracy in Germany // The Global Third Way Debate. P. 74—85.*
- 84 *The Global Third Way Debate.*
- 85 *Bresser-Pereira L.C. The New Left Viewed from the South // The Global Third Way Debate. P. 368.*
- 86 *Edwards M. Humanizing Global Capitalism: Which Way Forward? // The Global Third Way Debate. P. 384—393.*
- 87 *Crying Out for Change. N. Y., 2000; Can Anyone Hear Us? N. Y., 2000; Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999.*
- 88 *The Changing Nature of Democracy.*
- 89 *Sengupta A. Op. cit.*
- 90 *Huntington S. The Clash of Civilizations and the Remarking of World Order. P. 75.*
- 91 *Globalization with a Human Face. UNDP Report 1999. P. 343.*
- 92 *Кантор В. Русский европеец как явление культуры (филос.-ист. анализ). М., 2001.*
- 93 *Шановалов В.Ф. Восприятие России на Западе: мифы и реальность // Общественные науки и современность. М., 2000. № 1. С. 51—65.*
- 94 *Барсукова С.Ю. Принадлежит ли Россия к третьему миру? // Полис. 2000. № 4. С. 62.*
- 95 *Там же. С. 69—70.*
- 96 *Шабанова М.А. Образы свободы в реформируемой России // Полис. 2000. № 2.*
- 97 *Климова С.Г., Якушева Т.В. Образы политиков в представлении россиян // Полис. 2000. № 6.*
- 98 *Лайдинен Н.В. Образ России в зеркале общественного мнения // Социол. исслед. 2001. № 4; Рывкина З.В. Образ жизни населения России: социальные последствия реформ 90-х годов // Социол. исслед. 2000. № 3; Ачкасов В.А. Россия как разрушенное традиционное общество // Полис. 2001. № 3 и др.*
- 99 *Левашов В.К. Социополитические стратегии развития России // Социол. исслед. 2000. № 7; Рывкина З.В. Какие варианты будущего возможны? // Общественные науки и современность. 2001. № 1.*
- 100 *См.: Мацинашвили Т. Проблема перестройки социального государства в Западной Европе // Pro et Contra / Лето 2001. Том 6, № 3.*
- 101 *См.: Социал-демократия перед лицом глобальных проблем / Отв. ред. Б.С. Орлов; Федотова В.Г. Третий путь // Свободная мысль. 2002. № 2.*

- ¹⁰² *Giddens A.* Runaway World. How Globalization is Reshaping our Lives. P. 20–35; *Giddens A.* The Third Way and its Critics. P. 9, 19, 22–26.
- ¹⁰³ *Гонимыхер Е.* Социальная политика в России: эволюция 90-х и новый старт // Pro et Contra, Лето 2001. Том 6, № 3. С.11.
- ¹⁰⁴ Там же. С. 13.
- ¹⁰⁵ См.: *Яркова Е.Н.* Утилитаризм как тип культуры: концептуальные параметры и специфика России. М., 2001.
- ¹⁰⁶ См.: *Федотова В.Г.* Маятник Путина // Независимая газета. 2000. 19 июля. С. 3.
- ¹⁰⁷ В отношении России Тойнби отмечал три вызова. Первый — вызов суровой природы, на который Россия сумела дать ответ коллективно (в одиночку в таком климате невозможно вести хозяйство) и продвижением на Восток (в связи с невозможностью интенсивного ведения сельского хозяйства, его экстенсивное ведение требовало расширения земель). Второй вызов был связан с монгольским завоеванием, ответом на который стали духовная консолидация и переход к более передовой форме хозяйства, чем была у завоевателей, — к оседлому земледелию. Третьим был вызов Запада, его внезапный подъем и опасность для России быть завоеванной Западом. Ответом стала модернизация России, начатая Петром I, которая продолжается вплоть до настоящего времени. См.: *Тойнби А.* Постигание истории. М., 1991. С. 108–148. (Примечание отв. ред.)
- ¹⁰⁸ Там же. С. 108–113.
- ¹⁰⁹ *Винер Н.* Кибернетика и общество. М., 1958. С. 193.
- ¹¹⁰ *Панарин А.С.* Философия политики. М., 1996. С. 7.
- ¹¹¹ *Моисеев Н.Н.* Агония России. Есть ли у нас будущее? Попытка системного анализа проблемы выбора. М., 1996. С. 15.
- ¹¹² *Уткин А.И.* Вызов Запада и ответ России. М., 1996. С. 72–73.
- ¹¹³ *Бжезинский Ж.* Великая шахматная доска. М. 1999.
- ¹¹⁴ *Моисеев Н.Н.* Указ. соч. С. 15. Мысль о том, что распад коммунизма наносит удар и по капитализму, высказал также А.И.Фурсов. См.: *Фурсов А.И.* Колокола истории. Ч. I—II. М., 1996. (Примечание отв. ред.)
- ¹¹⁵ *Винер Н.* Указ. соч. С. 50.
- ¹¹⁶ *Бжезинский Ж.* Указ. соч. С. 123.
- ¹¹⁷ *Левада Ю.А.* Традиция // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970. С. 253.
- ¹¹⁸ *Толстых В.И.* Традиция // Новая философская энциклопедия. Т. 4. М., 2001. С. 87.
- ¹¹⁹ Там же.
- ¹²⁰ См.: *Власова В.Б.* Традиция в мире духовных ценностей. М., 1983.
- ¹²¹ *Померанц Г.С.* Парадоксы модернизации // Человек. 1990. № 1. С. 171.
- ¹²² См.: *Бахтин М.М.* Эстетика словесного творчества. М., 1986. С. 196–197.
- ¹²³ *Федотова В.Г.* Модернизация «другой» Европы. М., 1997. С. 60–61.
- ¹²⁴ *Мелешихина А.С.* Региональная идентичность как фактор становления региональных политий в Российской Федерации // Вестник МГУ. Сер. 12. Полит. науки. 1999. № 6. С. 48.
- ¹²⁵ *Бромлей Ю.В.* Очерки теории этноса. М., 1983. С. 57–58.
- ¹²⁶ *Туровский Р.Ф.* Основы и перспективы региональных политических исследований // Полис. 2001. № 1. С. 154.

- ¹²⁷ Политическая наука. Новые направления /Под ред. Е.Б.Шестоपाल. М., 1999. С. 323.
- ¹²⁸ *Almond G.A., Verba S.* The Civic Culture. Princeton (N.J.), 1963; *The Civic Culture Revisted* /Ed. by G.A.Almond, S.Verba. Boston, 1980.
- ¹²⁹ *Туровский Р.Ф.* Указ. соч. С. 154.
- ¹³⁰ *Putnam R.* The Belief of Politician. New Haven, 1973; *Putnam R.* Making Democracy Work. Princeton (N.J.), 1993.
- ¹³¹ См.: Политика и культура в российской провинции. Новгородская, Воронежская, Саратовская, Свердловская области. М., 2001. С. 13.
- ¹³² Ассиметричная Федерация: взгляд из центра, республик и областей. 2-е изд. М., 2000.
- ¹³³ Совместное исследование Экспертного Института (Россия) и Центра по изучению России и Восточной Европы Университета Бирмингем (Великобритания) по статистическим данным 1991—1995 гг. // Анализ тенденций развития регионов России. Типология регионов, выводы и предложения. М., 1996.
- ¹³⁴ Там же. С. 26—30.
- ¹³⁵ *Кржижановский Г.М.* Хозяйственные проблемы РСФСР и работы Государственной общеплановой Комиссии (Госплан) // Об едином хозяйственном плане. М., 1921. С. 262.
- ¹³⁶ *Савельев В.* Очерки прикладной культурологии: генезис, концепция, современная практика. Ч. 3. М., 1993. С. 18.
- ¹³⁷ *Белобородова И.Н.* Этнокультурный фактор в управлении природопользованием сельских территорий // Общественные науки и современность. 1999, № 6. С. 88—95.
- ¹³⁸ *Туровский Р.Ф.* Культурные ландшафты России. М., 1998.
- ¹³⁹ *Бабаков В.Г.* Кризисные этносы. М., 1993. С. 69—105.
- ¹⁴⁰ Анализ тенденций развития регионов России. Типология регионов, выводы и предложения. С. 31—35.
- ¹⁴¹ Основная единица административно-территориального деления Тувы, установленная в маньчжурские времена.
- ¹⁴² *Октябрьская И.В.* Тема человека в традиционном мировоззрении тюркоязычных народов Южной Сибири: Дис... канд. ист. наук. Новосибирск, 1994. С. 6—7.
- ¹⁴³ *Монгуш М.В.* История буддизма в Туве. Новосибирск, 2001. С. 36—54.
- ¹⁴⁴ Там же. С. 55.
- ¹⁴⁵ За три века. Тувинско-русские-монгольские-китайские отношения (1616—1915 гг): Архивные документы /Сост. В.А.Дубровский. Кызыл, 1995. С. 53—60.
- ¹⁴⁶ *Дулов В.И.* Социально-экономическая история Тувы (XIX — начало XX века). М., 1956. С. 354—356.
- ¹⁴⁷ *Курбатский Г.Н.* Тувинцы в своем фольклоре. Кызыл, 2001. С. 32.
- ¹⁴⁸ Тувинское название буддизма, определяемого в литературе еще как «ламаизм».
- ¹⁴⁹ *Дубровский В.А.* Установление покровительства России над Тувой в 1914 г. // Архивные документы. К 80-летию объявления протектората (покровительства). Кызыл, 1994. С. 16.

- 150 Курбатский Г.Н. Указ. соч. С. 74—80.
- 151 См.: Федотова В.Г. Анархия и порядок.
- 152 Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // Американская социологическая мысль /Под ред. В.И.Добренкова. М., 1996. С. 517.
- 153 Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. М., 1990.
- 154 Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология /Под ред. В.Л.Иноземцева. М., 1999.
- 155 Бодрийяр Ж. Система вещей. М., 1999.
- 156 Олсон М. Возвышение и упадок народов. Экономический рост, стагфляция, социальный склероз. Новосибирск, 1998.
- 157 Антология исследований культуры. Т. 1. Интерпретации культуры. СПб., 1997.
- 158 Козлова Н. Социально-историческая антропология. М., 1999.
- 159 От массовой культуры к культуре индивидуальных миров: новая парадигма цивилизации. М., 1998.
- 160 Понпер К. «Открытое общество» и его враги. М., 1992.
- 161 Петренко В.Ф., Митина О.В. Психосемантический анализ динамики общественного сознания: На материале политического менталитета. 2-е изд. М., 1997.
- 162 Бурдьё П. Социология политики: Пер. с фр. /Сост., общ. ред. и предисл. Н.А.Шматко. М., 1993.
- 163 От аграрного общества к государству всеобщего благосостояния. М., 1998.
- 164 Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни /Пер. с англ. и вступ. ст. А.Д.Ковалева. М., 2000. 304 с. (Малая сер. «LOGICA SOCIALIS» в серии «Публикации Центра Фундаментальной Социологии»).
- 165 Цит. по: Бергер П. Приглашение в социологию. М., 1996.
- 166 Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М., 1995. С. 295.
- 167 Маслоу А. Новые рубежи человеческой природы. М., 1999.
- 168 Маслоу А. Психология бытия /Пер с англ. М., 1997.
- 169 Психоанализ и науки о человеке /Сост. Е.В.Филиппова, М.Шуаре. М., 1996.
- 170 Кун Т. Структура научных революций. М., 1998.
- 171 Маркузе Г. Одномерный человек. М., 1994; Эрос и цивилизация. Философия исследования учения Фрейда. Киев, 1995.
- 172 Делез Ж., Гваттари Ф. Что такое философия? СПб., 1998; Делез Ж. Различие и повторение. СПб., 1998.
- 173 Курс лекций по «культуре повседневности» О.Гавришиной.
- 174 Штомпка П. Социальное изменение как травма (статья первая) // Полис. 2001. № 1. С. 6—16; Он же. Культурная травма в посткоммунистическом обществе (статья вторая) // Полис. 2001. № 2. С. 3—12. Здесь: С. 8—9.
- 175 Там же. С. 9, 11.

Оглавление

Введение	3
РАЗДЕЛ I. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И МОДЕРНИЗАЦИЯ	4
Глава 1. Россия в глобальном и внутреннем мире	4
<i>Глобализация</i>	5
<i>Глобализация и модернизация</i>	10
<i>Проблемы идентичности в условиях глобализации</i>	14
<i>Распад коммунизма, глобализация и модернизация</i>	18
<i>Глобализация — это навсегда?</i>	27
Глава 2. Российская модернизация по типу социальной утопии	30
РАЗДЕЛ II. НЕКЛАССИЧЕСКИЕ МОДЕРНИЗАЦИИ И АЛЬТЕРНАТИВЫ МОДЕРНИЗАЦИОННОЙ ТЕОРИИ	39
Глава 3. Эволюция модернизационной теории и альтернативы ей	40
Глава 4. Третий путь Англии, Германии, Франции как национальная модель западной модернизации	67
<i>На какие вызовы Западу отвечает концепция и политика третьего пути?</i>	68
<i>В чем состоит концепция и политика третьего пути?</i>	72
<i>Глобализация третьего пути</i>	80
<i>Уроки третьего пути для России</i>	83
РАЗДЕЛ III. ОБРАЗЫ РОССИИ, СЦЕНАРИИ РОССИЙСКОГО РАЗВИТИЯ И ВЫБОР МОДЕЛИ МОДЕРНИЗАЦИИ	86
Глава 5. Россия, Восток, Запад	86
<i>Славянофилы и западники: можно ли думать о России вне этих рамок?</i>	86
<i>Российские трансформации 90-х глазами вьетнамцев</i>	89
Глава 6. Основные образы и сценарии российского развития	92
<i>Российский третий путь как сценарий развития</i>	100
<i>Было ли советское государство социальным и что с ним случилось?</i>	101
<i>Социальное государство и гражданское общество на Западе</i>	105
<i>Социальное государство и гражданское общество в сегодняшней России</i>	109
<i>Какие есть альтернативы?</i>	113
<i>Подлинная альтернатива — цивилизованный рынок</i>	114
<i>Социальная консолидация и политический центризм</i>	120
<i>Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ</i>	123
РАЗДЕЛ IV. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ, МОДЕРНИЗАЦИЯ И ТРАДИЦИЯ	134
Глава 7. Глобализация и российская культура	134
Глава 8. Роль культурного фактора в модернизационном развитии российских регионов	143
<i>Основа разнообразия модернизационных процессов в российских регионах</i>	144
<i>Развитие России и развитие регионов</i>	150
<i>Культура как фактор развития Тувы</i>	158

Глава 9. Персональная модернизация	172
<i>Методологический аппарат для анализа</i> <i>персональной модернизации</i>	172
<i>Персональная модернизация в различных сферах общества</i>	176
<i>Персональная модернизация в сфере политики</i>	183
<i>Природные факторы персональной модернизации</i>	189
<i>Выводы относительно персональной модернизации</i>	196
Заключение	198
Примечания	200